

Таблица 2.

Состав семей

Количество чел. в семье	Количество семей	%
1-5	124	44
6-10	140	50
11-15	15	5
Более 15	2	1
Всего	281	100

Около половины семей имели 6-10 чел., 15 семей имели от 11 до 15 чел., а 2 семьи – более 15 чел. Таков был тогда уклад жизни, высокая рождаемость. Часто дети, уже и взрослые, имеющие свои семьи, проживали совместно с родителями. Не в малой степени большой состав семьи обуславливался стремлением вести прочное хозяйство.

Больше всего -17 человек – было в семье Степаненко Трофима Трофимовича, у Муликко Феодосья Ефремовны – 16 человек, Сергиенко Василия Степановича – 15, Ф.Ф. Бушкой и К.М. Муликко – 14, Н. Боженко, И.З. Дерюги, К.З. Шкурко – по 13, А. Карпенко, А.С. Прохя – по 12, Н.С. Гавриленко, Т.П. Завиденко, А.П. Кулинич, П.И. Рака, С.А. Стасевского, Ф.Я. Тимошенко – по 11 человек. Но было немало семей с 1-2 людьми, особенно семьи некоторых стариков или семьи, имевшие призванных в армию в условиях продолжавшейся войны. Всего таких семей было 31, в том числе семей, состоявших из одного человека – 12 и из двух – 19. Они, как правило, испытывали большие трудности, так как не могли вести полноценное хозяйство и прокормить себя.

Мужское население Ирбизино составляло 871 человек (50% от общего числа жителей). Но сюда были внесены при переписи, естественно, и дети, а также все, кто служил в армии по призыву или отсутствовал, находясь на заработках. Впрочем, последних были единицы, а вот призванных в армию очень много. Шла мировая война. Мобилизации затронули более половины, 55,6 % дворов (157 хозяйства). Причем, в 98 хозяйствах было мобилизовано по 2 человека, а в 8 – даже по 3 человека. Всего отсутствовало из-за призыва 212 человек. Это катастрофически отразилось на состоянии многих крестьян и их хозяйствовании.

Преобладали семьи с мужским составом от 1-3 человек – 171 (60%). Семей, в которых мужчины составили от 4-6 человек состава, насчитывалось 97 (34%). Невелико было число семей с 7-9 мужчинами – 11. И лишь 1 семья в селе насчитывала в своем составе 10 человек мужского пола (Степаненко Т. Т.). В 2-х семьях мужчины не числились. Впрочем, фактически, в связи с призывом, семей без мужчин осталось очень много.

Из 871 чел. мужского пола трудоспособных было 389 чел. (45% от всего мужского населения села или 23% от всего населения). Остальные 482 человек были нетрудоспособны (55% от мужского населения). Это были старики, дети, инвалиды и т.п. Трудоспособных женщин было 359. Мобилизации, однако, резко изменили картину, изъяв самую важную часть трудоспособных мужчин. Из 389 трудоспособных мужчин в селе осталось 177 человек, т.е. 45 %. В результате более трети хозяйств, 108 дворов, осталось вообще без трудоспособных мужчин. Это сильно подрывало хозяйство. Основной рабочей силой являлись женщины. В работах принимали участие все дети-подростки, начиная с 12-13 лет.

Семьи, лишённые мужской рабочей силы, обычно назывались «упальмя», – даже при наличии земли и скота, они не могли вести нормальное земледельческое хозяйство, и поэтому являлись в экономическом отношении неустойчивыми, слабыми и бедными.

Очень низкой была грамотность населения. Да и общий уровень грамотности тоже был очень низким: речь не шла о среднем и, тем более, высшем образовании, грамотным считался тот, кто умел читать и писать или только читать, а также был учащимся. Учащихся было очень мало, дети начинали учиться только с 10 лет. Всего таких грамотных насчитывалось 269 человек. Грамотность среди мужчин была выше, чем среди женщин: среди мужчин грамотных было 225 человек, а среди женщин – всего 44 человек. Это говорило об ухудшенном положении и забитости женщин. Имелось лишь 182 семьи (64 %), в которых имелся кто-то, – в том числе среди отсутствующих по призыву, – умеющий читать, писать или учащийся.

Важнейшим вопросом жизни для крестьян был земельный. В селе перед мировой войной, как и повсеместно в Алтайском округе, было проведено поземельное устройство и ирбизинскому обществу в 1910 г. был отведен и ограничен общирный земельный надел. По тогдашним законам земля не являлась собственностью крестьянина или общества. Она предоставлялась обществу в бессрочное пользование, за нее крестьяне уплачивали казне архаичную государственную оброчную подать и в течение 49 лет – выкупные платежи. Внутри общества земли делились самими крестьянами.

Селу было отведено 10075 десятин удобной земли на 729 душ м.п. В целом земельное положение села Ирбизино можно считать средним для Алтайского округа. В Сибири при поземельном устройстве был установлен надел не свыше 15 дес. на мужскую душу, включая все угодья. В Алтайском округе средний надел оказался 13,3 дес. на мужскую душу, хотя немало было селений, где надел был значительно меньше, даже по 8 дес. В Ирбизино средний надел равнялся 12,72 дес. При землеустройстве не производилось отрезков, как у некоторых других селений, и даже

было прирезано из кабинетских земель 770,51 дес. Но землеустройство не удовлетворило крестьян, они его обжаловали, их жалоба была подана даже в Сенат России, что было тогда не частым явлением. Об этом имеются сведения в Российском историческом архиве в Санкт-Петербурге. Между прочим, уполномоченными ирбизинского общества при этом были Мулико Кондратий Макарович, Гавриленко Никифор Степанович и другие. Суть жалобы состояла в том, что Томским губернским управлением селу было отказано в прирезке земель участков «Федина» и «Рязюк». Участок «Рязюк» был отрезан от села Беляниха (современное Белое?) и передан землеустроителями Переселенческому управлению. А участок «Федина» являлся оброчной статьёй Кабинета. Но особенно значительным недостатком землеустройства для Ирбизино было то, что ему не был отведен лесной надел. Лес тогда имел особенно большое значение для крестьян: и для отопления, и для строительства, и для поддержания хозяйства. Лесные наделы не были отведены большинству селений Алтайского округа, что было предметом острой борьбы крестьян с Кабинетом. Землеустроители обосновывали такое решение о лесном наделе тем, что в «даче д. Ирбизинской и поблизости» отсутствовали леса, отвечающие закону о землеустройстве. Жалоба ирбизинского общества рассматривалась управляющим Кабинетом генерал-майором Волковым, товарищем (заместителем) министра внутренних дел, Сенатом, обер-прокурором, и крестьянам в ней было отказано (1).

В средний надел 12,72 дес. на мужскую душу входили все угодья, в том числе, кроме пашни, и общественный выгон, сенокосы и т.д. Таким образом, собственно под пашню оставалось совсем немного, около 3 дес. на мужскую душу. Часть пашенной земли, к тому же, должна была находиться под отдыхом, – в условиях 1917 г. это были не пары, а просто залежь. Отсюда можно легко представить, что земли, особенно для производства расширенного, товарного, фактически не было, ее можно было только арендовать, в основном у своих же односельчан. Но крестьяне обходились этими мелкими наделами, так как посева были незначительными, а хозяйство велось преимущественно потребительского характера.

В зависимости от численности мужского пола семьи имели неодинаковый размер надела (см. таблицу 3).

Подавляющее большинство хозяйств, 80 % дворов имели пашенной земли примерно до 9 десятин. Развернуть на этой земле большое хозяйство, без аренды, нельзя было.

Количество душевых наделов на семью

Количество душевых наделов	Количество семей
1-3	218
4-6	51
Более 6	1
Всего	270

Сложнее было положение так называемых «непричисленных». В Алтайском округе их число достигало в некоторые годы 250 тысяч человек. По землеустроительному закону на них наделы не предоставлялись, землю они могли только арендовать. За пользование угодьями они должны были платить обществу. Лишены они были и некоторых других прав. Непричисленных было в селе 12 семей. Не все они были в одинаковом положении, но некоторые из них: семьи Д.С. Егущенко, Г.Ф. Иващенко, Е.Н. и Т.Н. Лысенко, М.К. Шкурю фактически не имели хозяйства – скота, посевов. Так, у семьи Егущенко Григория Никифоровича, поселившейся в селе в 1915 г. и состоявшей из 5 человек, имелась лишь корова и теленок а также 1 дес. посева на арендованной у общества земле. Даже проворковать на этом было нельзя.

Низкая землеобеспеченность при сложившемся мелком хозяйстве не привела к широкому развитию аренды земли, особенно под пашню.

К аренде пашни прибегало 8 хозяйств, причем 4 из них были непричисленными. Их аренда была мелкой по характеру, вынужденной и продовольственной. Они арендовали землю, как правило, 1 дес. на 1 год.

Аренда пашни

Количество десятин	Число хозяйств
1-5	4
6-10	2
Более 20	2
Всего	8

Арендовать пашню крестьяне предпочитали у односельчан, т.к. это были уже мягкие распаханные земли. Но в качестве арендодателей выступали и соседние села, а также Кабинет. Из 8 хозяйств лишь 4 причисленных домохозяина прибегали к предпринимательской аренде земли (из них в 2-х случаях – у Кабинета – на длительный срок – 12 лет). Плата за аренду принималась преимущественно деньгами. Лишь в 2-х случаях арендная плата была натуральной, ее вносили непричисленные переселенцы ввиду своего затруднительного материального положения.

Сильнее сказывался недостаток покосов, поэтому к их аренде жители села прибегали гораздо чаще, хотя тоже не в массовом виде. Недостаток покосов вообще был характерен для Алтая.

Таблица 5.

Аренда сенокоса

Количество десятин	Число хозяйств
1-5	10
6-10	6
11-15	1
16-20	1
Более 20	1
Всего	19

К аренде прибегали 19 домохозяев. В качестве основных арендодателей выступали Кабинет, общества соседних селений (села Веселовское, Палецкое, Бельское, пос. Покровский) и церковь. Аренда была в основном краткосрочной: в 15 случаях – на 1 год; при этом площадь сенокосных угодий колебалась от 4 до 25 дес. В 4-х случаях аренда была длительной (3, 6, 12 лет). Арендовали преимущественно мелкими участками, но в 3-х случаях аренда была предпринимательской. Аренда сенокоса так же оплачивалась деньгами, и лишь в 2-х случаях крестьяне вносили натуральную плату.

Основным занятием населения Ирбизино в конкретных военных условиях 1917 г. было мясо-молочное скотоводство и земледелие. Всего посевов в Ирбизино было 1544 дес. Крестьянские хозяйства сеяли мало. На одно хозяйство приходилось в среднем 5,4 дес. Сеяли в основном яровую пшеницу и овес, рожь высевалась лишь некоторыми хозяйствами и понемногу, но несколько десятков соток. Осенних посевов вообще не было. Большинство сажали картофель, как правило, до 0,1 дес. Приметой времени было то, что многие сеяли коноплю (по несколько десятков сотых десятины), используя ее для домотканых изделий. Примерно такими же были посева подсолнечника. От нескольких десятков сотых десятины до 1,5 дес. засеивалось некоторыми хозяйствами ячменя. Еще меньше засеивалось проса, 14 хозяйства отводило примерно по 10 соток под горох. Лишь 2 хозяйства засеивало немного гречихи. Кукурузу, хотя это было украинское население, никто не сеял; очевидно, считали, что она в сибирских условиях не будет произрастать. Никто не сеял и никаких трав. Ни у одного хозяина не было бабчевых, хотя украинские традиции хозяйствования, казалось, должны этому способствовать.

Фактически господствовало монокультурное земледелие, что свидетельствовало о невысоком его уровне в целом.

Таблица 6 дает представление о распределении посевов у различных групп хозяйств.

Таблица 6.

Группировка хозяйств по посевам

Группы хозяйств	Количество десятин	Число хозяйств	Процент к общему итогу
Бедняцкая	Без посева	27	9
	1-4	93	33
Средняя	4,1-12	123	44
Зажиточная	12,1-16	30	11
	15,1-40	9	3
Всего		282	100

Значительная часть дворов (27) совсем не имели посевов. Группа бедняков включала в себя почти половину дворов (42%). Примерно такая же часть хозяйств может быть отнесена к середнякам, 14 % хозяйств были зажиточными, и 9 хозяйств вели достаточно крупное хозяйство, но только по местным меркам. Наибольшие посева были у И.А. Юрченко (40,3 дес.), К.О. Лысенко (31,9 дес.). В целом, можно сказать, что крестьянские хозяйства с Ирбизино были малопосевными.

Важным показателем хозяйственной состоятельности являлась обеспеченность рабочим скотом. Существовала прямая зависимость между количеством рабочего скота и размерами запашки и в целом благосостоянием хозяйства. Специфические сибирские условия: дальность расстояния, трудность сибирских почв и т.д. требовали иметь больше лошадей. Ведь только для распашки залежи требовалось не менее 3, а то и 4 лошадей. По принятым в научной литературе нормам, к бедняцким можно отнести хозяйства безлошадные и с 1-2 рабочими лошадьми, высшая, зажиточная группа должна была иметь не менее 5-6 лошадей.

Таблица 7.

Группировка хозяйств по количеству рабочих лошадей

Группы хозяйств	Число голов рабочих лошадей	Число хозяйств	Процент от всего числа хозяйств
Бедняцкая	нет	45	16
	1-2	118	42
Средняя	3-5	98	35
Зажиточная	5-7	21	7
Всего		282	100

Возникает довольно удручающая картина. Значительная часть крестьянских хозяйств, 45 дворов (16%), вовсе не имели лошадей. Уже это говорит о серьезном неблагополучии значительной части хозяйств, их бедности и нищете. Такие хозяйства были беспосевными или мало засевавшими. Почти половина дворов (42%) имела 1-2 лошади. Много ли можно было вспахать и обработать земля, обеспечить хозяйство сеном, перевезти все это, выполнить другой работы, имея 1-2 лошади. Вместе с безлошадными эти дворы составляли бедническую часть населения, которая включала более половины, 58% хозяйств. Показатель этот выше, чем в вышеприведенных группировках по посеву. Некоторая их завышенность может объясняться тем, что, возможно, недостаток лошадей частично восполнялся волами. В целом, обобщая данные о посеве и рабочих лошадях, можно считать, что половина хозяйств Ирбизино была беднической. Ни о каком сверхвысоком жизненном уровне для основной массы селян не могло быть и речи, это было состояние выживания.

Средняками по этим показателям о рабочих лошадях была $\frac{1}{3}$ хозяйства (35% дворов). Лишь 21 хозяйство (7%) имело необходимое для крепкого хозяйства число голов рабочих лошадей. Больше всего, по 7 лошадей, имели К.М. Мулико и И.А. Юрченко.

Для характеристики производственных возможностей крестьян села важное значение имела обеспеченность земледельческими орудиями (таблица 8).

Обеспеченность инвентарем надо признать слабой. Не имели ничего 17 хозяйств, они и не производили посева.

Таблица 8.

Обеспеченность хозяйств сельскохозяйственным инвентарем

Сельскохозяйственный инвентарь	Количество	Число хозяйств, имеющих в наличии с.-х инвентарь
сохи, сабаны, колесухи	2	2
одно и мн. лемешные плуг	280	198
рядовые и разбросн. сеялки	—	—
железные бороны	20	22
дисковые бороны	2	2
косилки	93	95
конные грабли	89	91
молотилки	16	19

Сохи отошли в прошлое, их использовали только 2 хозяйства, да и то аренду у других. Использовались металлические плуги: 198 хозяйств имели в наличии 280 единиц этого вида, однако плугов не имели около $\frac{1}{3}$ хозяйств

(82 двора или 29%). Железные бороны имели только 8 хозяйств. Дисковые бороны имелись лишь у Е.А. Борблик. Ни у одного домохозяйства в селе не было сеялок; засевали поле вручную, разбрасывая зерно. Сложные машины были представлены еще меньше: косилок было 93, большинство хозяйств (187 или 66% дворов) их не имели. Конных граблей не имело 191 хозяйство, т.е. 67% дворов. Тяжелые работы по заготовке сена (косыба, сгребание, стогование) велись вручную. А сена ведь нужно было очень много. Многие из этих работ были под силу только мужчинам, а мужских рабочих рук не хватало, о чем уже писалось выше. Молотилок насчитывалось 16 штук на 19 хозяйств (некоторые из этих хозяйства владели машинами совместно). Большинство хозяйств и обмолачивали хлеб также вручную, с помощью примитивных «щелов» и т.п. Крестьянская жизнь никогда не была легкой, а в то время особенно. Обеспечивание средств существования требовало больших сил, они добывались тяжелым трудом и потом. Это была работа от зари и до зари, в которой не было никаких отпусков и облегчений, даже детям.

Часть хозяйств прибегала к аренде инвентаря у своих односельчан. С отсутствием достаточного количества необходимых земледельческих орудий, наверное, отчасти объясняется тот факт, что крестьяне Ирбизино засеивали сравнительно небольшое количество земли. Природные условия располагали к ведению скотоводства, в частности, животноводства. Отдаленность села мешала производству молока и молочных продуктов на рынок, тем не менее, обеспеченность молочным скотом была достаточно высокой, коров держали много. Не забудем, что и семьи были в то время большими. Стадо коров в селе составляло 727 голов, т.е. в среднем по 2,5 коровы на двор или по 2,8 коровы среди тех дворов, которые их имели. Обеспеченность хозяйств коровами имела большое значение, они давали крестьянам важную часть продуктов питания. Но распределение хозяйств по числу коров было далеко не равномерным (таблица 9).

Таблица 9.

Группировка хозяйств по количеству голов коров

Число голов коров в хозяйстве	Число хозяйств	Процент от всего числа хозяйств
нет	29	10
1	55	20
2	79	28
3	46	16
4-6	61	22
7-9	8	3
Более 9	4	1
Всего	282	100

В каждом десятом дворе коров не было совсем. К бедняцким хозяйствам надо отнести 55 дворов с 1 коровой, а также и часть хозяйств с 2 коровами при большом составе семей. Их обеспеченность молочными продуктами питания была недостаточной. Часть крестьянских семей имела в хозяйстве 4-6 коров. Лишь 12 хозяйств можно отнести к разряду крупных. У И.Я. Боженко имелось 10 коров, А.П. Перекреста — 11 и И.А. Юрченко — 15 коров. Но и семьи у А.И. Перекреста состояли из 9, а у И.Я. Боженко — 13 человек. Посевы в этих двух хозяйствах нельзя признать значительными — 14,9 и 13,5 соответственно.

Лишь хозяйство И.А. Юрченко (в семье 6 человек) с посевом в 40,3 дес. при 15 коровах определенно производило молочную продукцию не только на свое потребление, но и на рынок.

У крестьян, кроме коров, имелись волю, быки, молодняк крупного рогатого скота. При этом в 26 хозяйствах (9 % дворов) крупного рогатого скота не имелось совсем, в 140 хозяйствах (50 % дворов) такого скота вместе с коровами имелось от 1 до 5 голов. В то же время у С.А. Новака имелось 24, К.З. Шкурко — 27, И.Я. Боженко и И.А. Юрченко — по 36 голов крупного рогатого скота.

Таблица 10.

Группировка хозяйства по количеству овец (вместе с молодняком)

Число голов	Число хозяйств	Процент от всего числа хозяйств
нет	87	31
1-5	38	13
6-10	78	28
11-15	43	15
16-20	18	6
21-25	5	2
26-30	7	3
Более 30	6	2
Всего	282	100

Пользуясь хорошими пастбищами, крестьяне села разводили много овец, которые давали мясо, шерсть, необходимую для валеной обуви и других целей. Стадо овец составляло вместе с молодняком 2391 голов, на 1 хозяйство приходилось в среднем 8,4 головы, а если брать только хозяйства, имевшие овец и исключать не имевших их, то — 12,2 головы. Однако характерно, что доля хозяйств, не имевших овец, была больше доли бескоровных, хотя содержание овец, казалось бы, было менее обременительным, чем коров. Не имела овец почти 1/3 дворов, 87 хозяйств или 31% (см. таблицу 10). Значит, при своем бедственном положении 1/3 хозяйств даже это было не под

силу. Вместе с тем, процент крестьянских хозяйств, державших большое количество овец, был выше процента хозяйств, имеющих большое количество коров или лошадей. Некоторые хозяйства имели крупные стада овец: К.О. Лысенко (45 голов), Ф.М. Морозов (43), Н.Д. Боженко (40), К.М. Мулино (35), И.А. Юрченко (33). Все же и эти хозяйства, хотя и выделялись на фоне села, нельзя признать сверхкрупными предпринимательскими, они вполне вписываются в разряд среднего фермерства.

Кроме лошадей, коров и овец крестьяне держали свиней, имелось и много молодняка различных видов скота (жеребята, бычки, телята, ягнята, поросята и т.п.). В результате общее стадо скота по селу приобретает внушительную цифру в 6123 голов, в среднем по 21,7 голов на 1 двор, а без учета не имевших скота — 23,3 головы скота. Это данные летнего времени, когда проводилась перепись. Осенью молодняк скота вырезался и численность стада значительно сокращалась. Можно считать, что хозяйство села имело в это время преимущественно не земледельческий, а скотоводческий уклон. Правда, такая экстенсивность хозяйства могла быть и временным явлением, объясняющимся жесткими условиями войны и необходимостью выживания для части населения. Но немалая часть дворов имела численность скота, возможно, превышающую их потребительские нормы.

В совершенно бедственном положении находились 20 дворов, которые не имели ни одной головы скота. Вообще эта группа вместе с дворами, имевшими явно не достаточное количество скота, а именно до 10 голов, составляла и по этому показателю 1/3 хозяйств (34 %). В бедняцкую группу должна быть включена и часть хозяйств из следующей группы, имевшей 11-15 голов скота. Снова и снова надо помнить, что в то время семьи были большими, а половина дворов, как было показано выше, имела в своем составе 6-10 человек. Хорошо обеспеченными скотом были 46 хозяйств, имевших более 30 голов скота, а 11 семейств имели свыше 50 голов. Больше всего скота имели И.А. Юрченко (80 голов), И.Я. Боженко (76), Ф.М. Морозов (67), И.З. Дарюга и К.М. Мулино (64), И.Г. Андриевский и С.А. Новак (63), К.О. Лысенко (62). Как правило, это были большие семьи в 10-14 человек. Посевы они имели средние (13-20 дес.), Ф.М. Морозов, например, всего 5,2 дес. Таким образом, эти хозяйства характеризовались скотоводческим уклоном. Исключением были лишь хозяйства И.А. Юрченко и К.О. Лысенко, имевшие одновременно и значительные посевы (40,3 и 31,9 дес. соответственно).

Таблица 11.

**Группировка хозяйств по количеству всех видов скота
(с включением молодняка)**

Число голов	Число хозяйств	Процент от всего числа хозяйств
нет	20	7
1-5	43	15
6-10	33	12
11-15	47	17
16-20	45	16
21-30	48	17
31-40	21	7
45-50	14	5
Более 50	11	4
Всего	282	100

Приходится только удивляться исключительному трудолюбию людей того времени, которые, невзирая на трудности военного времени, при ограниченных технических средствах, примитивности орудий производства и господстве тяжелого ручного труда, могли содержать столько скота. Даже те хозяйства, которые имели сравнительно мало скота. На современного человека это не может не производить большое впечатление.

Ни один домохозяин в селе не являлся владельцем торгово-промышленного заведения (т.е. не имел мастерских, мельниц, маслобоек, кузниц и т.п.). Село располагалось в глубинке, и эти промыслы не были распространены.

Мелкое хозяйство, характерное для села, мало было связано с наемным трудом.

Таблица 12.

Наем рабочих

Тип найма	Количество семей прибегающих к найму
нет	247
годовые	1
срочные	11
месячные	1
поденные	7
сдельные	—
помощь	21

К найму прибегало всего лишь 35 домохозяйств (12% от общего числа домохозяйств в селе). При этом 21 хозяйство прибегало к «помощи». Это

была безвозмездная помощь крестьян друг другу, такая форма найма предполагала взаимовыручку. К помощи часто прибегали хозяйства, не располагавшие достаточным количеством мужских рабочих рук. Годовых, срочных, месячных и поденных рабочих нанимало лишь 20 дворов. Поденных рабочих нанимали, в основном, хозяйства, располагавшие большим количеством голов скота. К найму срочных прибегали также крупные скотоводческие хозяйства и хозяйства, испытывающие недостаток мужской рабочей силы. Годовых и месячных рабочих нанимали хозяйства, имеющие большие стада скота; использовали они их в качестве пастухов и помощников по уходу за животными или в земледелии.

Многие семьи владели жалким существованием, усугубленное войной. Тяжело доставалось старикам и одиноким женщинам. Боцула П.Г. (60 лет). Жил с 17-летней дочерью. Сам был нетрудоспособный. Ни скота, ни посева не было. Левченко Е.П. Старик 75 лет. Жил одиноко, был сторожем в церкви. В хозяйстве не было ничего. Одиноко и без хозяйства жили Боженко Д.К. (ему было уже 80 лет) и его брат Боженко Д.К. (70 лет), у которого сына 23-х лет забрали в армию. Грищенко А. И. было 90 лет. Поселился в селе в 1894 г. ничего и ничего у него не было. Будем помнить, что никаких пенсий в то время не существовало и легко представить всю тяжесть положения этих людей. Перекрестова М.Г. (45 лет). Жила без мужа, с малолетним сыном и дочерью, а также дочерью 18 лет. Из имущества был только плуг, лошадей и другого скота никакого не было. Посева имелось только 1 дес.

Бедствовали и многие семьи призванных в армию. Горб Ф.З. (37 лет). Был призван. Остались жена и сын 2-х лет. Имели 2 коровы, 3 овцы. Посевов не было. Кратенко Ф.С. (27 лет), призван. Остались жена и сын 8 лет. В хозяйстве только 2 коровы и теленок. Посевов — 2 дес. пшеницы. Крат С.А. (29 лет). Призван. Остались жена и дочь 8 лет. В хозяйстве: 1 лошадь, 2 коровы, 2 овцы. Посевов — 1 дес. Карпенко А.Д. (33 года). Призван. В семье были жена, 3 малолетних сына и дочь. Хозяйство состояло из 1 лошади, 1 коровы и посева в 2 дес.

Конечно, не все жили так тяжело. Многие имели достаточно прочное хозяйство. Крестьяне середняцкого типа составляли вторую значительную группу дворов села. Эти хозяйства отличались более заметным достатком и обеспеченностью, хотя были мало связаны с товарным производством и носили в основном потребительский характер, — то, что производили, сами же и потребляли.

Хозяйства, которые можно было считать предпринимательскими, было немного. К ним можно отнести Боженко И.Я., Морозова Ф.М., Дарюгу И.З., Мулико К.М., Шкурко К.З. Но, пожалуй, без всяких скидок как о предпри-

нимательском или фермерском можно говорить только об одном хозяйстве – у Ивана Антоновича Юрченко. Ему было 50 лет, семья из 6 человек, но 1 сын был призван в армию. Поселился в 1899 г. Имел 80 голов скота, засеивал 40,3 дес., покос вел на 48 дес. Земли своей, естественно, не хватало, и он арендовал 251,8 дес. В таком хозяйстве своими силами справиться было невозможно, поэтому он нанимал рабочих – сроковых, месячных поленных. Значительную часть продукции он продавал, причем и за пределами села, на расстоянии 200-250 верст. Местом сбыта продуктов были довольно отдаленные железнодорожные станции Каинск, Картат, Тигарск Омской железной дороги. Кстати, это единственный случай такой торговли своей продукцией за пределами села, отмеченный переписью.

Таким было село Ирбизинно в грозном 1917 году. В чем-то отличаясь, жизнь его в целом была одинаковой со многими сотнями селений Алтайского округа. Никакого фермерского процветания, о котором нередко сейчас пишут некоторые радикальные реформаторы, сожалея по поводу «какую Россию мы потеряли», не обнаруживается, – во крайней мере, для основной части крестьянских хозяйств села. Мелкое хозяйство, не оснащенное техникой, брошенное в «свободное плавание» на риск и страх самого крестьянина, строящееся на мелких клочках земли и при низкой агрокультуре было обречено на производство полунатурального потребительского уровня, чаще всего лишь обеспечивало, и то не всегда, выживание населения. Для многих же, едва ли не половина хозяйства, это была нужда – постоянная и беспросветная. Зажиточную жизнь имела лишь незначительная часть населения. Предпринимательские хозяйства имелись, но их было немного.

Вместе со всей страной селу предстояли новые крутые повороты: революция, войны, трагические судьбы для многих, послевоенное развитие, современные реформы. Крестьяне села заслуживают лучшей доли, чем они имеют.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГИА. Ф.468. Оп.27. Д.40. Л.160-161; Д.207. Л.3-6.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

САНИТАРНО – МЕДИЦИНСКАЯ ЧАСТЬ НА АЛТАЕ

а) Врачебный персонал.

Медицинская часть по всей губернии, так в особенности и на Алтае, поставлена крайне неудовлетворительно, об этом мы читаем почти ежегодные заявления в отчетах врачебной управы. До 1889 г. врачи находились лишь в городах, да в 4 заводах горного ведомства (Сузуне, Змеиногорске, Зырянковске и Салаире). В каждом из окружных городов находилось по городскому, окружному и военному врачу, а в Колывани лишь военный и городской врач. На обязанности городских врачей лежит забота о санитарном состоянии города, судебно-медицинские обязанности по городу и заведывание городскими и тюремными госпитальями, где они есть, на обязанности окружных врачей – судебно-медицинская и санитарная часть по округу, участие в воинских присутствиях по приему новобранцев, а военные врачи заведуют лишь санитарным состоянием местных военных команд, военными лазаретами и участвуют в присутствиях по воинской повинности. Врачи горного ведомства, находящиеся в вышеупомянутых заводах и в г. Барнауле, заведуют горнозаводскими госпитальями и оказывают медицинскую помощь местному горнозаводскому населению. В помощь окружным врачам в негорнозаводских округах назначаются волостные фельдшера с обязанностью следить за появлением эпидемий, доносить о них и о санитарном состоянии заведываемых ими селений, а также оказывать медицинскую помощь советами и лекарствами в случае несерьезных заболеваний. В 88 г. были утверждены новые штаты сельских врачей, по которым назначено на всю губернию 33 сельских врача, обязанных жить в определенных врачебной управой сельских участках; к 89 г. эти участки были уже образованы и в некоторых из них находились врачи; но так как о деятельности их еще ничего не известно, то при обзоре медицинской части мы не будем о них говорить, тем более, что наш обзор относится к тому времени, когда этих штатов еще не существовало, хотя ходатайство о них губернским начальством начато еще в 65 г. и почти ежегодно возобновлялось. Таким образом, сельское население до последнего времени находилось без медицинской помощи. Окружные врачи, заведующие каждым округом в несколько десятков и даже сот тыс. верст (Кузнецкий 86087 кв. в[ерст], Бийский 164851 кв. вер[ст], и Барнаульский 114491 кв. вер[ст]), имеющие в своем ведении по нескольку сот тысяч населения (в 87 г. в Барнауле, окр. 254 тыс. жителей об. пола, в Бийском 312 $\frac{1}{2}$ тыс. и в Кузнецком 157 $\frac{1}{2}$ тыс. ч. об. п.) и не имея в своих руках ни

средств, ни достаточного фельдшерского персонала (у каждого по 2 фельдшера на весь округ), неся кроме того тяжелые судебные-медицинские и медико-полицейские обязанности, которые, по заявлению самой врачебной управы, они «не успевают исполнять своевременно» (обзор 83 г.), окружные врачи в таком положении не могли оказывать никакой медицинской помощи сельскому населению. В 82 г. по этому поводу врачебная управа писала в отчете: «В прошлогодних обзорах постоянно было обращено внимание на крайнюю затруднительность, или прямо сказать, на совершенную невозможность для бедных крестьян получать надлежащую и притом своевременную врачебную помощь при тех громадных расстояниях, на которых раскинуто малочисленное сравнительно население и при той дороговизне лекарств, которая в большинстве случаев служит другим, весьма серьезным препятствием к получению сельскими жителями правильной медицинской помощи. В отчетном году было положено начало и устранению постепенно этого чувствительного недостатка. Все окружные врачи снабжены были лекарствами; каждый получил их стоимостью на 50 р., а всего же на этот предмет было израсходовано 300 р., которые были пожертвованы Обществом Красного Креста и окружные врачи, во время своих разъездов, получили возможность раздавать безденежно лекарства больным, приходившим за пособием». Эту довольно значительную выписку мы привели только для того, чтобы показать, насколько беспомощны даже врачи в деле оказания медицинской помощи. Какие-то 300 р., пожертвованные Красным Крестом, и употребленные окружными врачами на лекарства для более чем миллионного (1132 $\frac{1}{4}$ тыс.) населения целой губернии, врачебной управой считаются началом и чуть ли не поворотом во всем медико-санитарном деле. Фельдшерский персонал, о котором сама врачебная управа в том же отчете говорит, как о получившем «довольно ограниченное по отношению к медицине вообще образование», конечно, не может сколько-нибудь значительно пополнить недостаток врачебного персонала, а их 50-рублевые аптечки редко кому, кроме сельского богатого люда и волостного начальства, приносят пользу. Да, наконец, нужно только привести цифру общего числа фельдшеров, чтобы убедиться в отсутствии даже фельдшерской помощи для сельского населения; 19 фельдшеров и 23 лекарских ученика в 81 г. и 143 фельдшера в 87 г. на всю губернию являются тем же нулем как и 7 окружающих врачей на миллионное население губернии. Этого персонала недостаточно даже для простого констатирования заболеваемости и смертности населения. «Число смертных случаев, приведенное в отчетности по врачебной управе, не достигает и десятой части числа умерших, показанного в регистрации смертности, доставляемой из приходов» говорится в обзоре губернатора за 82 г. «Так

в 81 г. по отчетам врач. управы, итог умерших составляет 2916, считая смертность в больницах, в селениях от эпидемических болезней, в частной практике врачей и скоропостижно и насильственно погибших; по ведомостям о движении населения в том же году смертность показана 29197, т.е. в 10,5 раза более. Если допустить весьма вероятное предположение, что такое же отношение существовало между числом больных, показанных в медицинских отчетах и действительной заболеваемостью, то в 81 г. в Томской губ. больных, нуждавшихся во врачебной помощи, было не около 40 тыс., как значится в медицинских отчетах, а не менее 420 тыс., т.е. около половины населения». А в обзоре 86 г. говорится, что « $\frac{1}{4}$ всего числа умерших хворали и умерли без всякой медицинской помощи».

Все, что говорилось до сих пор вообще о губернии, еще в большей степени относится и к Алтайскому округу, где, за исключением городов и 10 горнозаводских пунктов с врачебными или фельдшерскими участками, население находится еще в худшем положении относительно медицинской помощи. В 83 г. в губернаторском обзоре говорится: «Самые обширные и более населенные округа, Бийский и Барнаульский, до сих пор не имеют волостных фельдшеров, так что врачебная часть устроена гораздо беднее в округах, состоящих в ведении Алтайского горного ведомства, в сравнении с округами, состоящими в прямой зависимости от губернского начальства. Врачебная управа заявляет, что благодаря двойственности в управлении медицинской частью, губернская администрация не имеет права назначать фельдшеров и повивальных бабок в округа, состоящие в ведении горного ведомства без предварительного согласия на то сельских обществ, а опыт показал, что весьма нелегко получить это согласие. Определено в одном только Кузнецком окр., при деятельном участии состоящего там чиновника по крестьянским делам, 6 медицинских фельдшеров, с содержанием в 4 волостях по 300, а в 2 по 120 р. и кроме того, по 50 р. в год на медикаменты».

Это заявление губернаторского обзора подтверждается и статистикой медицинского персонала и сравнительным его распределением между сельским населением в двух половинах Томской губернии. До утверждения реформы сельской медицины, т.е. до самого последнего времени, в Алтайском окр. кроме городских врачей, было лишь 8 для сельского населения в 664838 ч. об. п. в 86 г., — по одному окружному врачу в Барнаульском и Кузнецком окр., два в Бийском, один из них назначенный с 80 г. называется алтайским объездным, и 5 горных врачей, из них один в г. Барнауле; таким образом, на одного врача приходится более 82 $\frac{1}{2}$ тыс. насел. В остальных округах Томской губ. на 231111 ч. об. п. сельского населения окружных врачей 5 (в Томске 2, один из них называется сельским губернс-

ким врачом, и, наконец, по одному в Мариинске, Каинске и Нарыме), следовательно, на одного приходится $46\frac{1}{4}$ тыс., или почти вдвое менее, против Алтайского окр. Относительно фельдшерского персонала отношение еще более невыгодное для алтайск. волостей. В Алтайском окр. кроме 27 фельдшеров горного ведомства, из которых 5 в г. Барнауле, было 8 фельдшеров, состоявших при 4 окружных врачах — по 2 у каждого и, как выше сказано, еще 6 волостных фельдшеров в Кузнецком окр., а следовательно, всего фельдшеров приблизительно около 40. Распределяя между ними сельское население Алтая, получим на каждого фельдшера приблизительно 14 тыс. насел. В остальных, не алтайских округах, кроме 10 фельдшеров при окружных врачах, можно считать еще около 25 волостных фельдшеров по числу волостей, а следовательно всего 35 фельдш., или на каждого около $6\frac{1}{2}$ тыс. сельского населения. При этом не нужно забывать еще того, что фельдшерский персонал в Алтайском округе сосредоточен лишь в нескольких горнозаводских селениях, и не обязан заведывать негорнозаводским населением, и таким образом, для населения более чем в полмиллиона, остается менее 15 фельдшеров, и остальных же округах губернии главная масса фельдшеров сосредоточена в волостях при вол. правлениях и обязана заведывать всем сельским населением округов.

С реформой о сельских врачах по Положению 1888 г. медицинская часть, как во всей губернии, так и в Алтайском окр., конечно, изменится к лучшему. По Высочайше утвержденным штатам полагается, кроме существовавшего до сих пор штата окружных врачей с их фельдшерами, по два сельских врача на Барнаульский и Бийский округа и один врач в Кузнецкий, при каждом из них состоит по 3 фельдшера, из которых двое находятся в особых пунктах, третий при враче. Пункты для пребывания врачей назначены в Барнаульском окр. сел. Тальменское той же вол. и Крутиха (Бурлинской вол.); подведомственные первому врачу пунктовые фельдшера находятся в с.с. Медведском (Легостаев. в.) и Сорокине (Чумыш.), а фельдшерские пункты второго врача в с. Чушамском Карасукской и с. Ребрихе Касмалинской в.в. В Бийском окр. врачебные пункты в с. Смоленском той же вол. и с. Шеманых (Александровской). В первом участке фельдшерские пункты назначены в с. Енисейском той же волости и в миссионерском с. Онгуде, по Шемонаевскому участку фельдшерские пункты находятся в с. Ельцовском (Чарыш.) и в с. Снегиревском (Бухтарминской в.). В Кузнецком окр. сельский врачебный пункт находится в с. Барятском, сведений о фельдшерских пунктах (двух) у нас нет. Если сельская медицина в Барнаульском и Бийском окр. выиграла с введением реформы, то нельзя того же утверждать о Кузнецком округе, где с этой реформой число фельдшеров уменьшится; еще в 1883 г. здесь было 6 волостных фельдшеров, а потом фельдшерские пункты были едва не в каж-

дой крестьянской волости, которых в округе 9, теперь же с учреждением двух пунктов сельских фельдшеров, подчиненных сельскому врачу, прежние, содержимые волостями по особым приговорам, уничтожены. Новая постановка фельдшера-врачебной помощи должна уступить старой еще и потому, что теперь, с уничтожением должностей прежних волостных фельдшеров, исчезает возможность у населения пользоваться кроме советов и медикаментами; прежде при каждом фельдшере бывала хотя небольшая аптечка, содержащая также на средства волости. По новому же положению о сельской медицине ни врачам, ни фельдшерам ни копейки не назначено на медикаменты, и этот новый персонал сидит в своих пунктах пока в бездействии.

О современном положении медицинской части в горнозаводских селениях далее мы поговорим подробно, здесь же упомянем лишь о врачебном персонале горного ведомства. Первый медик и первая аптека, если так можно назвать некоторый запас лекарственных растений, находившихся при враче, были назначены Кабинетом в 1758 г., этим положено начало медицины в Томской губ. Врач и его аптека находились в Барнауле. Как затем развивалось дело медицинской помощи, сведений у нас нет, известно лишь, что еще в прошлом же столетии, в другом главном средоточии горного дела на Алтае, в Змеиногорске, был также госпиталь, и так как около Змеиногорска было больше горных рабочих, чем в Барнауле, то нужно думать, что этот госпиталь в конце прошлого века и начале нынешнего по своим размерам превосходил барнаульский. К тому времени, как слава Змеиногорского рудника начала падать, в Змеиногорском госпитале, по свидетельству Леденбура, посетившего рудник в 1826 г., было 300 кроватей и при госпитале был устроен первый в Сибири сад для разведения аптекарских растений. Точно также известно, что уже в 1817 г. кроме этих госпиталей существовал еще и на Сузунском заводе, да вероятно, госпитали были и на некоторых других заводах и рудниках, например, Салаире и Кольвани, как старейших и населеннейших пунктах в конце прошлого и начале нынешнего столетия. Первые штаты, на основании которых существовала в дальнейшем медицинская часть в Алтайском окр., появляются в 1829 г.; были ли изменения этих штатов и какие именно, мы не знаем, известно только, что уже в 81 г. было 5 горных врачей, как и ныне. В 1883 г. появляются новые временные штаты, вместе с новыми штатами по общему управлению кабинетскими имуществами на Алтае, и в настоящее время при 11 горнозаводских госпиталях, из которых 4 в Барнаульском окр., 6 — в Бийском и 1 в Кузнецком, находится 5 горных врачей, (по 2 в Бари. и Бийском и 1 в Кузнец. окр.), и 27 фельдшеров (по 10 в Бари. и Бийск. и 7 в Кузнец.). С 1890 г. числится уже 6 горных врачей, вместо одного в Барнауле назначено 2 врача, один из них женщина — врач, г-жа Дубенская.

Помимо окружного, сельского и горного (кабинетского) медицинского персонала, существуют еще фельдшера на частных золотых приисках и при некоторых частных заводах и крупчаточных мельницах; в губернаторских обзорах почти совсем нет сведений о них. В отчете лишь за один 1885 г. упоминается, что на всю губернию было всего медицинских фельдшеров и лекарьских учеников 64 чел., из них вольнонаемных 34 чел. Как они распределялись по округам, сколько из них приходилось на Алтайский округ и состояли ли все они на службе у частных лиц, из отчета неизвестно. Мы знаем лишь о деятельности трех фельдшеров в Бердской и Барнаульского окр.; двое находятся в самом Бердске — один (медик V курса Лебедев) заведует приемным покоем и аптекой, устроенной для своих рабочих содержанием крупчаточной мельницы В.А. Гороховым, другой (Бархатный) занимается частной практикой. У Горохова бесплатной помощью пользуется и ближайшее деревенское население. Эта больничка с аптекой существует уже около 3—4 лет; ежедневное число амбулаторных больных у него достигает до 5 чел. Вторая такая же аптека и приемный покой находится в с. Завьялове при другой крупчаточной мельнице, купца Богомолова; она существует уже более 10 лет. Врач Морниц, содержащий в начале эту аптеку и больничку, хлопотал даже о праве продажи из аптеки медикаментов на сторону, но до сих пор разрешения не получил. У Морница еще в 82 г. число амбулаторных больных достигало до 100 чел. ежемесячно. Ныне этой аптекой заведует бывший колыванский фельдшер Тромм, который еще в г. Колывани имел громкую популярность среди менцанского и крестьянского населения; и теперь к нему обращается население всех соседних деревень.

О числе и распределении остального медицинского персонала по Алтайскому окр. (повивальных бабок, оспопрививателей) мы имеем еще менее точных сведений. Из последнего губернаторского обзора за 87 г. видно лишь, что по всей губернии было 73 повив. бабки и 65 оспопрививателей; но сколько из них приходилось на долю Алтайского окр. неизвестно. Нужно думать, что вследствие упомянутой уже нами двойственности в заведывании медицинской частью этого округа (общей и горной администрацией) и вследствие того, что врачебная управа не могла в алтайских волостях назначать собственной властью ни фельдшеров, ни остального персонала, Алтайский округ в этом отношении стоял до реформы сельской медицины ниже остальных округов губернии и вероятно, большая часть из указанного выше числа повив. бабок и оспопрививателей находилась не в алтайских волостях губернии. В ведении же горнозаводской администрации числилось всего две повивальных бабки — одна при Барнаульском и другая фельдшерница — акушерка при Саланре-

вом госпитале. Обязанности оспопрививателей в горнозаводских селениях исполняют фельдшера.

Относительно ветеринарного персонала Алтайский округ еще беднее. Из губернаторских отчетов видно, что в 81 г. на всю губернию было лишь 3 ветеринарных врача и 10 фельдшеров; двое из врачей и двое фельдшеров жили в Томске, а на остальную часть губернии и в том числе на Алтайский окр. приходилось лишь 1 врач и 8 фельдшеров, о распределении которых сведений нет. В 82 г. в окружных городах было уже 2 ветеринара и 14 фельдшеров, но, по словам обзора, они все находились в Томском, Мариинском и Каинском округах, вероятно, по главному Сибирскому тракту; в следующем году увеличилось лишь число фельдшеров до 19 и опять все распределены в тех же не алтайских округах. В 84 г. было 7 ветеринаров, но как они распределялись неизвестно; фельдшеров в этом году было уже 26 и из числа вновь прибывших были определены в Барнаульский округ — 2, в Бийский и Кузнецкий по одному. Это увеличение ветеринарного персонала было временное и вызывалось чрезвычайным распространением чумной эпизоотии, унесшей в один год около трети рогатого скота. На следующий год ветеринаров было уже только 3 по всей губернии и 27 фельдшеров, из которых едва ли по одному приходилось на горные округа; в 86 г. о ветеринарном персонале ничего не известно. Только с 87 г. постоянные ветеринарные врачи появляются в каждом из городов Алтайских окр., кроме Колывани; из 34 фельдшеров всей губернии на горные округа приходилось не более 5—6, остальные были по главному Сибирскому тракту. К началу 90 г. ветеринарный персонал распределялся таким образом: в Барнаульском окр. 1 врач и 5 фельдшеров, в Бийском — то же, в Кузнецком 1 врач и 4 фельдшера. Врачи и при них по одному фельдшеру живут в городах, а остальной фельдшерский персонал распределен по селам, чаще в местах нахождения волостных правлений. Само собой разумеется, что ветеринарный персонал занят не лечением заболевшего скота, для чего у него не имеется средств, а лишь организацией санитарно — полицейских мер при борьбе с эпизоотиями.

б) Больницы и лечебницы

В Барнауле, кроме горнозаводского госпиталя, о котором будет сказано ниже, в 84 г. обществом Красного Креста основана и поддерживается небольшая больница, место и необходимые здания для которой были пожертвованы лицом, пожелавшим остаться неизвестным. Основанная первоначально на 20 кроватей, с 87 г. она имеет их только 10, из которых половина содержится городом, так как у города собственной больницы нет. До сих пор больницей заведывали городские врачи бесплатно; кроме си-

делки и прислуги, здесь нет никакого медицинского персонала. Содержание больницы ежегодно обходится обществу Красного Креста около 1100 руб. (88 г.). С больных взимается 10 р. в месяц. В ней бывает ежедневный прием амбулаторных больных; в 88 г. пребывало до 1500 человек, в 89 – 606. Стационарных больных было в 88 г. 178 чел., в 89 – 163.

В Бийске, кроме больницы при тюремном замке на 10 кроватей, в конце 70-х годов была построена частная больница на 25 кров., которая и до сих пор содержится ее основателем, бийским купцом А.В. Соколовым. Больница находится в двух павильонах, из которых один на 12 кроватей для военных, а другой для горожан. Военным отделением больницы заведует военный, гражданским – городской врач, получающий от города 300 р.; больничный фельдшер, смотритель и прислуга нанимаются от Соколова. Город, кроме содержания врача при больнице, оплачивает и ремонтирует ее, за что пользуется в больнице двумя бесплатными кроватями для бедных граждан. Плата с больных Соколовым взимается по 7¹/₂ руб. в месяц; некоторые пользуются лечением бесплатно от содержателя больницы Соколова. В 89 г. в больнице пользовалось всего 77 человек, из них двое умерло; среднее содержание кровати, по исчислению Соколова, обошлось в 92 р. 66 к. в год. В больнице бывает ежедневный прием амбулаторных больных, которые в 89 г. сделали 2989 посещений; больше всего посещений приходилось на январь – 385, июнь – 384, май – 376, меньше на сентябрь – 159 и август – 164.

Кроме того в Бийске существует тюремная больница на 10 кров., в 89 г. в ней пребывало 129 больных, из них 6 умерло.

В Кузнецке, кроме военно-тюремного госпиталя на 20 кроватей, других не имеется. Ежедневное содержание каждой кровати ныне обходится в 10 коп.

В Кольвани до 86 г. был лишь военный лазарет на 7 кроватей, помещается он в наемном здании; с июля 1886 г., благодаря настоянию умершего в 89 г. городского врача Азарова, городом была открыта бесплатная амбулаторная лечебница с бесплатным отпуском из ее аптеки лекарств недостаточным жителям города. За заведывание лечебницей и аптекой городской врач получает от города 300 р. в год, под ведением врача при больнице и аптеке город содержит двух фельдшеров, а до 87 г. был один. О состоянии Кольванской лечебницы дает понятие следующая таблица:

	1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.
1) пребывало больных	2814	2884	3667	2917
2) которые сделали посещений	4644	5519	7213	6770
3) число рецептов	7244	8125	10328	9754

4) стоимость одного рецепта	7,84 к.	9,47 к.	7,77 к.	9,48 к.
5) годовое содер. леч. и аптеки	1231 ¹ / ₂ р.	1618 ¹ / ₂ р.	1732 р.	1861 р.

Больницы горнозаводские. Всех больниц в заведывании Горного Управления 11. Когда построены они, у нас, к сожалению, сведений нет. Известно только, что Сузунский госпиталь выстроен в 1817 г., занимает помещение, приспособленное из частного дома. Все госпитали, за исключением Барнаульского, помещаются в одноэтажных деревянных строениях, построенных по коридорной системе; лишь один Барнаульский госпиталь помещается в монументальном двухэтажном здании, верхний этаж которого, однако занят богадельней, что противоречит всем правилам гигиены и представляет значительные стеснения для госпиталя. К значительным неудобствам Барнаульского госпиталя относится и почти полное отсутствие хозяйственных пристроек. Тогда как в других имеются, напр., в Салаирском – 3, Кольванском – 3, Локтевском – 4 надворные постройки. При громадном здании Барнаульского госпиталя, кроме прачечной, ледника и погреба, нет ни амбаров, ни завозни, ни конюшни, ни сарая, ни сеновала, так что под незанятые больными кровати, тюфяки, одежду и, что особенно важно, платье и обувь поступающих больных должна быть отведена одна, а то и две из госпитальных палат. Это тем более неудобно, что в Барнаульском госпитале, как впрочем и во всех остальных, особым приспособлений для дезинфекции не имеется. За отсутствием опять необходимых построек, комиссар госпиталя, он же и смотритель богадельни, не имеет при госпитале квартиры и не может поэтому иметь того обязательного надзора за поварами, сторожами, прачками и пр., какой здесь всегда нужен. В других госпиталях таких неудобств нет, ибо число кроватей гораздо меньше, богадельни на 70 человек не существуют и врач или фельдшер живет при самой больнице.

По помещению наиболее обширный госпиталь – Барнаульский. Хотя он построен на гораздо большее число, но теперь в нем помещается только 45 кроватей, потому что верхний этаж занят богадельней. Он имеет 7 палат внизу и 1 наверху, по содержанию воздуха наименьшая из них – 21, наибольшая – 43 кубических сажень. За ним следует Змеиногорский на 15 кроватей – 3 палаты вместимостью от 5¹/₂ до 13¹/₂ куб. саж., Сузунский – 6 кроватей, в 3 палатах 4 – 16 куб. саж. и Салаирский 7 кр.

При этих четырех более значительных госпиталях находятся врачи; остальные заведуются фельдшерами, под контролем последних. Твоях больниц 7: Локтевская на 5 кроватей, Кольванская на 4, Белоусовская 5 кр., Николаевская 5 кр., Павловская 7, Риддерская 4 и Зырянская.

Все госпитали расположены в более или менее отдаленном расстоянии

от обывательских домов. Например, Барнаульский госпиталь, хотя и находится посреди города, но стоит совершенно уединенно, окруженный с двух сторон площадями и с двух других широкими улицами. Змеиногорский и Зыряновский расположены в 100 сажнях от жилых строений, Николаевский в 80, остальные в 20—50 саж. Такое положение госпиталей представляет известные гарантии против распространения эпидемий, во время которых больницы иногда могут являться очагами заразы. К неудобствам расположения некоторых госпиталей, как напр., Барнаульского и Колыванского, нужно отнести то, что они построены вблизи заводских прудов, уровень воды в которых иногда поднимается выше грунта под госпиталем, так что весной под палатами накапливается вода, которая, там оставаясь, гниет целое лето и поэтому все старания о чистоте воздуха остаются напрасными.

При некоторых госпиталях есть небольшие сады, как напр. при Локтевском и Сузунском, при Зыряновском есть плохой садик, а Колыванский госпиталь выходит двумя сторонами на бульвар из березок. К Барнаульскому прилежит огромное пустопорожнее место, на котором предполагается развести большой сад и со временем выстроить летние барачки для больных.

Каких либо приспособлений для водоснабжения ни в одном из горных госпиталей не имеется и вода доставляется бочками из ближайшей реки или ключа. Хотя очень недалеко от Барнаульского госпиталя находится заводской пруд, из которого многие жители пользуются водой, но так как вода очень плоха, то госпиталь принужден доставать воду из довольно далеко текущей Оби. На Колыванской граничной фабрике вода для госпиталя набирается прямо ведрами из близко лежащего заводского пруда. Система удаления нечистот везде вывозная бочками и в некоторых госпиталях, как напр. Барнаульском, отхожие места распространяют запах по всему зданию, что при отсутствии надлежащих вентиляционных приспособлений, гниении подпольной воды и переполнении палат, дает атмосферу чрезвычайно тяжелую и делает тщетными все заботы медицинского персонала о чистоте воздуха в палатах. В этом отношении счастливее всех маленький Сузунский госпиталь, где врачом Казариновым устроена система вывозная без выгребных окон: в ретирады под стульчаки подставляются большие корчаги, которые и выбрасываются своевременно и меняются сколько бы это раз ни потребовалось, так что воздух здесь не носит специфического запаха и поддерживается достаточно чистым посредством форточки и каминной.

Особых операционных комнат ни в одной из больниц не существует. В Барнаульском этот недостаток в значительной степени уменьшается

тем, что здесь для амбулаторного приема есть две большие и светлые комнаты, в одной из которых и делаются все — большие и малые операции. В отношении снабжения перевязочными материалами, хирургическими инструментами и медикаментами все госпитали, особенно Барнаульский, обставлены очень богато и, если существует где либо недостаток в этом отношении, то это объясняется трудностью доставки при плохих путях сообщения. Ежегодно, по требованию Горного медицинского инспектора, Управлением Алтайского горного округа выписывается все необходимое для снабжения госпиталей. Вообще нынешний начальник относится чрезвычайно внимательно к санитарному состоянию округа и делает все, что находится в его власти, для улучшения положения врачебного дела на Алтае.

При всех госпиталях есть бани; при некоторых же, напр. при Барнаульском и Змеиногорском, кроме того имеются для больных ванны комнаты; при Зыряновском баня находится при самом здании госпиталя и сюда в случае надобности вносятся ванны, на Локтевском также баня находится при здании госпиталя; при маленьком Колыванском госпитале имеется одна только ванная комната.

Условия для поступления в горные госпитали таковы. Семьи горнослужащих и горнорабочих имеют право лечиться бесплатно, остальные же принимаются за плату, устанавливаемую ежегодно министр. внутр. дел. В 1860 г. плата эта равнялась $34\frac{1}{4}$ коп. в сутки, в 70 г. — 43 к., в 75 г. — $45\frac{1}{4}$ к., в 80 г. — 40 к., в 85 г. — $38\frac{1}{4}$ к., а в прошлом 1889 г. доходила до 41 к. и на 90 г. установлена в 34 к. в сутки; кроме того ежегодно взималось с каждого в сутки по 3 к. на медикаменты. Плата на 90 год в 34 к. является минимальной за все 30-летие. За эту плату пользуются равно как частные лица, так и солдаты и арестанты. В 1889 г. с платных больных получено: в Барнаульском госпитале — 4142 р. 22 к., в остальных 706 р. 12 коп. По всем горным госпиталям израсходовано в 1889 г.:

	Число врачей	Число фельд.	Содержание больных		Медикамент. и инструм.		Прислуга	
			руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.
Барнаульский	1	5	2611	70	767	44	1606	31
	2200 р.	2460 р.						
Салаирский	1	6	209	$19\frac{1}{2}$	497	71	228	—
	2000	2285						
Сузунский	1	1	509	20	134	—	408	—
	1800	420						

* Сюда же отнесено 360 р. — содержание повивальной бабки при госпитале.

Локтевский	-	2	200	49	248	21	307	-
		815						
Змеиногорский	1	2	618	28	635	04	391	-
	2034	840						
Белоусовский	-	1	92	53 1/2	129	48	96	-
		385						
Николаевский	-	1	80	17	62	88	108	-
		410						
Зыряновский	1	3	837	22	463	35	588	-
	2200	1200						
Риддерский	-	-	103	26	103	20	103	24
Колыванский	-	1	44	34	141	59	72	-
		300						
Павловский	-	-	367	-	189	33	371	88
ИТОГО:	5	22	5773	49	3372	23	4279	43
	10239	9315						

Расход этот нельзя считать значительным, если сравнить его с тем, что тратится ежегодно русскими земствами на постановку своей медицинской части; у некоторых он достигает 3 и даже 5 сот тысяч рублей, как напр. в Вятской и Пермской губерниях. Эти расходы Алтайского Управления сравнительно невелики и с тем, что тратилось еще в середине 80 годов уральским заводоладельцем Демидовым Сан-Донатом: на медицинскую часть в одном своем Тагильском заводе он расходовал до 35 тысяч руб. («Волжский Вест.» 1885 г.). А по словам москов. санитарного врача А. Погожева («Рус. Вед.» 90 г. N 39) Богородско-Глуховская мануфактура Морозова и К° в 87 г. затрачивала на медицинскую часть при одной своей Глуховской фабрике, население которой достигало 13 т. ч. об. п., до 40 т. руб.; здесь была больница на 150 кров., родильное отделение на 12 кр., детская больница на 16 кров.

Число больных, как стационарных, так и амбулаторных, и род преобладающих болезней всего лучше можно видеть из прилагаемой таблицы:

	Среднее годовое 85-89 г. в госпитале	Среднее ежегодн. амбулатор. за 5-летие	Больных 89 г.		Преобладающие болезни
			в госпитале	амбулаторно	
Барнаульский	740	31,4	757	7355	Катар. дых. орг., болезни желуд., ревматизм мышц и суставов и малярия, кроме Змеиногор.
Змеиногорск.	180	10	168	4076	
Сузунский	3,6	18	379	861	

Зыряновский	125	12	144	2182	Пневм., гастр., ревм. и запон.
Салзирский	50	8	46	3369	То же, что и в Змеиногорск.
Павловский	-	3	152	992	
Локтевский	1,3	21,5	59	1245	
Белоусовский	0,3	10,8	5	168	Ревматизмы.
Риддерский	-	1,2	3	402	
Колыванский	1	16	1	590	Ревматизмы.
Николаевский	1,3	-	13	255	Лихор., горяч., ревм., воспал. плевры.
ИТОГО:	-	-	1727	21495	

в) Богадельни и приюты

Во всем Алтайском окр. существуют лишь две богадельни и обе находятся в г. Барнауле. Старейшая из них – горнозаводская для приюта престарелых и неспособных к труду лиц, бывших крепостными в алтайском горном ведомстве; она устроена на 70 кроватей и содержится на счете Кабинета. В 86 г. в ней содержалось 28 муж. и 41 жен., содержание каждого обошлось в 70 руб.; в 87 г. призревалося 20 м. и 50 ж., каждый стоил около 52 р. 80 к.; в 89 г. – 30 м. и 38 ж., содержание каждого обходилось в 56 р. 59 к. Так как богадельня устроена для призрения только быв. крепостных мастеровых, то с исчезновением этого поколения она должна быть преобразована или совсем закрыта.

Вторая, Александровская богадельня открыта в 82 г. Барнаульской думой в память 25-летия царствования в Бозе почившего Государя Александра II на пожертвованные частными лицами суммы. Капитал богадельни, находящийся в ведении гор. думы, к началу 90 г. состоял из 12702 р. по муж. отделению и 7092 р. по женскому. Сначала было открыто 10 кроватей, затем число их увеличилось: в 83 г. было 22 (13 м., 9 ж.), в 84 – 22 (13 м., 9 ж.), в 85 – 25, в 86 – 35 (10 м., 25 ж.), в 87 – 15 (8 м., 7 ж.), в 89 – 26 (10 м. 16 ж.). Стоимость содержания каждого обходилась в 85 г. в 25 р., в 86 – менее 18 р., в 87 – 66 р. 66 коп. Призреваемые мужчины находятся на полном содержании, а женщины пользуются лишь помещением, готовым теплом и светом в богадельне, пропитание же снискивают милостыней. Кроме того по губернаторским обзорам видно, что в г. Колывани на счет города призревалося в 83 г. – 16, в 84 г. – 20 ч. слепых, хромях и разного рода неизлечимых больных; «но как они призревались, в особых ли избах, или распределены у жителей и есть ли за ними какой либо уход, об этом не известно» говорит обзор 84 г.

Приюты для сирот и бедных детей существуют в г. Барнауле Марининский жен. и в иногородческом селении Улале Бийского окр. Первый основан в 84 г. винозаводчицей Судовской; в 85 г. в нём было 12 дев., содержание каждой обошлось в 49 р. 73 к., в 86 г. – 15 д., в 87 – 18 д. содержание каждой в 45 р. 70 к. Пожертвованной Судовской капитал, на % с которого содержится приют, к 88 г. возрос до 14195 руб.

Приют для иногородческих сирот в Улале построен и содержится на средства Алтайской духовной миссии; в 85 г. в нём призревалось и обучалось 8 м. и 20 дев., содержание каждого обошлось в 40 руб.

г) Аптеки

Всех аптек казённых, кабинетских и частных с правом вольной продажи к началу 1890 г. на Алтае было 3. Казённая аптека существует лишь в Кузнецке при военно-поюрном госпитале. Сведений о размерах её деятельности у нас ни за один год не имеется.

Частные аптеки с вольной продажей до 88 г. существовали две: в Барнауле аптека Поляка и в Бийске – Реша, и на полгода в 85 г. открывалась аптека Ковнацкого в Колывани; со смертью Поляка его аптека закрыта и к началу 90 г. остаётся лишь одна в г. Бийске. О деятельности этих аптек из губернских отчетов мы имеем сведения лишь за 84 и 85 годы. Аптека Поляка приготовляла в 84 году 2790 рец., в 85 г. – 2217 рец.; всего в год она выручала в 84 г. – 2579 р., из которых 1080 р. по ручной без рецептов продаже; в 85 г. выручено 2099 р. 25 к., из них 794 р. по ручной продаже; средняя стоимость рецепта в 84 г. была 53,68 коп. Аптека Реша в Бийске приготовляла в 84 г. – 2692 рец., в 85 г. – 2174 рец. и выручила 2621 руб. и 2084 руб., из них по вольной продаже в 84 г. – 837 р., в 85 г. – 902 р.; средняя стоимость рецепта в 84 г. – 66,6 к. Аптека Ковнацкого с 24 авг. по 1 янв. 86 г. приготовила 120 рец. на 156 р. 64 к., из них 96 р. 70 к. по ручной продаже; стоимость рецепта 50 к.

Наконец, правом вольной продажи пользуется центральная аптека алтайских горных заводов в г. Барнауле. Без сомнения, это одна из старинных аптек на Алтае, да и во всей Томской губернии. Она открыта с приездом на Алтай первого врача в 1758 г. и существовала нераздельно от горного госпиталя, точно так же, как и аптека в Змеиногорске. При обеих этих аптеках ещё с конца прошлого столетия были основаны сады и огороды для разведения лекарственных растений, обязанность собирать которые лежала на учениках заводских школ. В Змеиногорске от этого сада не осталось даже и признаков, а в Барнауле из аптекарского он уже давно превратился в сад для гуляний и поддерживается заводом только с этой целью. Он находится около самого завода, против нынешнего помещения аптеки. Близость завода

действует губительно на его и без того чехлую растительность. Более или менее подробные сведения о ней имеются за 84-5 и 89 гг., но и то лишь об отпуске лекарств по платным рецептам, которые по отношению к бесплатным рецептам для всех горных служащих и рабочих Барнаульского завода, составляют ничтожную часть. В 84 г. было по вольной продаже 269 рец., в 85 г. – 205; всего выручено в 84 г. – 180 р. и 85 г. – 166 р., из них по ручной продаже 65 р. и 50 р.; стоимость рецепта в 84 г. была 42,55 к., а в 85 г. – 48,6 к. За последний 1889 г. горная аптека после закрытия аптеки Поляка, оставаясь единственной, выручила только от вольной продажи 3000 р. по 6 тыс. платных рец. или каждый рец. 50 к.; всего же рецептов платных и бесплатных (для лиц горного ведомства) ею было выписано более 39 тыс.

Об аптеках без права вольной продажи мы уже говорили; они существуют в г. Колывани при бесплатной лечебнице* (городская), две в Бердске (Горохова и Бархитного), в д. Завьяловой (Тромма), в 10 горнозаводских селениях при горных госпиталях и, наконец, несколько на частных золотых приисках, напр. на Аннинском прииске Давилова (Кузнецкого окр.), на Пророко-Ильинском и Митрофаньевском г.г. Кузнецких (в Кузнец. окр.) на нескольких приисках Асташева и Мальцева, напр., на Алаксандровском, Ортонском, Мазасском, Неожиданном и пр.

д) Санитарное состояние городов

Барнаул лежит под 53° 20' с.ш. и 101° 28' в.д. на левом, крутом берегу Оби, при впадении в неё р. Барнаулки, – на высоте 459,2 ф. над уровнем моря, по измерениям в 79 г. Штеллингга. Местность города слегка холмиста, большею же частью ровная, имеет скат к р. Барнаулке, на которой в ю. – з. части города находится заводской пруд; почва песчано-глинистая. По сравнению со многими сибирскими городами Барнаул содержит чисто, многие улицы вымощены отчасти галькою, отчасти шлаками, оставшимися от плавки на заводе серебро-свинцовых руд. Несмотря на мочение, базарная площадь весной представляет сплошную лужу. Мочение улиц стекловидным шлаком не может быть названо рациональным; от шлака сильно рвётся обувь, животные часто ранят себе ноги, а пыль от шлака вредно действует на глаза и служит причиной распространённых в Барнауле болезней дыхательных органов. Но ещё более вредное влияние на здоровье жителей имеет дым из многочисленных заводских труб и от постоянно обжигаемых на дворе завода серебро-свинцовых руд, в которых содержится в значительных

* С начала 1890 г. город приобрел право на открытие аптеки с правом вольной продажи лекарств. О размерах деятельности Колыванской аптеки до 90 с. см. в отделе больницы и лечебницы.

количествах серы, сурьмы и многие другие вредные вещества. Благодаря центральному расположению завода среди города, этот дым при всевозможном направлении ветра всегда окутывает собою ту или иную часть города. Больше же всего страдает, вследствие господствующих в городе юго-западных ветров, самая многолюдная часть города, расположенная на восток и северо-восток от завода. Здесь воздух почти никогда не бывает свободен от удушливого серно-сурьмяного дыма. По заявлению врачей, на эту часть города всего больше приходится больных с катаральными воспалениями дыхательных органов. От дыма в подгорной стороне набережной (по правую сторону Барнаулки) и двух-трех параллельных с нею улицах не могут водиться куры. Не без влияния на воздух городских улиц остаётся и никогда невывозимый со многих дворов навоз. Из двух городских кладбищ, — нагорное, находясь над довольно заселённой подгорною частью, не остаётся также без влияния и на воздух и на воду этой части города. Климат города не может считаться мягким; зимой часто застывает ртутный термометр, по летам доходит до 34° С. Средняя t° за 20-летие 1833 — 53 г. определена: годовая -0,02, зима -13,87, весна -0,09, лето +14,02 и осень -0,14. Самая низкая t° приходится на январь -16,25, февраль -13,16 и декабрь -12,19, самая высокая на июль 15,61, июнь 13,46 и август 13,0*.

Год	Барометр			Термометр С°			Относительная влажность			Осадки	
	средн.	макс.	мин.	средн.	макс.	мин.	7 ч. у.	1 ч. д.	9 ч. в.	сумма	макс.
1880	750,2	776,6	728,8	+1,5	28,9	-42,2	83	64	78	379,9	30
	I	III	VI								VI
1881	750,5	775,0	732,3	+1,4	31,1	-42,0	75	56	70	339,8	28,3
	III	VI	VII								IX
1882	750,8	775,0	730,2	+0,6	31,3	-40,8	81	62	76	323,9	14,0
	XII	III	VIII								VI
1883	751,5	769,7	726,1	-0,2	32,0	-44,1	80	60	74	442,5	32,6
	XI	VI	VI								VI
1884	751,2	773,6	730,9	+0,3	33,1	-35,5	83	62	77	368,9	15,6
			VII								I
1885	751,0	773,1	731,6	+0,6	34,5	-39,0	80	59	76	375,3	24,1
	I	VII	VI								XII
1886	751,5	776,4	731,7	-0,1	31,7	-46,0	82	64	79	438,1	26,0
	II	V	VI								V
1887	749,9	773,8	728,1	+2,1	30,3	-47,1	81	63	77	383,0	29,0
	I	XII	VII								VII
1888	749,8	772,7	730,9	+2,0	32,9	-43,3	78	57	72	331,9	13,6
	XII	XI	VIII								VIII
1889	751,9	775,0	732,4	-0,2	29,4	-38,9	79	60	74	524,1	27,2
	XII	VII	VII								VII

* Благодаря любезности заведующего метеорологической станцией в Барнауле, г. Засса, мы имеем сведения о барометре, t°, влажности и осадках за последнее 10-летие, что помещаем в таблице, где римские цифры (внизу), означают месяцы, напр., IX — сент., V — май и пр.

Большая часть жителей, особенно Заячьей, набережной и отчасти подгорной стороны пользуется водою из колодез или заводского пруда, или из канавы, составляющей продолжение р. Барнаулки от плотины пруда. Прудовая вода не может почитаться здоровою, так как северный населённый берег пруда образует к нему пологий скат, по которому летом и весной спускаются нечистоты с улиц. Вода в канаве есть та же прудовая вода, только прошедшая различные заводские машины, и так сказать омывшая их. Жилые помещения в Барнауле содержатся более опрятно, чем в других городах; во многих даже частных домах устроены вентиляционные приспособления в печах и окнах. По официальным сведениям, всё население города исчислялось в 76 г. в 12636 ч. об. п., а частновладельческих домов 1950, из них 18 камен., остальные из соснового леса; средняя густота населения каждого дома выразится в 6,4 чел. В 83 г. население Барнаула определялось в 17236 ч. об. п., всех зданий было 2160, из них 51 камен.; средняя густота населения каждого дома была уже 8 чел. О населении, рождаемости и смертности прилагается таблица:

	1881	1882	1883	1884	1885	1886	1887
Население муж.	—	8950	9002	8970	8924	—	—
жен.	—	8207	8234	8212	8194	—	117356
Всего	150	152	142	109	101	141	179
Родившихся муж.	347	388	398	379	387	393	385
(законно) жен.	313	365	364	379	380	386	378
Незаконнорожд. муж.	54	60	59	50	34	33	44
жен.	55	56	48	34	42	41	40
Умерших муж.	450	377	446	461	466	371	368
жен.	404	364	385	435	440	353	370
Самозубицы	2	1	3	1	—	3	—
Всех павш. и случ. смертей	6	5	12	9	3	7	3

Эта таблица показывает, что естественный прирост населения крайне ничтожен, а в 84 и 85 г.г. была даже убыль на 54 и 64 чел.

Ныне число жителей около 20 тыс. Главные занятия жителей — работа и служба на заводе и в управлении, торговля, хлебопашество, шубный (выделка черных шуб — барнаулок) и пимокатный промыслы, извоз.

О заболеваемости жителей Барнаула можно судить лишь по отчету горного госпиталя; остальные врачи не ведут регистрации принимаемых больных; сведения об общей заболеваемости мы имеем лишь за 2 года 76 и 89 г.г. Из 7165 случаев 76 года заболеваемость приходилась на:

перемежающ. лихорадки	13,55%	тифы	2,33%
спленитый понос	5,59%	катаральн. горьчки	6,25%
острый катар. дых. орган.	10,03%	сифилис	2,27%
воспаление зева	3,22%	невралгии	5,63%
ревматизм	8,96%		

Смертность от болезней вообще была 2,91%, а в частности от бугорчатки – 71,92%, слизист. поноса – 15,46%, кровавого поноса 15,44% и от тифов – 9,58%. (Ремезов «Очерк санит. состоян. Зап. Сибири». Изд. 80 г.).

За время 1881 по 86 г. мы имеем неподные сведения лишь об эпидемиях. Из каждой 1000 жителей болело разными эпидемиями:

1881	1882	1883	1884	1885	1886	1889
14,1	11,0	10,37	20,31	8,2	5,65	15,4

Более подробные сведения об эпидемических болезнях и вообще о заболеваемости имеем за 1889 год. По отчёту горного госпиталя за этот год, в него поступило 757 стационарных больных, из них 17 или 2,24% умерло; за последнее 5-летие среднее годовое число больных было 740 ч., а среднее ежедневное 31,4. Наибольшее число поступивших больных в 89 г. приходилось на октябрь (115 чел.), затем в феврале и декабре по 74 ч., а меньше всего поступило в августе – 27 ч. и июле – 34 ч. Число амбулаторных и лечившихся на домах у горного врача достигло в 89 г. 7355 ч., из них умерло – 36 чел.; средний ежедневный приём в госпитале амбулаторных бывает 15 чел. и до 5 чел. на домах. Из всех 8305 случаев приходилось на:

- 1) болезни желудка 18,3%
- 2) малярии 14,3%
- 3) болезни дыхат. орган. 13,6%
- 4) невралгии и судороги 8,5%
- 5) мышечный ревматизм 7,9%
- 6) сочленный ревматизм 3,6%
- 7) глазные болезни 3,6%
- 8) сифитис и венерич. 1,9%
- 9) тифы 0,54%.

Наибольшая смертность приходилась на бугорчатку 36%, кровавый понос 14,5% и тифы 11,4%.

Бийск. Находится под 52° 32' с.ш. 102° 56' в.д. на высоте 660 п.ф. над уровнем моря; окружен амфитеатром довольно высоких, безлесных гор, между ними и городом находятся болотистые низменности. Геолог Гельмерсен, посетивший Бийск в 1834 г., отзывался о нем как о беспорядочной кучке дачуг; в 1861 г., в бытность ориенталиста Радлова, город имел вид загрязненной деревушки, в которой была одна церковь и два – три порядочных дома; немногим лучше город выглядел ещё в начале 70-х годов; в 1873 г. было всего 738 домов, из них два каменных, кроме казённых зданий, и 6697 ч. жителей. После этого город значительно вырос, по р. Бия он растянулся на 7 верст; в 1883 г. было уже 2241 дом, из них 28 каменных и 18680 ч. жителей (ныне число жителей доходит до 20 тыс.). Рост населения виден из нижеследующей таблицы:

	1881	1882	1883	1884	1885	1886	1887
Население муж.	–	9244	9578	9724	9008	–	} 18089
женск.	–	9056	9102	9239	8552	–	
Браков	165	154	130	120	137	147	156
Родившихся муж.	422	463	466	459	397	440	439
(законно) жен.	421	534	398	454	387	381	394
Незаконнорожд. муж.	14	11	10	15	11	7	5
жен.	11	11	11	7	7	8	12
Умерших муж.	339	366	366	358	314	291	301
жен.	326	341	363	324	324	277	288
Самоубийств	–	1	–	1	1	–	–
Всех насильств и в случайн. смертей	8	4	–	8	3	7	4

В 89 г. по церковным книгам значится родившихся 858 ч., умерших 539 чел.

Ныне санитарные условия мало изменились. Почва города болотистая; на многих улицах ещё и теперь во время весны, лета и осени стоит громадные никогда не просыхающие лужи; во время дождя некоторые улицы превращаются в сплошное болото, для проезда почти невозможное. Для осушки почвы прорыта канава лишь на одной большой улице; канава эта ничем ни обложена и не имеет правильного уклонения в одну сторону, а потому является скорее хранилищем застойной воды, чем служит для неё стоком в реку. Большинство улиц загрязнено навозом; отхожих мест в большинстве домов не существует, а там где они есть, редко чистятся; базарная площадь и улицы представляют, во время дождя, сплошное болото; город ничего не делает для осушения и очистки площади и улиц. Не остаётся без влияния на заражение воздуха и обычай жителей колоть скот у себя на дворах, несмотря на существование в полуверсте от города общественной бойни, которой пользуются пока крупные скотовладельцы. Городское кладбище, находясь на горе, над самым городом, не остаётся без влияния на колодезную воду. В юго-западной части города большая часть жителей пользуется водою из колодезев, другие части города из р. Бия, вода которой около города грязна от навоза. Жители и городское управление безучастно относятся к санитарной части города; санитарного надзора никакого. Занятие жителей – торговля, разведение табаку, огородничество и сельское хозяйство; есть несколько заводов; из них в санитарном отношении дурно поставлены кожевенные, которых в 89 г. было 6; два из них (Яновского и Ивановой) со значительным годовым оборотом. На этих заводах помещением для рабочих служат сушильни кож, пропитанные зловонием. Квасильни и сушильни содержатся грязно. Водой для питья на некоторых заводах пользуются из стоячей протоки, загрязнённой отбросами, как и подёрнутой плесенью. Число постоянных рабочих на заводах колеблется между 3 и 6. Кроме кожевенных, в городе находится несколько заведений маслобойных, воскоделальных, свечносальных и пр.

Господствующие болезни в 1876 г. были (из 3452 всего заболеваний):

катар и гастрит, горяч. и т.п.	14,9%	ревматизмы	6,1%
переменающ. лихорадки	14,5%	воспал. брюшн. органов	1,2%
воспаление глаз	3,3%	венерич. болезни	5,7%
слизистый понос	8,8%	бугорчатка	1,5%
тифы	2,3%	воспал. лёгких, шлеяры	4,2%

Смертность от всех болезней 5,2% (Ремезов).

В 1889 г. из общего числа 451 лечившихся у городского врача, (из них 129 в горемной больнице, 77 в городской (Соколова) и остальные амбулаторно и на домах) – приходилось на:

сифилис	21,7%	гнойн. восп. глаз	12,6%
круп. восп. лёгких	3,1%	глисты	2,7%
малариию	17,3%	брюшн. тиф	7,6%
чесотку	3,1%	кров. понос	2,7%
грипп	14,4%	венерич. болезни	3,6%
бугорчатку	2,8%	неопред. формы тифа	2%

Смертность от круп. восп. лёгких 21%, бугорчатки 7%, брюшного тифа 6%; средняя смертность от всех болезней 1,8%.

Заболеваемость эпидемическими болезнями была на 1000 жителей:

1881	1882	1883	1884	1885	1889
5,5	15,8	2,8	1,0	3,0	13,0

Кузнецк лежит под 53° 46' и 104° 53' в.д. Расположен на р. Томи, против устья р. Кондомы, преимущественно на узкой низменной, прибрежной полосе, где большею частью поселились: купечество, мещане и разночинцы; казённые здания (острог и присут. места) находятся на горе, где прежде была крепость. Водой пользуются из р. Томи и колодезь. Занятия жителей: земледелие, огородничество, торговля – поставки материалов на золотые прииски. Всех промышленных заведений в 87 г. было 9, из них 5 кирпич., 2 мыловаренных, воскоделное и одно свечное (сальное). Число жителей, рождаемость и смертность видны из таблицы:

	1881	1882	1883	1884	1885	1886	1887
Население муж.	–	3751	3783	3798	2777	–	–
жен.	–	1534	3572	3511	2925	–	15686
Бракос.	45	49	38	32	9	24	20
Законнорожденных муж.	146	139	89	89	65	61	61
жен.	140	113	90	90	64	46	52
Незаконнорожден. муж.	9	7	4	5	7	2	1
жен.	11	10	5	1	–	6	3
Умерших муж.	112	105	74	87	59	82	57
жен.	92	81	57	88	36	67	52
Самоубийств.	–	–	–	–	1	–	–
Всех самоубийств и случайн. смертей	3	1	–	6	1	3	1

Относительно заболеваемости жителей сведения берем у Ремезова за 76 г. Из 1524 случаев заболеваний в этом году приходилось:

на горячки катар.	16,16%
на острые катар. дых. орган.	7,87%
перемеж. лихор.	13,4%
воспаление легких	2,04%
тифы	3,6%
ревматизм	4,85%
слизистый понос	3,55%
сифилис	4,62%

Смертность вообще от болезней 4,25%.

О распространении эпидемий видно из таблицы: на каждую 1000 жителей болело:

1881	1882	1883	1884	1885	1886
1,4	–	3,39	0,84	3,94	5

Подробности см. об «эпидемиях». Кузнецк лежит под 55° 21' с.ш. 100° 26' в.д. на р. Чаусе, впадающей в р. Обь, и в 7 вер. от последней. Местность возвышенная, грунт песчаный и суглинок. Окрестности покрыты мелким кустарником. Вода для пищи и питья из р. Чауса, которая, вследствие застойности, плохого качества. Домов в 76 г. было 785, из них один каменный, в 83 г. – 1150 дерев. и 7 камен.; средняя населенность дома в 76 г. была 8 чел., в 83 г. – 11 чел. О числе жителей, рождаемости и смертности видно из таблицы:

	1881	1882	1883	1884	1885	1886	1887
Население муж.	–	5868	5955	6293	6409	–	13485
жен.	–	6386	6480	6656	6749	–	–
Бракос.	85	61	84	50	60	117	63
Законнорожден. муж.	211	261	259	302	281	224	264
жен.	199	256	284	280	230	220	254
Незаконнорожден. муж.	4	3	11	9	8	7	8
жен.	5	7	6	11	7	7	9
Умерших муж.	185	200	201	206	173	174	163
жен.	167	189	178	207	140	137	192
Самоубийств.	–	–	–	–	1	–	–
Всего самоубийств и случайн. смертей	3	4	2	4	4	5	2

Из церковных книг имеем сведения за 88 и 89 г. лишь о родившихся и умерших: в 88 г. родившихся было 591 чел. об. п., умерших 477 ч. об. п.; в 89 г. родив. – 545 ч., умерш. – 366.

Господствующие болезни были в 1876 г. (778 случаев).

катар, горячки	34,19%
ревматизм	10,53%
сифилис	14,26%

остр. катар. дых. орган.	7,14%
тифы	12,97%
слизистый понос	1,02%
перемеж. лихор.	11,18%
бугорчатка	2,05%

Наибольшая смертность: от бугорчатки 56,26%, от тифов 12,87%, слизистого поноса – 12,5%, катар. горяч. 1,12%. (Ремезов).

Наибольшее распространение, чем в других городах, катар. горяч., сифилис и тифов обязано Сибирскому тракту и этапу, где постоянно скучиваются пересылаемые партии арестантов.

За время 1881-6 г. сведения имеются лишь о заболеваемости эпидемическими болезнями; на каждую 1000 жителей заболело:

1881	1882	1883	1884	1885	1886
20	14,1	17,7	17,9	14,5	2,4

Подробности см. об «эпидемиях». О заболеваемости в 89 г. имеем сведения из бесплатной лечебницы, где пользовалось 2917 больных; по роду болезней они распределялись на страдавших:

болез. пицев. орган	17,3%	сифилис и венерич. бол.	4,8%
гриппом	3,15%	кров. поносом	0,4%
малярией	17,1%	глазн. болезнями	4,1%
тифом разных форм	0,6%	заушной	0,5%
накож. болезнями	14,5%	золот., рахит и пр.	3,6%
кожахшеи	1,3%	бугорчаткой	0,7%
болез. органов дыхан.	7,3%	мышеч. ревмат.	2,2%
скарлатиной	0,5%	оспой	0,01%
поврежд. (выв., перел., ушиб)	4,8%	сочнен. ревмат.	2,2%
рожей	0,5	корью	1 больн.

е) Эпидемии

Обращаясь к обзору эпидемий, мы должны оговориться вначале же, что вследствие неполноты и отсутствия какой-нибудь определенной системы в отчетах врачебной управы, наш обзор будет далек даже от тех, хотя бы узких, но строго систематических рамок, которые мы намеривались дать ему. Из отчетов управы узнаем, что наиболее свирепствующие на Алтае эпидемии занесены в Томскую губ. из России: «В 60 годах, при усиленном движении арестантских партий, впервые был занесен возвратный тиф, болезнь до того времени здесь неизвестная; в 70 годах была занесена арестантами холера; в 79 году занесен дифтерит, ухоретившийся в Мариинском окр., лежащем на пути следования арестантских партий, а теперь рас-

пространившийся почти по всей Восточной Сибири. Развитию эпидемических болезней между арестантами, главным образом, способствует отправка их водяным путем. В продолжении 8 и более суток они плывут на баржах очень скученно, на одной барже помещается от 600 – 700 чел. Достигают же эти эпидемии своего полного развития в Томской центральной пересыльной тюрьме, находящейся в самых неблагоприятных гигиенических условиях: теснота помещений, скученность построек, смежность больничных помещений с жилыми корпусами, где арестанты остаются продолжительное время до дальнейшей их отправки, в числе, далеко превышающем размеры помещения». О расширении этой тюрьмы губернское начальство начало хлопотать почти с первого же года ее открытия в 1871 г. Это настоящий очаг заразы не только для Томска, но и всей губернии, в виду чего мы позволим себе несколько подробнее остановиться на ней. Заключенные в этой тюрьме страдают от эпидемий в несколько сот раз чаще, чем жители губернии. Выше сказано, что причина ужасной заболеваемости здесь заключается в антигигиенических условиях и недостатке помещений, как для здоровых, так и для больных арестантов, находящихся в смежных зданиях. Эти условия довольно наглядно описаны в губернаторском обзоре за 85 г. «На значительную смертность (9,8%) от сыпного тифа, которым переболела почти половина из всех 2209 ч., пользовавшихся в больнице, главное влияние имело крайне неудовлетворительное состояние больницы, состоящей из 3 корпусов и приспособленной для помещения только 150 больных, между тем, как цифра их одновременно достигала 435. Чтобы приютить это почти тройное количество больных, пришлось убрать кровати из палат и всех больных поместить на полу и не только в палатах, но и в коридорах. Больные буквально представляли сплошную массу, не оставляя промежутков для прохода между ними. Большая часть их валялась на голом полу, так как постельных принадлежностей для такого числа больных не было заготовлено. Если прибавить к этому обстановку: стгнившие и провалившиеся полы, сырость под ними, плесень и сырость на стенах и потолках и холод в больничных помещениях, в которых температура достигала 7-9° при небольших сравнительно морозах, то можно удивляться такой скорее незначительной смертности». В 83 г. арестантов начали отправлять из центральной пересыльной тюрьмы еженедельно по два раза вместо одного и болезненность от эпидемий быстро пала; в 82 г. из каждой 1000 арестантов больных было 1413 чел., или каждый переболел полтора раза, если можно так выразиться, а в 83 г. заболеваемость на 1000 пала до 911 ч. «Санитарное значение этого распоряжения (пересыпано по 2 раза вместо одного в неделю) подтвердилось и в отчетном году», – говорит врачебная управа в 85 г. – «до августа месяца, когда при такой

усиленной эвакуации уходило из тюрьмы каждый раз до 400 чел. и более, то несмотря на то, что на баржах прибывали громадные партии от 700 до 800 ч., большей частью семейных, и кроме того поступало в течение недели еще до 100 ч. с разных сухопутных трактов, в мае совсем не было заболеваний тифом, в июне 17 и в июле 11 случаев. В августе же последовало распоряжение отправлять партии по-прежнему только один раз в неделю и заболевание тифом немедленно увеличивается; в сентябре поступает в больницу 60, в октябре 85, в ноябре 71, в декабре 40 тифозных».

Другим источником развития эпидемических болезней среди населения врачебная управа считает из года в год усиливающееся переселенческое движение из России. Уже с пароходов, воздушных переселенцев из Тюмени в Томск, эти болезни грозят местному населению страшными бедствиями. Еще в 83 г., когда переселение не принимало никаких размеров, в обзоре губернатора мы встречаем описание фактов, поистине ужасных. «В отчетном году из Тюмени в Томск прибыло на пароходе «Ермак» 37 семейств, у которых было 18 детей больных scarlatina, причем по распросам оказалось, что на пути умерло уже трое детей. После того в конце июля прибыло на буксированной пароходом «Ерш» барже «Тура» огромная партия переселенцев в 2500 ч., втиснутых в пространство, на котором едва бы могло поместиться 800 чел. Подвергаясь всякого рода притеснениям со стороны пароходоладельца и, главное, терпя недостаток в продовольствии, партия эта привезла с собой 80 детей больных scarlatina, корью, дифтеритом и кровавым поносом. На самой барже найдено 5 трупов, в первые сутки по прибытию умерло 9 детей, а по рассказам крестьян во время перехода водой было еще 20 умерших. Изнуренные такими лишениями люди, — прибавляет цитируемой нами обзор, — очевидно не могут устроить себе на зиму свосные избы, а скучиваясь в самых тесных помещениях по несколько семей вместе, продолжают бедствовать от недостатка пищи и морозов. Все эти люди составляют, таким образом, самую благоприятную для развития заразных болезней почву». О движении переселенцев в 89 г. мы читаем в № 182 «Рус. Вед.» : «С 10 мая по 11 июня прибыло в Томск 1059 семей в числе 5112 душ... На днях (корресп. от 16 июня) пароход Функа на двух баржах привез 1900 переселенцев, совершавших рейс их Тюмени до Томска в 23 1/2 суток, в результате умерло в пути 40 чел. и масса больных. Переселенцы были размещены в трюмах баржи, нагруженных притом товаром, и на палубе. Кроме того в течение столь долгого пути они поневоле должны были питаться чуть-ли не одними сухарями, ибо по Оби совсем мало пристаней, где бы можно было запастись даже хлебом. Там остряки, сами голодающие, готовы променять свою рыбу на кусок хлеба, а не то чтобы в состоянии удовлетворить съестными припасами сразу двухтысячную массу народа». Ровно через неделю (23 июня) в ту

же газету писали: «Прилив переселенцев в текущем году громадный. Положение их очень тяжелое. 4 тыс. чел., находящихся теперь в Томске решительно не в силах теперь двинуться далее... Скопление переселенцев в Томске при неблагоприятных условиях лагерной жизни вредно отражается на их здоровье. Переселенческие бараки переполнены больными и случаев голодного тифа было уже более 30». Эти корреспонденции о бедственном положении переселенцев вызвали частные пожертвования; в редакцию «Рус. Вед.» было одновременно пожертвовано кем — то 5 тыс. р. и это обстоятельство побудило Томскую администрацию и общество открыть в г. Томске переселенческий комитет. Разумеется, громаднейшая часть этих переселенцев направляется в Алтайский округ.

Дальнейшая обстановка переселенцев по прибытии на избранные места в первое время также не может оставаться без влияния на поддержание таразы. Алтайский объездной врач в 81 г. приводит описание избышки новоселов: «7 арш. длины, 6 арш. ширины и 3 арш. вышины, избышка вмещает в осеннее время и зимой 18 жильцов — 14 взрослых и 4 детей. Нужно прибавить, что в зимнее время в этой же избышке должны найти приют и птица и мелкий скот. Понятно, что такие избы являются гнездами, в которых развиваются всевозможные эпидемии», — прибавляет отчет врачебной управы.

Более подробные сведения об эпидемических болезнях мы находим лишь за время с 81 по 86 г., за 1887 г. губернский обзор заявлял: «эпидемий в отчетном году не было». Ниже мы увидим, что этот факт подлежит большому сомнению.

Наиболее распространенными, как по губернии, так и Алтайскому округу эпидемическими болезнями должны быть признаны — оспа, scarlatina и тифы различных видов; значительное распространение имеет и дифтерит, дизентерия (кровавый понос), корь, коклюш, а в некоторых местах встречается гнойное воспаление глаз. Об общем ходе эпидемических болезней, о сравнительной заболеваемости и смертности от каждой из них мы имеем лишь сведения по всей губернии, а не отдельно по Алтаю; но принимая во внимание, что население Алтая составляет более 1/4 населения всей губернии, можно без больших ошибок принимать общие по губернии цифры очень близкими к Алтаю; исключение должно быть для сведений о тифах, на общий вывод о которых должны оказывать преобладающее влияние цифры, взятые из Томска, где находится центральная пересыльная тюрьма. <...> Заболеваемость эпидемическими болезнями, хотя бы и с незначительными колебаниями, возрастает. Точно также по этим болезням с 81 г. возросла и смертность; в 81 г. она была 16,9% всех заболеваний от эпидемий, в 83 и 84 гг. она достигла 20,6 и 20,7% , в 85 г. не-

сколько спустилась 18,9%, но в 86 г. достигла своего максимума 23,4%. Врачебная управа почти ежегодно констатирует тот факт, что смертность и заболеваемость по отдельным эпидемиям, находится между собой в обратном отношении, т.е. когда заболеваемость эпидемиями выше, в этом году смертность от них падает, и обратно. Это явление можно проследить и относительно общей заболеваемости от эпидемий. Так в 83 г. число эпидемических случаев было менее против 82 года, но зато % смертности от эпидемий увеличился с 19,1 до 20,73%; совсем обратное явление в следующем году: число эпидемических заболеваний в 84 году увеличилось с 3689 до 5713 или с 8,87% до 11,8%, зато смертность несколько понизилась — с 20,75% до 20,56%; в 85 г. число эпидемических случаев дошло до максимума за все 6-летие с 81-86 год, до 9344 или 21,7%, но смертность от эпидемий в этом году была самая низкая за это пятилетие — 18,9%; на следующий год опять обратное явление — эпидемии уменьшились, но смертность от них возросла до 23,4%.

Такая же, хотя и не всегда постепенная правильность замечается в отдельных эпидемиях. Так, наибольшая интенсивность тифозной эпидемии приходится на 85 и зиму 86 г. (голодные годы), в которые число больных тифами удвоилось против предшествующих лет, зато смертность от них уменьшилась, а именно в 82 и 3 годах она была 12,9% и 15,07%, а в следующие годы она дошла до 10%. Наибольшую свирепость натуральная оспа проявила в 85 г., когда было 2848 больных, но зато % смертности от нее в этот год пал до своего минимума, а за все 6-летие — до 17,7%, тогда как в 81 г. он был 37,77%, а в 86 г. даже 39,5%. Относительно оспы мы не замечаем с годами того постепенного уменьшения смертности, которая заметна в тифах. Относительно скарлатины замечается постепенное развитие ее: в 82 г. число больных было 214 и затем это число, из года в год возрастающее, дошло до 1594 в 1886 г., с другой стороны % смертности от нее значительно понизился за это время с 39,2% в 82 г. и даже 40,84% в 83 г.; в 86 г. он дошел до 24,4%. Корь по числу заболеваемых тоже распространяется все шире и шире и в смертности от нее мы замечаем то же явление обратности по отношению к заболеваемости; в 82 г. смертность от нее была 5,8% при 326 заболевших, в следующий год уже 14,58% при уменьшении заболеваемости до 243 случаев; в 84 г. заболеваемость поднялась до своего «максимума» за 5-летие до 785 ч., но смертность повысилась до 11,6%; в следующие два года замечаем прямую пропорциональность смертных случаев к числу заболевших. Дифтерит особенно сильно свирепствовал в 82 г., когда по числу заболевших 986 или 23,9% ему принадлежало первое место между всеми эпидемическими болезнями, но смертность от него в то время была наименьшая (28,5%) за 5-летие, если не считать 84 г., когда

заболеваемость (168 сл.) и смертность (20,2%) спустились до «минимума»; наибольшая смертность от него приходится на 83 (33%) и 84 годы (38,8%), когда замечалась сравнительно незначительная заболеваемость. Вообще же нужно сказать, что в смертности от дифтерита не замечается уменьшения и по своей интенсивности она несколько не меньше смертности от скарлатины. В дизентерии мы видим то же обратное отношение заболеваемости к смертным случаям; 82 г. от нее заболело 539 чел. и смертность была 10,9%, на следующий год при уменьшении заболеваемости до 320 чел., смертность достигла максимума — 29,37%; в 84 г. заболеваемость увеличилась до 706 случаев и смертность пала до 21,2%. То же, по-видимому, происходит при коклюше и гнойном воспалении глаз, из которых, впрочем, только коклюш имеет заметное распространение.

Заболеваемость по месяцам в губернаторских отчетах приведена лишь за три 82 — 84 г. Все зарегистрированные случаи эпидемических болезней распределяются за это время таким образом:

Число больных от эпидемий

	1882 г.	1883 г.	1884 г.	итого
январь	1122	535	1685	3342
февраль	370	309	343	1022
март	271	195	465	931
апрель	656	112	355	1123
май	390	190	177	757
июнь	266	210	290	766
июль	99	82	177	358
август	81	263	144	488
сентябрь	444	190	114	748
октябрь	354	78	663	1095
ноябрь	151	36	100	287
декабрь	26	5	114	145

Значительное уменьшение заболеваний в декабре и увеличение в январе объясняется тем, что отчеты фельдшеров и врачей составляются в декабре и большинство декабрьских заболеваний одного года уже вносятся в январский отчет следующего года. Однако, принимая во внимание и это обстоятельство, нужно думать, что январь, февраль, март и апрель по эпидемическим заболеваниям принадлежат к самым тяжелым месяцам, с ними по числу больных может равняться лишь октябрь. Всего меньше больных приходится на ноябрь, когда, вероятно, вследствие быстро наступающих холодов, зараза сразу ослабевает; заметное ослаб-

ление эпидемий происходит и в летние месяцы. Это обстоятельство дает повод сделать весьма вероятное заключение о чрезвычайной антисанитарности жилых помещений в Томской губернии. Эпидемии распространяются не тогда, когда-бы казались для них все благоприятные условия: и тепло, и наименьшая интенсивность гниения на открытом воздухе остатков органических веществ, и наиболее загрязненная вода, которой пользуются жители, и прочие условия, которым обыкновенно приписывается причина заразы. Напротив, эпидемии распространяются и свирепствуют с особенной силой в холодное время года, когда останавливается гниение органических веществ на воздухе, когда вода, не говоря уже о реках, а даже в озерах делается более чистой, вследствие отсутствия стока нечистот и навоза к ним. В это время начинает проявлять свое влияние на заболеваемость одна из тех причин, которая летом не играет почти никакой роли — это крайняя теснота помещений и отсутствие в них вентиляции. Население летом целые сутки проводит на открытом воздухе, день работая в поле, лесу или огороде, ночь спит на сеновалах, в амбарах, сенах или в комнатах при открытых окнах. В это время даже обычная грязь крестьянских помещений, особенно у российских новоселов, теряет свое губительное влияние на здоровье жителей. Вследствие отсутствия здесь российской обычая уваживать поля, сибирские деревни буквально гибнут в навозе. В степной части Барнаульского окр. от навоза крестьяне даже переселяются на другие места. Так, проезжая летом мимо деревень Чисто-Озерной, Новобутырской и Подстепной (Нижне-Кулундинской и Касмалинской вол.), очень ясно можно видеть у них оставшиеся за околицей бутры навоза, над которыми еще недавно были крестьянские постройки, перенесенные от накопившегося навоза на другие места деревни. Крестьяне предпочитали бросить навозное место и переселиться на новое, чем убрать навоз.

О заболеваемости и смертности по полам и возрастам сведения относятся только к трем годам 1882-4 гг.; заболевших от эпидемий умерших от них было:

	заболело			умерших		
	муж.	жен.	детей	муж.	жен.	детей
1882 г.	32%	20%	48%	19%	15%	71%
1883 г.	28%	15%	57%	20%	9%	71%
1884 г.	21%	10%	69%	9,5%	6,5%	84%

Из этого видим, что заболеваемость и особенно смертность от эпидемий всего больше между детьми, и меньше между женщинами. Это явление, вероятно, нужно считать общим за все рассматриваемое время. Интересно также и то, что смертность от эпидемий, кроме тифа, между мужчи-

нами и женщинами уменьшается, между тем как у детей она увеличивается из года в год. Относительно тифов мы имеем такие данные:

	заболело			умерших		
	муж.	жен.	детей	муж.	жен.	детей
1882 г.	55%	37%	8%	55%	37%	8%
1883 г.	60%	30%	10%	61%	29%	10%
1884 г.	60%	29%	11%	55%	38%	7%

От других эпидемий, кроме тифа:

	заболело			умерших		
	муж.	жен.	детей	муж.	жен.	детей
1882 г.	4%	6%	90%	4%	6%	90%
1883 г.	4%	3%	93%	3%	0,5%	96,5%
1884 г.	4%	3%	93%	0,7%	0,3%	99%

Эти таблички показывают, что тифы преимущественно распространены среди взрослого населения и среди его мужчины заболевают и умирают почти вдвое больше против женщин. Другие же эпидемии можно назвать исключительно детскими, заболеваемость и смертность от них у детей выше 90%. Сравнительная заболеваемость и смертность от них между полами взрослого населения почти та же, что и в тифах: мужчины подвержены эпидемиям больше, чем женщины.

Сделав этот общий очерк развития эпидемий по всей губернии, мы обратимся теперь к тем неполным данным, которые можно найти в губернаторских обзорах о распространении эпидемий собственно на Алтае. На каждую 1000 жителей болело от эпидемий:

	1881	1882	1883	1884	1885	1886	1889
В Барнауле	14,1	11	10,37	20,31	8,2	5,65	15,4
его округе	1,14	0,7	0,47	0,63	0,61	—	—
Бийске	5,5	15,8	2,77	1,0	3	—	13,0
его округе	3,7	3,5	2,04	4,7	3,7	7	—
Кузнецке	1,4	—	3,39	0,81	3,94	5	—
его округе	3,39	10,1	2,02	9,12	1,87	3,64	—
Колывани	20	14,1	17,7	17,9	14,5	2,4	15,0

Относительно округов эти цифры не могут говорить о той или иной антисанитарности селений в них; это не больше, как показатель того, в каком из округов было больше или меньше фельдшерского персонала, доносившего об эпидемических случаях. Мы уже говорили, что Бийский и Барнаульский окр. менее обеспечены фельдшерами, чем Кузнецкий окр., где едва не в каждой волости было по фельдшеру, и теперь видим, что

Кузнецкий окр. по числу зарегистрированных больных является впереди других. Относительно городов эти цифры имеют уже прямое значение характеристики антигигиенических условий в них.

Во главе алт. городов относительно-идаибольшей заболеваемости эпидемическими болезнями во все время стоит Кользавань. Здесь перебивали, кажется, все эпидемические болезни. В 81 г. сыпной и возвратный тифы (74), скарлатина (23), дизентерия (53) и корь (37); в 82 г. возвратный тиф усиливается (47) и к прежним присоединяется натуральная оспа (22), дизентерия прекращается. В 83 г. — усиливается оспа (54), появляется дифтерит (52) и брюшной тиф (24); корь прекращается; в 84 г. — оспа свирепствует почти с той же силой (40), сыпной тиф принимает громадные размеры (61) и к ним присоединяется коклюш (47); в 85 г. с особенной силой проявляет себя корь (50 заболевших, из которых 9 умерло) и возвратный тиф (36) и неопределенного типа (34), сыпной тиф свирепствует почти с той же силой (45).

За Кользаванью, бесспорно, второе место принадлежит Барнаулу. Вот его скорбная карточка. В 81 г. — дифтерит (75 случаев с громадной смертностью в 57%), сыпной тиф (20 случаев), возвратный (11) и неопределенного типа тиф (45), корь (53), дизентерия (36). В 82 г. появляется скарлатина (11), которая беспрерывно продолжается во все следующие годы, достигая в 85 г. особенной интенсивности (52); за ней появляется брюшной тиф (63), который также за рассматриваемое время не сходит со сцены, давая в 83 г. 98 и в 84 — 87 случаев заболеваемости; но, по-видимому, 1882 год был более благоприятен для Барнаула, чем следующие. В 83 г. кроме тифов (144) продолжают корь (26) и дизентерия (41); в 84 г. особенной интенсивности достигает дизентерия (200 случ. с 12,5% смерт.); в 85 г. почти все эти болезни продолжают и на сцену снова появляются тифы сыпной (6) и возвратный. В 86 г. упоминается лишь о коклюше и оспе. За 89 г., по отчету горнозаводского госпиталя, из эпидемических болезней зарегистрированы: грипп 186 случаев, кров. понос 34 сл., из них 5 смер., коклюш 24 сл. — 1 см., брюшной тиф 13 — 3 ум., неопр. формы тиф 32 сл. — 1 см., скарлатина 9 сл. — 1 см., круп — 6, корь 3, оспа 1, а всех эпид. случаев 308.

Бийск будет третьим в эпидемическом списке городом Алтая. В 81 г. здесь свирепствуют тифы (100 случ. смерт. 20%), которые, вероятно, вследствие неточности регистрации все отнесены к типу неопределенных, дизентерия (180 умерших, а число больных неизвестно) и оспа (114 умерш.); в следующий год мы видим здесь распространение брюшного тифа (84 — смерт. 10%) и дизентерии (15 с 33,3% см.); в 83 г. к ним присоединяется сыпной тиф, корь (24), дифтерит и гнойное воспаление глаз; в 84 г. заболеваемость эпидемическими болезнями показана вообще очень незначи-

на (1 на 1000 жит.); в 85 г. здесь впервые зарегистрирована скарлатина (21); тифы и корь продолжают. В 89 г. из эпидемических болезней, которые, кроме гриппа (зарегистрировано 73 случая), все носили характер спорадический, в отчете город. врача занесены следующие: грипп, брюшной тиф (34, из них 2 умерло), неопред. формы тиф (10 заболеваний), оспа (4 — 1 ум.), корь (3), коклюш (2), гнойное воспал. глаз (57), кров. понос (12), а всего эпид. случаев 195.

Кузнецк принадлежит, по-видимому, к более здоровым городам Алтая; из приведенной таблицы об общей заболеваемости его жителей от эпидемий видно, что самая большая заболеваемость была 5 на 1000 жит. в 86 г., а в 82 г. в нем совсем не показано эпидемий. Наиболее распространенными являются здесь сыпной тиф (в 81 г. — 10 и в 85 г. — 6 случаев), неопределенного типа тиф (в 86 г. — 6 сл.), корь (10 сл. — в 86 г.) и в 86 г. появляется дифтерит (28 сл. 21,4% см.).

Подробности эпидемического заболевания среди сельского населения мы расположим по болезням, и начнем с Кузнецкого окр. Здесь наиболее распространена натуральная оспа. В 81 г. зарегистрировано лишь 13 случаев в д. Талинской (Уксунайской в.); на следующий год кроме Уксунайской в. она появляется и в Ильинской (298 случаев); в 83 г., кроме этих, она уже появляется в Салаирской в.; во всего сильнее она разражается в 84 г. (зарегистрировано 1121 сл. в 17 дер.), когда ею были охвачены волости, кроме упомянутых, Кузнецкая, Бичатская, Касьяминская, Тарсыминская, Верх-Томская и Мунгатская; в последней в д. Туадавке на 74 двора было 175 больных, в д. Ключевой на 55 дв. — 51 больной. Оспа свирепствовала больше у раскольников. В отчетах за следующие два года пункты проявления эпидемий не обозначаются. Не менее, по-видимому, оспа свирепствовала и в Бийском окр. Уже в 81 г. здесь охвачено ею 8 вол. (678 случ.) Владимирская, Ридлерская, Убинская, Верх-Бухтарминская, Бухтарминская, Барнаульская, Устькаменогорская и Бобровская. В 82 г. оспа констатирована в двух д. — Черепановой и Петровской — Новой Эмменогорской вол.; в 83 г. ее уже отмечают в Лоустевской вол. и заводе; в 84 г. она захватывает еще новые вол. Нижне-Чарыш и Бийскую, где в с. Паспковском на 135 дв. заболевает 164 чел., в с. Загайнове на 133 дв. — 140 больных, д. Усть-Гавриловке на 29 дв. — 48 больн. В Барнаульском окр. она была констатирована лишь раз в 82 г. в д. Прослаухе Нижне-Кулундинской вол.

Скарлатина наибольшие опустошения производила в Бийском окр., в 81 г. она была в 3 вол. Бийск., Смолен. и Енисейск., в 82 г. о существовании ее лишь упоминается; в 83 г. она зарегистрирована лишь в д. Удбинской Бобровской в. (68 бол.); в 84 г. распространение скарлатины точно не указано; в 85 г. она появляется в 9 вол. (930 сл.), из них всего более она

свиристывада в Убинской вол. в с. Убинском и Екатеринбургском; в первом больных было 134 с 30% смертности, во втором 131 с 34% смерт.; на следующий 86 год число заболевших от неё констатировано еще больше (1024 с. 25% смертности). Из Бийского округа скарлатина распространилась и по Кузнецкому, где в 81 г. она была отмечена лишь в 1 сел. Камыслитском Касыминской вол. (9 сл.); на следующий год отмечено уже 125 случаев и, вероятно, в той же вол.; в 83 г. в этой же волости было заражено скарлатиной 4 селения: Сапова, Шибанова, Кольчутинское и Дреченское. Затем 2 года её не было в округе, но в 86 г. она опять появляется (167 больных 30,5% смерт.), в каких селениях не указано. В Барнаульском окр. она констатирована лишь раз в 85 г. (28 случаев с 37% смерт.).

Дифтерит наиболее благоприятную почву нашел в Кузнецком округе. В 81 г. здесь было 72 случ. в 3 селениях: в Салаире, Гавриловском з. (Салаир. в.) и д. Мозжухе (Верх-Том. в.); в 82 г. уже было отмечено 306 случаев в 10 селениях; кроме прежних, дифтерит был в д. Егорове, Березовой, Черемичкиной, Шумихе, с. Усть-Искитимском и др. (Верх-Томской в.). В следующие 2 года она как бы прекратилась, ни одного случая заболевания ей не занесено в отчеты; в 85 и 6 годах он снова появляется (32 и 65 случаев с огромной смертностью в 40 и 38,5%). В Бийском окр. он отмечен за 3 года в 81, 85 и 86 годах (61-6-241 сл. от 30 до 40% смертности). Здесь дифтерит приотился в подгородной Бийской вол. и перенесен сюда, вероятно, из города; в 81 г. в д. Хайрюзову он занесен переселенцами. В Барнаульском окр. дифтерит мы встречаем в 81 г. в Бердской в. д. Луговой и в 82 г. в той же вол. в д. Тулинской и в Тальмен. вол. д. Озерной при огромной смертности от 27 до 60%.

Дизентерия наибольшее распространение имела в Бийском окр. в 82 г., она была констатирована (323 сл.) главным образом на заводах и рудниках: Зыряновском, Змеиногорском, Локтевском, Белоусовском, Николаевском, Риддерском и в с. Тарханском; на следующий год, кроме Локтевского зав., в с. Ульбинском Бобров. и. В 84 г. опять те же заводы и рудники подвергаются ей, что и в 82 г. и кроме того Кольчутинский зав. В Кузнецком окр. она констатирована лишь в одном Салаире в 82 и 84 годах; в Барнаульском окр. ее по отчетам не существовало, кроме города.

Корь также ютилась больше в Бийском окр.; в 81 г. была отмечена в 2 сел. Чарышской в., в 82 г. уже в 4 селениях других волостей — Локтевск. и Змеиногор.; в 83 г. в тех же самых вол.; отмечается корь и в следующие года, но без указания мест. В Кузнецком окр. она встречалась в 82 и 85 годах; в Барнаульском отмечена лишь за 83 г. (79 сл.).

Коклюш отмечен лишь в 84 г. и во всех округах. Теперь обратимся к тифам. Брюшной тиф в Бийском окр. отмечен за все 6 лет; никогда, по-

видимому, он не переводился в Кольчутинском заводе, о котором упоминается почти ежегодно. Причиной заразы здесь врачебная управа признает заводской пруд, из которого жители берут воду, и на который по зимам сваливают навоз. Из Кольчутинского завода тиф часто переносится и в соседние деревни. Кроме Кольчутин бр. тиф в 83 г. констатирован в Чарыш. в. д. Ново-Шипуиловой, в Усть-Козухе и с. Маральском, в 84 г. в Алейской в. д. Каменке; в последней причина заболевания лежала также в грязной воде мельничного пруда, в который клали для мочки кожи и свозили трупы павших животных. По приказанию врача пруд был спущен и эпидемия быстро начала падать. Почти никогда не прекращался брюшной тиф и в Кузнецком окр.; в 81 г. здесь отмечено 122 случая с 11% смертности; как в этом, так и в следующем году, когда также о тифе упоминается, места его распространения точно не обозначены. В 83 г. он существует в 7 селениях Бачатской (Афанасьеве, Телеутский улус) и Ильинской в. (Красулино и др.); в следующем году из Красулино тиф перешел в Прокопьевку и Новодушанку, а в 86 году, после 85 голодного года, брюшной тиф охватил уже 6 волостей округа, следовательно, кроме Салаирской, Верх-Томской и Бачатской все в округе. Не обошел брюшной тиф и Барнаульского округа. В 81 г. в нем отмечено 236 больных с 14% смерт.; в следующем он констатирован в 3 волостях Верх-Чумышской (с. Семено-Красилорское), в Сузунском заводе и Бердской в. (Атаманова); смертность доходила до 33%. После этого о брюшном тифе лишь упоминается в 84 и 85 годах, но подробностей его распространения в отчетах не имеется.

Сыпной тиф отмечен лишь в Бийском и Кузнецком округах. В первом он в 84 г. распространился в с. Алтайском (16 сл.), но о дальнейшем его ходе ничего не известно. В Кузнецком он констатирован в 81, 82 и 84 г., главное гнездо его находилось в Салаире и, вероятно, отсюда уже в 82 г. он распространился по Верх-Томской вол. (с. Искитим, Усть-Искитим, д. Черемичкина) с. Бачатское и соседняя д. Уксунайская, Томский завод и пр. В 84 г. он проявился только в Салаире. В Барнаульском окр. он ни разу не был отмечен.

Возвратный тиф был более упорен, чем сыпной. В Бийском окр. с 82 г. он не прекращался в продолжении 5 лет, в 82 было 35 сл., в 83-79, главное гнездо его Кольчутинский зав. и соседние с ним деревни, напр. д. Пустынка, а также с. Ильинское в Алтайском инор. участке. В 84 г. в одной д. Пустынке им заболело 99 чел., в следующие годы о нем только упоминается в Бийском окр. В Кузнецком окр. Салаир является гнездом и возвратного тифа; здесь он без перерыва отмечается в 82, 83 и 84 годах; в 82 г. переболело им до 15% всех жителей Салаира; в этом году он появлялся и в Зме-

ногорской вол. д. Черепановой. В Барнаульском окр. он за все обозреваемое время не был констатирован ни разу.

Тифы неопределенного типа чаще всего констатированы в горнозавод. селениях и соседних с ними деревнях. В 84 и 85 г. они ютились около Кольванского зав. Бийск. окр. и с. Усть-Беловском и Чарышской в. в д. Карновке. В Кузнецком окр. в 84 г. они были в д. Терехине Кузнец. вол., в следующем году кроме этой вол. отмечены еще Ильинская, Уксунайская, Касьяминская и Мунгалская. В Барнаульском отмечено 56 заболеваний в 83 г. и 118 – в 85 г., но местности не указаны.

Примечание: текст печатается с сокращением, опущена большая таблица, в которой показано сравнительное заболевание от тех или иных эпидемических болезней и сравнительная смертность каждой из них. Публикуемая работа С. Мортынова является главой XV книги: Алтай. Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск, 1890. – С. 192 – 224.

Публикацию подготовила Н.В. Воробьева,
главный библиотекарь отдела редких книг
АКУНБ им. В.Я. Шникова.

Воспоминания о Василии Константиновиче Штильке

*К 150-летию со дня рождения
В.К. Штильке*

*В.К. Штильке.
Посмертная почтовая открытка.*

В личном фонде Василия Константиновича Штильке в Алтайском государственном краеведческом музее собраны документы, письма, статьи, фотографии¹. Источники их поступления в музей самые разные. Особый интерес вызывают материалы, полученные в результате переписки музейных работников Н.Я. Савельева и Т.А. Похухина с дочерьми Василия Константиновича – Риммой Васильевной (1956 г.) и Зоей Васильевной (1963 г.). Среди документов, полученных от них, подлинное письмо В.К. Штильке своему племяннику И.А. Эльснеру (сообщает об избрании депутатом III Государственной Думы, 12 декабря 1907 г.), воспоминания об отце Э.В. Зайцевой (Штильке), написанные в

1963 г., «докладная записка» «К 20-й годовщине смерти друга рабочего класса Василия Константиновича Штильке». Часть фотографий была получена от племянницы Василия Константиновича – Елены Николаовны Елавицкой (Гуляевой). Некоторые документы, вошедшие в личный фонд Штильке, хранились с 20-х годов в архиве музея. Среди них – рукопись воспоминаний, озаглавленная «Воспоминание о Василии Константиновиче Штильке». Написаны они в начале 1923 г., возможно, в связи с 15-й годовщиной со дня кончины В. Штильке. Автор этого документа на сегодняшний день не установлен – подписан он только буквами «П.С.». Как и любые личные воспоминания, они могут быть и субъективны. Бесспорно, на наш взгляд, то, что данная рукопись представляет большой интерес для исследователей, изучающих деятельность Общества поощрения и начального образования в Барнауле, для тех, кого привлекает яркая личность просветителя В.К. Штильке.

О.В. Падалькина

¹ АГЕМ. Фонд № 6. Штильке В.К.
² АГЕМ. Основной фонд № 15723/3.

До 1877 г. я жил в г. Барнауле, учась в это время в Горном училище. У меня был товарищ Володя Ветцель, я был, как говорят, уличный – Ветцель благонамеренный, воспитанный мальчик, его родители были приятелем моего дедушки, старого холостяка, у которого я жил, а так как отец Володи был приятелем дедушки, меня часто отправляли к Володе, чтобы играть с ним в их ограде. Володя с уличными мальчишками не играл. Он хорошо рисовал иконы и в одном углу ограды устроил часовню, с иконами и хоругвями мы с ним устраивали крестные ходы.

В это время в городе появился, по моему мнению, страшный человек, о котором говорили, что он Бога не признает, и называли его «нигилистом». Слово это приводило меня в страх. Однажды, увидев проходящую тонкую, высокую фигуру, в узком пальто, я остановился, смотря на него, и спросил своего товарища: «Кто это?» – «Это Штильке» – был ответ.

И вот я узнаю, что Володю будут готовить в Кадетский Корпус, и готовить его будет Штильке. Занятия у Володи начались, и вместе с ними прекратились мои дружеские отношения с ним, он уже не проводит время в ограде, прекратилось его увлечение религией, я увидел у него книги, он с большим почтением говорил о своем учителе. Я видел, что Володе скучно со мной, и как-то раз сам Ветцель сказал мне, что Володя серьезно готовится и ему необходимо оставить игры, поэтому не стоит отвлекать его от занятий. После этого мои сношения с Володей совсем прекратились, а на Штильке я стал смотреть с еще большим страхом, видя в нем чуть ли ни чародея.

Однажды дедушка заговорил с Ветцелем об учителе его сына, я насто-рожил уши. Дедушка неодобрительно отзывался о нем, называя его опасным человеком, Ветцель сильно возражал ему, говорил, что он сам наблюдает за уроками и что Штильке превосходный преподаватель.

Уехав в Томск, затем в Петербург, я до 1890 г. не имел уже более сведений о Штильке.

Ознакомившись с жизнью Барнаула, я видел, что это обыкновенный провинциальный городок, в котором жители резко были разграничены в касте, служащих в Алтайском округе, купцов и обыкновенных городских обывателей, в те и другие группы жителей был вкрашен пришлый поповоле элемент политических высланных из России лиц. В первые дни по прибытии в город, знакомясь с его жизнью, я между прочим прочитал отчеты Совета Школьного Общества в г. Барнауле. Меня поразила энергичная деятельность общества и особенно товарища председателя и секретаря его Штильке; написанные им отчеты были, как мне показалось, проникнуты некоторым пафосом. Однажды в день именин одного коммерсанта, знавшего с местной аристократией, на вопрос ко мне бывше-

го в то время городского головы – «как Вам нравится город и что вы в нем находите интересным», я с полной откровенностью сказал, что здесь меня поразила деятельность Школьного Общества и работа инициатора его Василия Константиновича Штильке. Фраза моя произвела неожиданное впечатление, мне даже показалось, не произнес ли я нечаянно какое-либо неподходящее в обществе слово. Все замолчали, спросивший меня, что-то пробормотав, скоро отошел, и некоторое время в гостиной было молчание. Меня это обстоятельство заинтересовало, я стал расспрашивать о деятельности Штильке и постарался с ним скорее познакомиться, да и сам он почему-то тоже желал войти со мной в сношения.

Однажды вечером он пригласил меня к себе на чашку чая, у него в это время, оказывается, собралась интеллигентная публика, среди которой были политические. Тя же длинная, сухая фигура, которая запечатлелась когда-то в моей памяти, живые глаза и резкая речь, но в то же время он был сдержан и, по-видимому, разглядывал меня. Через некоторое время он посетил меня и, принеся с собой отчеты Школьного Общества, он всю беседу посвятил ему, и во мне крепко засело впечатление, что все его существо слито со Школьным Обществом, точно он видел, что все будущее народа зависит от его образования. Я слышал от разных лиц, знавших его ранее, что он был в Петербурге в Медицинской Академии или в Университете, был призван неблагонадежным и выслан административно на родину. Он сам о своей студенческой жизни не говорил, по-видимому, просто к этому не было повода. Председателем Школьного Общества в это время был начальник Алтайского горного округа Н.И. Журин, которому пришлось в судьбе Штильке сыграть большую роль. Журин приехал в Барнаул в 1883 году с особыми полномочиями и приказанием от высшей власти уничтожить воровство на Алтае. Журин искал людей, которым бы он мог доверить и которые бы помогли ему разобраться в трудном деле. Журин пригласил к себе В.К. Штильке, советовался с ним и, преобразовав Горное училище, пригласил преподавателем в него Штильке, причем так же пригласил его преподавателем к своему сыну, признавая его педагогические способности, которыми Штильке вполне обладал. Злоба к Штильке притихла, но она преследовала его до самой смерти.

Справедливости ради требуется заметить, что и он сам давал повод навлекать на себя нареkania. Придерживаясь узкой точки зрения, «школа все и все для нее», он и людей разделил на 2 группы – сочувствующих и помогающих – это люди порядочные – и не помогающих. В деле Школьного Общества он считал себя непогрешимым и, обладая большой доверчивостью к людям, преданным школьному обществу, он впадал в большие ошибки, которыми вызывал на себя справедливые нареkania. Нечистоп-

лотные дела его приближенных легко переносились на него самого. Лично мне, лицом сочувствовавшим ему, приходилось усиленно бороться с его слабостью в этом отношении. Приехав в Барнаул, я не увидел той близости Штильке к Журину, какая была раньше. Злоба против него, по-видимому, начала иметь свое действие. Мои отношения с Журинским были хорошие, я с глубоким уважением относился к нему и считал его далеко незаурядным человеком. Беседу однажды с ним о школьных делах, мы скоро перешли к оценке Штильке, его значению для Школьного Общества. К концу разговора Журин неожиданно для меня сказал следующее: «Кабинет требует его увольнения, как вредного человека, по-видимому, на него был донос, но уволить его я не мог, так как не видел за ним никакой вины». Впоследствии сам Штильке, говоря со мной по этому поводу, прибавил, что Журин, согласно распоряжению Кабинета, предложил ему подать прошение об отставке, но «я», — сказал Штильке, просто ответил ему, — «если вы считаете меня действительно в чем-либо виноватым, то увольте меня сами». Ответа не последовало, и я остался продолжать службу». Журину же, по его словам, пришлось усиленно защищать Штильке в Кабинете, что ему и удалось.

После Журина начальником Округа был генерал Болдырев, человек военный, израненный на войне с Турцией в 70-х годах, а затем бывший профессором в Военной Юридической Академии, патриот в смысле дореволюционного времени. Став председателем Школьного Общества, очень ценил Штильке, и ему тоже пришлось защищать его от наветов. Горное училище при Болдыреве было преобразовано в реальное, и Штильке пришлось оставить педагогическую деятельность.

С открытием поземельно-устроительных работ в Алтайском округе, Штильке принял в нем участие в качестве производителя работ. Здесь мне лично пришлось столкнуться с ним по службе и принять участие в защите его от нападок томского губернатора барона Нолькена.

Говоря по делам землеустройства с губернатором, последний неожиданно для меня резко указал мне, что чины землеустройства, исполняют свои обязанности по наделению населения землей, а то же время ведут сильную антиправительственную пропаганду, что он считает недопустимым для чинов Кабинета. Я спокойно слушал его, обдумывая свой ответ и когда он закончил свою тираду, я указал ему, что в данную эпоху (это было 17 Октября 19... года) вполне возможны увлечения молодежи новым течением политической жизни в стране, но в то же время на службе установилось определенное положение, и в душу служащих не лезли, но считалось, что каждый, если найдет нужным злится несовместимой со службой деятельностью, то оставит ее, освободив себя от служебных обязан-

ностей. Чины Землеустройства более 150 человек, и я, конечно, не могу их знать и ручаться в их корректности. Предписать же те или иные убеждения, я полагаю, никто не в силах.

«Вы не откажите мне сообщить, кто из чинов землеустройства проявил свою нетактичность и в чем». Губернатор вынул из стола список и передал его мне. Список заключал в себе значительное число лиц. Просмотрев его бегло, я обратился к губернатору со следующими словами — «для оценки всего списка я просил бы Вас сообщить, кто самый опасный и неблагонадежный из перечисленных в списке лиц?» Губернатор, не задумываясь, быстро ответил мне: «Штильке». Я с той же скоростью перекрестился и облегченно сказал: «Вы меня успокоили: Штильке я знаю давно, против нападок его записал бывший начальник округа Журин, затем генерал Болдырев, я лично знаю его продолжительное время, это человек всем сердцем своим и душой предан народному образованию и на этой почве он ведет неустанную борьбу с окружающими его, нарушая их покой и будя их совесть, которую он тревожит порой своими резкими замечаниями. Я знаю его в его домашней жизни, в общественной деятельности и служебной. Если Штильке считать самым опасным человеком, то что же представляют из себя остальные, извиняюсь, но я склонен думать, что этот список представляет из себя просто недоразумение». Наступило молчание. Губернатор взял со стола список и положил его в стол, начав разговор на другую тему.

Через непродолжительное время я получил известие, что Штильке выслан из Барнаула ввиду его вредного направления. Штильке уехал в Петроград, и мне пришлось подробно донести обо всем Кабинету. Время подходило к выборам в Государственную Думу, и Штильке был избран в ее члены. Это обстоятельство дало ему возможность приехать в Барнаул, и тогда меня, уже оставившего службу по болезни, он посетил, и мы с ним поговорили в последний раз. Он был оживлен, с большим интересом я слушал обо всем пережитом, о высказанных им впечатлениях из заседаний Государственной Думы, я с грустью смотрел на его исхудавшее от чахотки лицо, с особым блеском глаз. Хотя на краю могилы сверкнула на него луч радости и удовлетворения, подумалось мне.

Переходя от его служебной деятельности к его семейному быту, я не считаю себя вправе не остановиться на некоторых чертах его характера, которые явились результатом его общественной деятельности. Приходя к нему, я всегда заставал его большей частью одного в комнате и только изредка на его руках был ребенок, которого он ласково держал, а сам в это время был погружен в занятия. Бледный, исхудавший мальчик или девочка, к точно не помню, прикасавшись к его груди, точно отдыхал от перенесен-

ной тяжелой болезни. Веда разговор с отцом, я наблюдал спокойное положение ребенка, и если бы не блеск его глаз, то можно бы подумать, что ребенок спит.

Разговоры наши во время посещения Штильке касались, главным образом, школьных дел. Но вот однажды Штильке поехал в Томск для операции. Перед отъездом он зашел ко мне и просил меня получить за него жалование и передать его семье. Это обстоятельство дало мне возможность познакомиться с его семейной жизнью. Посещая жену Штильке, я более всего поражаюсь неопрятностью его жилища, большие, просторные комнаты, казалось, достаточно воздуха, а между тем, было наоборот — неопрятность и неуютность чувствовались во всей обстановке, несмотря на то, что была прислуга. Я пришел во время чайного стола, хозяйка меня пригласила выпить стакан чаю и, быстро взяв грязный стакан, помыла его и подала мне. Заговорив о здоровье Василия Константиновича, я перешел на ту тему, что при его болезни — туберкулез, необходим прежде всего чистый воздух и хорошее питание. Жена Штильке наивно возражала мне, говоря, что всем распоряжается муж, а она как-будто ни при чем. Я ей возражал, говоря, что Василий Константинович слишком занят общественными делами, неся на себе работу по делам Школьного Общества, а главное — добывает средства для семьи, проводя большую часть дня на службе. У Вас одно дело — семья и хозяйство, поэтому Вам «книжки в руки» по хозяйственным делам. Хотя я ей горячо возражал, но все же я вынес впечатление, что Василий Константинович являлся в семье крепким распорядителем, а жена его тупой и забитой. Спустя продолжительное время после этого, однажды получив приглашение прийти навестить Василия Константиновича, я сейчас же отправился и застал его в постели, вид его на меня произвел тягостное впечатление, что еще более усилилось от окружавшей его неряшливой обстановки. «Свежего воздуха Вам надо, Василий Константинович, свежего воздуха. Ваши легкие в нем очень нуждаются». Но он скоро разговор перевел на общественные дела, точно все остальное ничего не значило.

Я уже указал на черту характера Штильке, в которой ярко выражалось его полное доверие к людям, сочувствующим делу народного образования, и особенно слепо идущим в этом деле за Штильке, причем он награждал этих лиц такими достоинствами, которых они не имели. Черта семейного деспотизма переносилась им по мере возможности в общественные дела, и члены его семьи здесь заменяли приближенные к нему лица, но чувства этих лиц не покоились на родственной привязанности, а скорее на чувстве личной выгоды.

Интересную сцену однажды я имел возможность наблюдать. Мне при-

шлось у Штильке в комнате застать двух его самых приближенных сотрудников. Войдя в комнату, я поздоровался с хозяином и его гостями, сел и стал слушать продолжение их беседы. Разговор шел о Благотворительном Обществе, говорили о нем и его руководителях с недоброжелательством, сопровождая свой разговор насмешками. Штильке ничего не говорил, но отношение к Благотворительному Обществу своих собеседников он, видимо, одобрял, причем те старались при случае льстить Штильке, хваля ход дела в Школьном Обществе по сравнению с Благотворительным.

Один из собеседников руководил устройством и ведением дела каруселей в большие праздники на площади. Доход от каруселей покрывал значительную часть расхода Школьного Общества. Проданные билеты от покупателей отбирались и сейчас же снова шли в продажу; при таких условиях продажа билетов теряла значение, можно было просто брать деньги и пропускать к каруселям. Среди публики стали раздаваться замечания не лестные для руководителей Школьного Общества, а на заведующего каруселями были обращены более серьезные обвинения. Было возбуждено по этому поводу дело в Школьном Совете, и Штильке очень горячо защищал лицо, которое навлекло на себя справедливое замечание. В разговоре со Штильке я указывал, что в общественных делах мало одного доверия руководителя, нужна полная отчетность и возможность контроля, чего в деле об устройстве каруселей нет, а это обстоятельство дает повод к подозрениям и нареканиям. Но Штильке продолжал, по врожденному ему упрямству, делать по желанию своих приближенных. Давнишняя мысль Штильке построить Народный Дом в городе Барнауле начинала осуществляться. В добывании средств на это дело он проявил невероятную энергию. Из его слов видно было, что он уже давно вел разговоры по этому вопросу с отцом разорившихся барнаульских купцов Суховых, он, по-видимому, по примеру томского купца Макушина, хотел заслужить такую же популярность в своем городе, но по случаю смерти Сухова, вопрос этот был отложен в долгий ящик, а Штильке тем не менее продолжал штудировать этот вопрос. Внимание его было обращено на заброшенное здание старой заводской тюрьмы и прилегающей к ней Алтайский Горный Сад бывшего Горного Ведомства. Я принял к сердцу все, что он говорил и принял участие в организации хлопот по поводу передачи сада и бывшей тюрьмы в ведение Школьного Общества, для постройки Народного Дома. С получением от Кабинета сада с прилегающей к нему тюрьмой, началась у Штильке энергичная работа по добыванию средств, начались оживленные заседания Совета. В городе так же оживленно обсуждали этот вопрос, многие резко выступили против Народного Дома, так как содержание здания поглотит все доходы и еще чего доброго, придется брать из прямых доходов на школы. Штильке, как «Брицк»

Ибсена стихийно шел к намеченной цели, влеча за собой весь Совет и будничную публику. Принимая участие в этом деле, приходи постоянно в соприкосновение с обществом, приходилось наблюдать, что сильно тормозило дело отрицательное отношение общества к Штильке и особенное недоверие к окружающим его лицам. Был получен от архитектора Ронета проект Народного Дома, хотя не вполне выполненный. Была выбрана строительная комиссия, в которой приняли участие лица, сведущие в деле постройки. Довольно долго дебатировали вопрос, каким образом вести постройку — подрядным или хозяйственным способом. Совет справедливо рассудил, что вести самим постройку, людям не свободным по своим обязанностям по службе или частному своему делу, очень трудно, — непременно одно из дел должно будет пострадать. Между тем, при отдаче подрядчику все будет зависеть от поставленных ему условий и наблюдения за выполнением этих условий. Последнее мнение Совет принял и было приступлено к подготовке материалов для постройки. Уехав из Барнаула по делам службы и вернувшись обратно, я был совершенно поражен, когда узнал что постановление Совета было отменено новым постановлением, и работы уже шли под руководством лиц, изъявившим на то свое желание, словом подрядный способ был заменен хозяйственным. В то же время часть членов строительной комиссии вышла, другие скептически смотрели на дело, были пассивны. Однажды ко мне приходит жакиточный скрябник, приглашенный в члены строительной комиссии, я с ним не был знаком, и его посещение меня удивило.

«Я пришел поговорить с Вами о деле, вы и я члены строительной комиссии, а Вы кроме того член Совета. Работы по стройке Народного дома идут плохо, а деньги в кассе тают. Я простой необразованный человек, с меня меньше и спросят, а вы люди образованные, более ответственные, поэтому я и пришел предупредить Вас, наблюдающий за постройкой женится на дочери Штильке и ему, как жениху, не до постройки, рабочих много, и они без надзора, получая летнюю высокую плату по палтора рубля в день, они большую часть дня разговаривают, валяясь на земле или курят. Так расходовать пожертвованные деньги не годится». Слова его произвели на меня сильное впечатление, что еще более усиливалось тем, что мне пришлось услышать от инженера М., очень солидного и порядочного человека, сказавшего мне с большим негодованием, что он каждый день наблюдает, как бесхозяйственно идут работы, как в техническом, так и в хозяйственном отношении. Переговорив с членами Совета, тоже отрицательно относившимся к ходу постройки, я решил поднять этот вопрос на соединенном заседании Совета и членов строительной комиссии, в том смысле, что работы идут ненормально, надзор за рабочими не установлен, что этот надзор нельзя навязать лицам технического руководства, как

слишком обремененным работой, поэтому из числа членов строительной комиссии и даже лиц, не входящих в нее, выбрать особую наблюдающую за ходом работ группу, которая бы побуждала рабочих к работе, требуя выполнения установленных часов рабочего дня. Предложение было принято, комиссия выбрана, наблюдение установлено и работы пошли нормально. Но время было упущено, денег израсходовано много, и в публике росло недовольство. Надо было заместить председателя Общества. Начальник Алтайского округа отказался и на его место заступил его товарищ В.К. Штильке. При новых выборах, в доказательство неодобрения Штильке, вместо него выбрали местного кушца П., как человека состоятельного, имевшего связи в коммерческом обществе и следовательно, лично могущего достать необходимые материальные средства. Хотя Штильке был только заместителем председателя после начальника Алтайского округа, тем не менее чувствовалось, что он остался недвоячен — с одной стороны, что его не выбрали председателем, а еще более оскорбительным с другой стороны — выбором коммерсанта П. На другой день после общего собрания я пошел к Штильке, зная, что результат выборов произведет на него тяжелое впечатление. Штильке я застал в комнате, он сидел повурившись за столом, на лице его видны были следы муки. Я сел за стол, и на некоторое время воцарилось молчание. — «Я понимаю Ваши страдания и даже был уверен, что это будет так, тем не менее я был против того, что бы Вас выбрали председателем общества. Общество ценит Вас и выражает свое доверие, выбрав Вас товарищем председателя, но не одобряет Вашу деятельность, которую Вы проявили, когда были за председателя Общества оно не одобрило того, что Вы доверяете лицам, которым члены Общества не доверяют. Постройка Народного Дома хозяйственным способом, лично Вами проведенная в Совете Общества под руководством лиц Вами рекомендованными, дала повод всю неудачу извалить на Вас, и собрание свое мнение высказало в своем вотуме на выборах. Вы стоите вне мелкого личного самолюбия и как тов. председателя будете продолжать Вашу неуклонную, видную и полную пользы работу». — «Что меня не выбрали председателем», — сказал Штильке, «я против этого ничего не имею, да и на избрание меня не рассчитывал, но меня оскорбил выбор П., с которым я работать не буду, этот выбор — брошенное мне оскорбление и это оскорбление я считаю незаслуженным. Могли выбрать кого угодно, но только не его, с ним я работать не буду, о чем я уже написал заявление в Совет». Между нами завязался горячий спор, но Штильке остался непоколебим и из состава Совета вышел.

Получив перевод по службе, приехал в Н-Никольск и только после 3-х лет мне снова пришлось войти в сношения с В.К. Штильке, когда он был

производителем работ по землеустройству Алтайского округа. Мне пришлось познакомиться с ним, как с человеком службы. Все письменные работы при устройстве населения он вел сам, собственноручно излагая ясно и просто. Приходя в общении с населением, он легко понимал их требования и хотя постоянно был на стороне их, но вносил в требования разумную осторожность. Спокойный, уравновешенный, он являлся в работе и, зная его характер в общественных деловых сношениях, меня иногда удивляла его совершенно другая тактика, он, как будто, был внешне другим человеком: в семейной жизни, в делах школьного общества и на службе.

Сравнивая его с окружающими его людьми, надо по справедливости сказать, что он был выше, идейнее, а главное он обладал неутомимой энергией в достижении поставленной им задачи. Видя его большого, изнуренного, усталого, я ни разу не слышал от него, что он болен, что он работает не по силам, что он переутомлен. Вращаясь среди общества, члены которого были охвачены мелочами жизни и борьбой за личные свои интересы, среди общества усталого от обыденности и ищущего успеха в картежной игре, выпивке, еде и сне, Штильке на фоне этой захолустной провинциальной жизни ярко выделялся, будя и зовя на помощь учить население, безграмотность и невежество которого были громадны. Он, как будто, предчувствовал, что шлохдавая прививка образования может привести к неожиданным результатам. Мировое значение русского народа очень значительно, умственный же его уровень низок. «Ни одного неграмотного» — был лозунг Штильке, в нем выражались его стремления, тут была его жизнь, ему он отдал все, забывая себя и свою семью. Он был человек, и человеческие недостатки ему были не чужды, и это дало повод его противникам играть на этой струне, забывая, что он носит в себе огонь, которым они не обладали. Все его недочеты, как и недочеты его противников, уйдут вместе с ним в могилу и подлежат забвению, но из всей среды своих современников он один оставил своему городу память о себе в сооруженных по его инициативе зданиях школ и Народного Дома с прилегающим к нему садом, а деятельность его как педагога способствовала понижению безграмотности, была ответом на лозунг Школьного Общества

«Ни одного неграмотного».

Неуклонно, в продолжение всей своей тяжелой жизни, звал этими словами Штильке своих сограждан на помощь Школьному делу, и зов этот еще долго будет раздаваться из его могилы.

*П.С.
Начало 1923 года
г. Барнаул*

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Актерская антреприза в Алтайской губернии и Западной Сибири в 1920-е годы

В настоящее время, когда и в столичной, и в провинциальной театральной жизни происходит возрождение антрепризы*, чрезвычайно большой интерес представляет обращение к ее истории. Предлагаемая статья посвящена деятельности западносибирских, большей частью барнаульских, антреприз 1920-х годов.

Как форма организации театра антреприза возникла еще в дореволюционные годы. Однако очень часто существуют неверные представления о специфике ее деятельности в тот период. Вполне очевидно, что во все времена организационные формы и методы руководства театром зависят от источников его финансирования. «Полюбога власти директора возможна, лишь когда он является вместе с тем и собственником театра. В таком случае, если директор даровитый администратор, то все, как постоянные, так и чрезвычайные расходы он переносит на публику, т.е. на потребителей, если же директор неумелый в своем деле, то он платит собственным карманом», такое мнение высказал в конце XIX в. гофмейстер С.Е. Смельский (1). Однако в дореволюционной России «собственников» театров было очень мало, поскольку, чтобы действительно владеть театром, необходимо было иметь свое здание. В большинстве случаев антрепренер не имел средств на постройку, поэтому здание обычно строил город, а затем на определенных условиях сдавал его в аренду тому или иному частному лицу. Город обычно устанавливал максимум вазового сбора со спектакля, чтобы театр был доступен, и в связи с этим брал на себя часть расходов по содержанию антрепризы, иначе последняя просто не смогла бы выжить. Требования города к антрепренеру определяла, как правило, городская театральная комиссия. В договорах с антрепренерами могло оговариваться число премьер за сезон, названий в репертуаре, максимальной вазовой сбор со спектакля. Ежегодно городская комиссия утверждала состав труппы, репертуарный план (2).

Во время гражданской войны большевики стали проводить в театральной жизни преобразования, подобные преобразованиям в других сферах. Согласно Декрету СНК от 26 августа 1919 г. «Об объединении театрального дела» все театральное имущество национализировалось, а руководство всеми театрами, независимо от их принадлежности, передавалось в ис-

* Антреприза (франц. *entreprise*) — частное предпринимательское предприятие (прим. ред.).

ключительное ведение органов Наркомпроса. В то же время в Сибири на территории, занятой Колчаком, продолжала существовать антреприза. Так, в Омске Большой театр в аренду снимал известный антрепренер П.П. Медведев. После восстановления советской власти театры в Сибири согласно Декрету от 26 августа 1919 г. объявлялись государственными, и оказались подведомственными сначала местным подотделам искусств при губОНО, а затем, с апреля 1921 г. местным губполитпросветам.

НЭП внес коррективы в работу театров. Несмотря на то, что декрет СНК «Об объединении театрального дела» продолжал действовать, недостаток финансов в стране подвигнул органы власти на поиски иных путей взаимодействия с театральными учреждениями. «В связи с изменившейся общенациональной экономической политикой государства, в связи с затрудненными финансовым положением и отнеси в связи с фактами, обозначающими в последний период в самом театре – неизбежно значительное изменение государственной политики. Это изменение найдет выражение в отступлении от огосударствления театров и в переходе на путь их разгосударствления, на путь расширения инициативы и самостоятельности театральных коллективов, актерских кооперативов и т.п. Таким путем с государства будет снято бремя содержания всех театров республики...», – отмечалось летом 1921 г. в одном из документов Наркомпроса (3). Первоначально государство не рассчитывало возрождать антрепризу. Свидетельство тому – материалы заседания Комиссии по вопросу театральной политики при Наркомпросе от 18 октября 1921 г. В постановлении заседания отмечалось, что все театры разделяются на три группы: государственные, кооперативные и самостоятельные художественно-просветительские кружки. В примечании оговаривалось, что частная антреприза не допускается (4). Однако уже 1 декабря 1921 г. на заседании коллегии Наркомпроса слушался вопрос о сдаче театров в аренду частной антрепризе. Постановление было следующим: «Предложить ТЕО Главполитпросвета в кратчайший срок предоставить проект декрета о театральной политике на рассмотрение тройки НКП, в котором при обсуждении данного проекта разрешить с участием представителя Цекиспроса вопрос о частной антрепризе» (5). Таким образом, с 1922 г. в стране возрождались антрепризы, рассматриваемая государством в качестве одного из возможных путей сохранения театров в сложных экономических условиях.

О специфике функционирования театров периода НЭПа написано немало книг и статей. Вместе с тем, на протяжении долгого периода времени в литературе была распространена следующая точка зрения: в годы НЭПа подавляющее большинство провинциальных театров стало сдаваться в антрепризу, в том числе и людям далеким от искусства, ввиду чего на

сцену хлынул поток низкопробных пьес. Данное утверждение является не только упрощенным пониманием процессов, происходивших в театральной жизни, но и во многом неверным. В ряде городов Западной Сибири обстоятельства складывались отчасти противоположным устоявшейся точке зрения образом. Так, в Омске в 1922 г. было решено Большой театр (к тому времени получивший название 1-й Советский театр) не сдавать в антрепризу. Довольно интересное положение вещей сложилось в Томске. Несмотря на то, что газета «Красное знамя» в начале 1923 г. отмечала, что на сцене томского Большого театра антрепренерствует «Коллектив правительственных учреждений» (6), по своей сути названный коллектив был кооперативным театром. В дальнейшем на сцене Большого театра стала играть труппа «Группа русских драматических артистов» под управлением М.К. Вулконского. Учитывая, что Вулконский одновременно возглавлял Управление театрами, можно сделать вывод, что «Группа русских драматических артистов» была труппой губполитпросвета. Сибгосопера, родившаяся в Омске и с 1922 г. работавшая в Новониколаевске, весь период НЭПа была государственным учреждением. Вместе с тем, сказанное выше не означает, что в 1920-е годы в Западной Сибири не существовало антреприз. Антрепризы непродолжительное время работали в Омске в Летнем (антреприза И.А. Комиссаржевского) и Малом (антреприза Я.С. Гальперн-Гальского) театрах, клубе им. Лобкова (антреприза В.В. Васина), в Интимном театре в Томске. Названные антрепризы, за исключением труппы В.В. Васина, ставили музыкальные комедии, оперетты, миниатюры. В течение нескольких сезонов играли актерские антрепризы на сцене барнаульского Гостеатра. Деятельность последних представляет наибольший интерес, поскольку Барнаул оказался единственным западносибирским городом, в котором губполитпросвет сдавал в аренду частным лицам самый крупный губернский театр.

Алтайский губполитпросвет принял решение о сдаче Гостеатра в антрепризу весной 1922 г. после окончания зимнего и следующего за ним «великопостного» сезона, понимая свою несостоятельность материально содержать театр. В сибирских газетах были помещены объявления, подобные следующему: «Алтгубполитпросвет сдает на зимний сезон в антрепризу 1-й Государственный театр в г. Барнауле, вместимостью 600 мест, со всеми доходными предприятиями: буфетом, бильярдной, костюмерной и проч.» (7). Первым барнаульским антрепренером в годы НЭПа стал М.К. Вулконский, являвшийся до того актером и заведующим Барнаульской агиттруппой, гастролировавшей по деревням губернии. Вулконский арендовал Гостеатр на период летнего сезона 1922 г. После окончания сезона в Барнауле он уехал в Омск и стал работать в труппе Омского губпо-

литпросвета, а затем переехал в Томск, где довольно успешно руководил Управлением театрами Томского губполитпросвета.

Поскольку в 1920-е годы труппа в театр набиралась лишь на сезон, накануне каждого сезона перед губполитпросветами стояла задача пригласения в театр новых актеров. В случае, когда театр сдавался в антрепризу, как это было в Барнауле, формированием труппы занимался антрепренер. Однако по окончании летнего сезона 1922 г. Алтайский губполитпросвет сопрягнулся с большими сложностями в процессе организации очередного театрального сезона: не удавалось найти управляющего театром. Губполитпросвет обращался с предложениями снять театр в аренду к Вулконскому, премьеру труппы того же сезона Пармскому. Оба кандидата дали отказ. В условиях отсутствия антрепренера комплектованием труппы занялся представитель губполитпросвета Севастьянов. Он посетил ряд сибирских городов с целью приглашения артистов. Лишь в начале октября театр был сдан в аренду актеру А.Н. Ваннину, который закончил формирование труппы.

Нежелание актеров снимать театр в аренду вызывает вопрос, в силу каких причин такое могло происходить. Попытаемся высказать некоторые предположения. Очевидно, большие опасения вызвала возможность потерпеть финансовые убытки, тем более, что так называемого «стартового» капитала на ведение дела у актеров не было. Кроме того, губполитпросвет иногда делал предложения снять театр в аренду актерам, не имевшим опыта ведения административной работы. Чтобы понять, насколько был необходим такой опыт, а также насколько была велика вероятность потерпеть финансовую неудачу в ходе руководства театральным предприятием, следует подробно остановиться на условиях деятельности антреприз. Основные принципы аренды театра были следующими. Во-первых, определенный процент от чистого сбора со спектаклей антрепренер отчислял губполитпросвету. Последний мог изменять эту ставку при очередном управляющем театре. Например, барнаульский гостеатр сдавался Ваннину на условиях 45% дохода политпросвету, 10% на премирование артистов. При последующем антрепренере Н.Я. Градском (лето 1923) отчисления губполитпросвету были увеличены до 60%. При Л.Н. Баском (зима 1923/24) политпросвет стал брать 5% с валового сбора театра. Во-вторых, антрепренеры, арендуя театр, несли ответственность за театральный инвентарь, обезьявились производить его ремонт, а также ремонт костюмов. В-третьих, губполитпросвет, как орган, руководящий театром, оставлял за собою определенные права, например, право распоряжаться билетами по своему усмотрению, право контроля за репертуаром. Наконец, антрепренер обязан был платить работникам театра заработную плату по ставкам профсоюза работников искусства (рабиса).

В качестве примера остановимся на тексте договора, заключенного между губполитпросветом и управляющим театром.

В Центре хранения архивного фонда Алтайского края сохранился лишь один документ подобного рода: договор между заместителем заведующего губполитпросветом Г.М. Караваевым и гражданином Бийска Н.П. Чучиным-Градским (8). Согласно этому договору, губполитпросвет предоставлял гр. Градскому ответственное управление 1-м Государственным летним театром и садом с его доходными предприятиями: кино, буфетом, бильярдом и складом костюмов с 15 мая по 15 сентября 1923 г. Приведенная выдержка из документа подтверждает обстоятельство, что театры в тот период относились не к культурным учреждениям, а к заведениям предпринимательского характера, поскольку считалось, что в основе деятельности управляющего театром лежит задача получения прибыли. Что касается обязанностей Градского, то оговаривалось, что антрепренер обязуется руководить всей просветительной работой театра, представлять репертуар спектаклей, концертов, литературных и музыкальных вечеров, кабаре, танцевальных вечеров на утверждение губполитпросвета не позднее, чем за неделю до постановки, предоставлять определенное количество бесплатных мест губкому, губисполкому, губпрофсовету, губОНО, а также должностным лицам, пользующимся правом бесплатного посещения театра. Градскому вменялось в обязанность дать в течение сезона пять бесплатных спектаклей или концертов, передав билеты в распоряжение губнаробраза. Как управляющий театром Градский обладал определенными правами. Это право найма и увольнения артистов служащих и рабочих, перевода работников с одной должности на другую, право заключать договоры и различные сделки с учреждениями, кооперативам и частными лицами на предмет найма или увольнения работников театра, а также на предмет приобретения сырья, топлива, на частичную или временную субаренду помещения частным лицам и гастролерам. Градский обладал правом иметь текущий счет Государственного театра в Государственном банке и давать объявления в газете. Оговаривались в тексте договора и отчисления управляющего театром губполитпросвету. Заключенный договор имел возможность расторжения до срока в судебном порядке в случае злоупотреблений Градского или ведения дела, влекущего театр к разрушению и упадку, либо в случае невыполнения своих обязанностей губполитпросветом. Договоры подобного рода составлялись всегда при сдаче театра в антрепризу, при этом в них мог оговариваться ряд других моментов. Например, Омский губполитпросвет при сдаче в аренду Летнего театра в 1922 г. Комиссаржевскому и Малого театра осенью 1922 г. Гальскому требовал от антрепренеров уплаты залоговой суммы в 300 млн. руб. (9).

Характеризуя деятельность антреприз, невольно возникает вопрос об их доходности, тем более что театр, как уже было отмечено, классифицировался государством как заведение предпринимательского типа. Из барнаульских антрепренеров лишь М.К. Вулковский закончил сезон с прибылью в 400 000 руб. (10). Все последующие оказывались в убытке. Причины тому несколько. Помимо арендной платы, это высокий процент отчислений в фонд помощи голодающим, обязательный налог в пользу Красного Креста, необходимость предоставления определенного количества бесплатных билетов красноармейцам и рабочим (ранее уже отмечалось о праве губполитпросвета распоряжаться театральными билетами). Огромный дефицит произошел в силу высоких коммунальных платежей, поскольку театры относились к заведениям предпринимательского характера. В результате зимние сезоны заканчивались с большим дефицитом, чем летние. Иногда долги увеличивались из-за недостатка административного опыта управляющих театром. Так, при Ваннине Налоговое Управление наложило штраф за несданный налог на публичные зрелища. (Налог был введен Декретом ВЦИК и Совнаркома от 22 июня 1922 г. и взимался со стоимости билета). Наконец, отмечая причины убыточности антреприз, следует помнить о финансовой нестабильности, высокой инфляции в стране в начале 1920-х годов. Именно эту причину указывает в объяснительной записке, подписанной заведующему Алтайским губОНО в сентябре 1923 г. Градский. Текст названного документа хотелось бы процитировать полностью для того, чтобы точнее передать всю специфику деятельности антрепренеров. «Двадцать восьмого апреля сего года по просьбе Загубполитпросветом Губисполкомом было дано для организации летнего сезона 25 червонцев, которые как не старался уплатить, не удавалось, т.к. каждый месяц не хватало на выплату жалования служащим театра. В настоящее время меня хотят обвинить в том, что я не желаю платить деньги. Я бы с удовольствием заплатил, если хоть что-нибудь было, т.к. дело принесло убытки вследствие того, что выплата жалования производилась согласно договора товарным и золотым рублем, который поднимался с невероятной быстротой. Цены же на билеты увеличивались пропорционально скачку рубля было невозможно. Я лично своего денег вложил в дело и не имел возможности получить их и кроме того за два месяца не получал жалования и в настоящее время не имею ни одного рубля и буквально не на что жить», — сообщает Градский (11).

В поисках денежных средств антрепренеры прибегали к самым различным способам. Градский сдавал летний сад цирковым артистам, а Л.Н. Баской (управляющий зимнего сезона 1923/24 гг.) приглашал работать на сцене театра опереточных артистов и Украинскую труппу, в то вре-

мя как актеры его антрепризы работали на сцене Делового клуба. Такие мероприятия, хотя и не приносили прибыль, все же помогали закончить сезон. Иногда на приглашение в театр других трупп антрепренеров подталкивала специфика производственной работы театров в тот период: необходимость огромного количества премьер за сезон и недостаток времени на их подготовку. «Комиссия находит, что гастролеры, как, например, труппа лиллипутов, Григорас не дали доходности театру. Мне очень жаль, что комиссия слишком мало знакома об условиях работы последнего сезона. Первое, почему я чувствую себя правым в этом деле то, что мне необходимо было сдать уже по одному тому, что спектакли шли слишком слабо за неимением времени для репетиций и подготовки ролей, т.к. при нашем составе труппы невозможно было ставить спектакли 6 раз в неделю. А этим я выиграл много времени для подготовки репертуара...», — писал Градский в объяснении по поводу акта ревизионной комиссии (12).

С убытком работали и другие западносибирские антрепризы. В качестве примера приведем приходно-расходную смету Омского Малого театра при антрепренере Гальском (осень 1922).

«Расход.

Аренда театра и имущества — 25 %, госналог — 4 $\frac{1}{4}$ %; авторские — 3%. Освещение, отопление, афиши, разрешение, прокат костюмов, прокат библиотеки, расходы мелкие, расходы непредвиденные, расходы чрезвычайные, декорации — около 25 %.

Итого 57 $\frac{1}{4}$ %.

Остается для уплаты всех труженников — 42 $\frac{1}{4}$ %.

Следует всем труженникам по октябрьским ставкам около 1 900 000 руб., переработок 300 000 руб. Итого 2 200 000 руб.

Приход.

С 1 по 27 ноября около 3 000 000 руб. Расход 57 $\frac{1}{4}$ % — 1 732 000 руб. Остается для труженников — 1 267 500 руб.

Следует всем труженникам за 26 дней около 1 800 000 руб., уплачено — 1 267 500 руб. Недополучено жалования — 532 500 руб. (около 30 %)» (13).

По барнаульским антрепризам подробных смет не сохранилось, однако архивные документы содержат следующую информацию по долгам антрепризы Ваннина: электростанция — 1271 руб. золотом, налоговое управление — 16 021 руб. денежными знаками 1923 г. Коммуналдеу за аренду земельного участка летнего сада — 358 руб. золотом (14).

Ввиду убыточности антрепренерских трупп, возникает вопрос об отношении государственных органов к антрепризе. В целом, государство смотрело на эту форму организации театрального дела, как на временное явление. Неслучайно, в Омске и Томске губполитпросветы не стали сда-

вать центральные театры в аренду, а организовали труппы губполитпросвета. Резко критиковалась газетой «Красное знамя» антреприза, работавшая в Иттиновом театре в Томске. Вследствие того, что антреприза являлась частным предприятием, большую роль государственные органы отводили проверке ее работы. По небольшому числу сохранившихся документов можно уловить, какого рода нарушения государственные органы находили в деятельности антрепренеров. Так, Градскому были предъявлены следующие обвинения: позднее заключение коллективного договора с актерами и техническим персоналом, незащитительное отношение к актёрам и техническому персоналу за работу, которую не следует оценивать в нотариате, широкое материальное обеспечение художественного персонала, выплаты техническому персоналу за работу, которую не следует оценивать. При этом ревизионная комиссия, обследовав театр, не приняла во внимание ряд весьма важных обстоятельств, при которых работала антреприза. Так, позднее заключение коллективного договора Градским было следствием тяжелого финансового положения антрепризы. Ставки, предъявленные союзом рабочих, оказались выше ставок некоторых актеров и технического персонала, что привело к невозможности реально выплачивать должную зарплату, и, следовательно, заключить договор, гарантирующий эту зарплату. Что касается высоких денежных выплат работникам, то, как выяснилось позднее, ревизионная комиссия не учла сверхурочной работы артистов и рабочих (15).

Вместе с тем, часто местные органы власти в значительной степени поддерживали управляющих театров. Например, в Омске экспертная комиссия ОмгубОНО, определявшая процент налога со зрелищных предприятий, на одном из своих заседаний в октябре 1922 г. рассматривала заявление арендатора Малого театра Гальского об установлении процентного отчисления за каждую пьесу репертуара. (Поскольку труппа Гальского являлась опереточной, все ее спектакли облагались налогом в 50%). В результате из 48 пьес репертуара театра 39 были отнесены к жанру оперы, что соответственно понизило налог с 50% до 5%, хотя на самом деле репертуар Малого театра почти не содержал опер (16). Иного характера была помощь Алтайского губполитпросвета барнаульскому Гостеатру. Поскольку в антрепризу сдавался единственный театр губернского центра, барнаульские антрепренеры получали определенную сумму на усиление оборотного капитала. Например, Ванни получил сумму в размере 500 000 руб. денежными знаками 1922 г. (17). Алтайский губполитпросвет всегда производил ремонт зимнего и летнего театральных помещений.

Наконец, несмотря на многочисленные ревизии театра, Алтайский губполитпросвет в конечном счете признавал, что дефицит театра не является следствием бесхозяйственного ведения дела антрепренером, поэтому не-

рекладывал долги бывшего управляющего театра на губполитпросвет (18). Таким образом, помощь губполитпросвета и в то же время его контроль за деятельностью антрепренеров, свидетельствуют с одной стороны о сходстве антреприз периода НЭПа с дореволюционными антрепризами, а с другой – с театрами, содержавшимися на средства губполитпросветов.

В июле 1923 г. вышел циркуляр Главполитпросвета «О контроле над частными художественными предприятиями», разъясняющий основные моменты сдачи театров в аренду для губ- и облполитпросветов. В циркуляре обращалось внимание, что работа частных художественных предприятий должна протекать под контролем Наркомпроса и его местных органов. Отмечалось, что в договорах между частными лицами и местными политпросветами должны регламентироваться не только моменты коммерческих взаимоотношений, но и вопросы художественной работы по существу (19). Однако указанный циркуляр не сыграл какой-либо определяющей роли во взаимоотношениях западносибирских губполитпросветов с антрепренерами. Права и обязанности обеих сторон, в том числе и по поводу художественной стороны четко регламентировались в договорах, еще до выхода названного циркуляра. Кроме того, зимой 1923/24 гг. в Западной Сибири работала лишь одна антреприза. Это антреприза Л.Н. Баского в барнаульском Гостеатре. С лета 1924 г. Алтайский губполитпросвет прекратил сдачу Гостеатра частным лицам и начал приглашать на работу актерские товарищества. В целом по Сибири начался период «комбинированного обслуживания», при котором города менялись актерскими труппами.

Заключив анализ деятельности антреприз, хотелось бы очень кратко остановиться на творческой стороне их работы. Во-первых, следует отметить, все западносибирские антрепренеры являлись актерами. Омский антрепренер И.А. Комиссаржевский играл в сезоне 1921/22 гг. во 2-м Советском театре, Я.С. Гальский был до сдачи Малого театра в аренду актером этого же театра.

Артистами были все барнаульские антрепренеры, самым ярким и талантливым из которых был Л.Н. Баской, имевший известность во всей Западной Сибири. Даже те антрепренеры, которые владели административным опытом, – В.В. Васи, работавший до организации антрепризы администратором 2-го Советского театра в Омске, и М.К. Вулковский, заведовавший агиттруппой, – играли на сцене. Данное обстоятельство приводило к тому, что западносибирские антрепренеры старались поддерживать должный художественный уровень спектаклей. К сожалению, механизм работы театра в тот период (большое число премьер, подбор на каждый сезон новой труппы) часто сводил эти усилия антрепренеров к нулю.

Во-вторых, репертуар антреприз по сути своей не отличался от репертуара трупп губполитпросвета или актерских товариществ, работавших в других провинциальных городах. В Барнауле Алтайский губполитпросвет традиционно сдал сцену драматическим актерам, которые в свою очередь руководили драматическими труппами. (В то время как в Омске и Томске антрепризы ставили в основном опереточный репертуар, о чем уже отмечалось.) Характеризуя репертуар барнаульских антреприз, безусловно, следует отметить его пестроту. Однако ни в коем случае нельзя говорить о малохудожественности постановок. В большей степени на сцене шли пьесы, игравшиеся в дореволюционном театре: Гр. Ге, Л. Андреева, Шпагинского, Сумбитова, Сургучева. Довольно часто ставились пьесы А.Н. Островского. Были в репертуаре антреприз и произведения зарубежной классики: Шиллера, Шекспира, Гюго. Следует сказать, что названный репертуар пользовался популярностью у населения. В то же время посещаемость театра в начале 1920-х годов и в Барнауле, и в других губернских городах Западной Сибири не зависела от уровня игры актеров или от репертуара. В Барнауле, где театр сдался в антрепризу на протяжении четырех сезонов, наиболее полные залы собирала антреприза Ванниа. Однако уже через год, при антрепренере Баском, труппа которого не уступала по уровню предыдущим антрепризам, произошло охлаждение барнаульцев к театру. Поскольку проблема непосещения театра, характерная для зимнего сезона 1923/24 и для других провинциальных городов, требует отдельного исследования, мы не будем на ней останавливаться. Отметим лишь, что попытки антрепренеров заинтересовать горожан интересными постановками, не приводили, как правило, к желаемому результату. В частности, Баскому не удалось привлечь публику, несмотря на премьеры: «Царь Эдип» прошел при полупустом зале.

В заключение отметим, что в Алтайской губернии антреприза просуществовала самое продолжительное время. Антреприза Гальского в Омске была преобразована в коллектив, который в связи с отсутствием средств в марте 1923 г. прекратил свою деятельность. Что касается других западносибирских антреприз, то согласно сохранившимся архивным документам и материалам периодики, они существовали не более сезона.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. НЭП привел к возрождению частной антрепризы в театральной жизни. Однако переложить материальное содержание театров на антрепренеров в полной мере оказалось невозможным. Антреприза являлась в подавляющем большинстве случаев убыточным предприятием, подобно тому, как это было в дореволюционное время. Помощь местных государственных органов антрепренерам зависела от статуса театра, сдаваемого в аренду. В Западной Сиби-

ри лишь Алтайский губполитпросвет сдал в антрепризу ведущий губернский театр, причем в течение нескольких сезонов, в Омске и Томске антрепризы работали помимо Гостеатров. Понимая значимость барнаульского Гостеатра для горожан, Алтайский губисполком и губполитпросвет по сравнению с другими западносибирскими исполкомами и политпросветами оказывали большую помощь управляющим театра и в то же время жестче осуществляли контроль за репертуаром. В целом, изучение специфики функционирования антрепризы в 1920-е годы позволяет не только глубже изучить проблемы развития культуры в период НЭПа, но и дает возможность почерпнуть опыт ведения театрального дела в условиях рыночной экономики, что чрезвычайно важно в сегодняшние дни.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цит. по: Орлов, Ю.М. Московский Художественный театр. Легенды и факты (опыт хозяйствования). М., 1993. С.43.
2. Там же. С. 44-47.
3. ГАРФ. Ф.А-2306. Оп.1. Д.603. Л.402-403.
4. ГАРФ. Ф.А-2306. Оп. 1.Д.438. Л. 24.
5. ГАРФ. Ф.А-2306. Оп.1. Д.639. Л. 104.
6. Красное знамя. 1923. 1 янв.
7. ЦХАФ АК. Ф.Р-141. Оп.1. Д.60. Л.7.
8. ЦХАФ АК. Ф.Р-141. Оп.1. Д.79. Л.81-182.
9. ГАОО. Ф.Р-318. Оп.1. Д.578. Л.50б.
10. ЦХАФ АК. Ф.Р-141. Оп.1. Д.71. Л.27.
11. ЦХАФ АК. Ф.Р-141. Оп.1. Д.79. Л.86.
12. ЦХАФ АК. Ф.Р-141. Оп.1. Д.79. Л.176.
13. ГАОО. Ф.Р-318. Оп.1. Д.589. Л.37-38.
14. ЦХАФ АК. Ф.Р-141. Оп.1. Д.177. Л.69.
15. ЦХАФ АК. Ф.Р-141. Оп.1. Д.79. Л.173-180.
16. ГАОО. Ф.Р-318. Оп.1. Д.589. Л.37-38.
17. ЦХАФ АК. Ф.Р-141. Оп. 1. Д.175. Л.8.
18. Красный Алтай. 1923. 20 июня.
19. Еженедельник Народного Комиссариата Просвещения. 1923. 21 июля.

Неизвестный групповой портрет работы М.И. Мягкова

Михаил Иванович Мягков принадлежит к тем русским художникам XIX века, которые, не будучи совершенно забытыми, все же настолько малоизвестны, что по выражению А.Н. Бенуа остаются «совершенно загадочными личностями» (1). Интерес к Мягкову сохранялся, в основном, в Сибири, в первую очередь – в Барнауле, где он служил преподавателем рисования в Барнаульском горном училище. Исследователи творчества М.И. Мягкова (2) сталкиваются с очень скудной источниковой базой, что заставляет кроме основных источников использовать и косвенные. До недавнего времени было известно всего четыре достоверных произведения художника (3).

В этой связи большой интерес представляет групповой портрет семей Злобиных и Таскиных, фотография которого (негатив) найдена нами в фондах АГКМ (4). Оригинал фотографии получен 26 апреля 1955 г. заведующим отделом дореволюционного прошлого музея Н.Я. Савельевым от Л.А. Ястребовой, дальней родственницей изображенных, и был ей возвращен после пересъемки. В сопроводительном письме Л.А. Ястребова писала, что на фотографии изображены семьи горных инженеров первой половины XIX века Злобиных и Таскиных, ее родственников, и что сам портрет, с которого сделано фото, в начале XX века находился в Петербурге в семье Василия Алексеевича Таскина, сына одного из изображенных (5). К началу переписки, само произведение было уже утрачено. Ястребова отнесла его примерно к началу 1840-х гг. Автор был ей неизвестен. У нас есть ряд косвенных доводов в пользу того, что им является М.И. Мягков.

Известно, что на портрете изображены люди, связанные с Алтайским горным округом. В конце 1830-х годов начальником заводов был А.А. Злобин, сведения о семье и окружении которого мы находим в фонде Гуляевых в ЦХАФ АК (6), в письмах к С.И. Гуляеву и его жене в Петербург от одной из его барнаульских родственниц. Фамилия ее пока не установлена, т. к. письма ее подшиты вместе с письмами тестя С.И. Гуляева, Ф. Пожркова. Корреспондентка Гуляевых служила у А.А. Злобина кем-то вроде гувернантки или домоуправительницы, в частности, обучала его детей. У них были и другие учителя, в т. ч. по рисованию. Имя последнего не упоминается, но мы с уверенностью можем сказать, что это был М.И. Мягков. В письме от 28 ноября говорится о приезде в Барнаул после 7-летней разлуки, на свадьбу сестры, из Иркутска старшей дочери Злобина, Елизаветы Таскиной с мужем и трехлетним сыном Алошей, «с которого портреты сняты живописцем Мих. Ив. Мягковым» (7). Судя по упом-

рещению слова «портреты» во множественном числе, писалось, по крайней мере, два портрета – один, видимо, предназначался в Иркутск родителям, второй оставался в Барнауле, у деда. Тогда же, несомненно, был написан и групповой портрет всего встретившегося семейства.

Подлинные размеры его не известны, соотношение сторон близко к классическому 4:3. Фотография была сделана, когда портрет был уже основательно попорчен временем. Видны многочисленные дефекты красочного слоя, в левом нижнем углу он практически утрачен. Кроме того, фотограф не смог правильно осветить бликующий холст, что также затрудняет его рассмотрение. Тем не менее, фотография чрезвычайно ценна, т. к. дает новые сведения о творчестве художника и, как мы полагаем, о нем самом.

Интерьер комнаты, в которой расположились портретируемые, фактически не передан. Кресло, в котором сидит глава семьи и стоит, за которым расположилась центральная группа персонажей, даны скорее условно. За спиной крайней правой фигуры, как можно судить по негативу, очевидно, находится раскрытая дверь (на иллюстрации этот край картины отсутствует).

Изображено 12 персонажей и еще один человек представлен своим портретом. Картина имеет два изобразительно-смысловых центра, находящихся в тесном взаимодействии. Можно также сказать, что центр один, но состоящий из двух планов. На первом плане, в левой трети холста – личительная своей осанкой фигура самого А.А. Злобина в парадном мундире. Он изображен анфас, его левая рука – на подлокотнике кресла, правая – на столе, на листе бумаги, рядом с очками. Эта деталь, очевидно, должна свидетельствовать о его трудах по управлению заводами. Личность А.А. Злобина не привлекала внимания исследователей и, по сравнению с другими начальниками Алтайских горных заводов, он мало известен. На портрете ему около 50-55 лет. Второй план центральной группы образуют три персонажа. Несомненно, что это – старшая дочь Злобина, Елизавета Таскина, ее муж и (в центре) их сын Алоша, портреты которого писал М.И. Мягков. Семья Таскиных изображена так, что руки Злобина и Таскина образуют как бы некое полукруглое обрамление. Остальные фигуры расположены вокруг центральных четырех персонажей четырьмя парами. Сзади Злобина и Елизаветы Таскиной – пара молодых, на свадьбу которых Таскины приехали: невеста и ее жених, любующиеся друг другом. Имена их нам не известны. В левой части картины – юноша и девушка, облокотившаяся на спинку кресла, в котором сидит А.А. Злобин. Справа, на переднем плане, девочка и девушка постарше беседуют между собой. Девочка держит небольшой портрет женщины. Надо полагать, что это – портрет покойной жены А.А. Злобина, матери семейства, не дожившей до этого счастливого момента.

Любопытна пара мужчин на втором плане в правой части полотна. Они как бы со стороны, с улыбкой следят за счастливым семейством. Это молодой человек в партикулярном платье, который дружески (или покровительственно) положил руку на плечо мужчины лет 35-40, в форме без эполет со стоячим воротником и белой перевязью через плечо [илл. 2]. Известно, что кроме Елизаветы у Зюбина было четверо детей и пятая – воспитанница (8). Мы полагаем, что невеста, юноша и девушка слева и две девушки справа и составляют эту пятерку. О других членах семьи мы ничего не знаем и, по-видимому, пара мужчин в их число не входят. Возможно, что молодой человек в штатском платье – жених девушки, изображенной крайней справа. Мужчина в форме со стоячим воротником держит в руке высокий головной убор типа кивера, на котором лежит плоский овальный предмет с углублениями, на наш взгляд, являющийся палитрой. Мы полагаем, что здесь мы имеем дело с автопортретом М.И. Мягкова, который он включил в композицию семейного портрета. Разумеется, это могло быть сделано только по желанию заказчика. Подобное решение группового портрета более характерно для западноевропейской живописи, чем для русской. Однако, среда горных офицеров была в значительной степени европеизирована. В их числе известны коллекционеры западноевропейской живописи. Кроме того, Мягков был, очевидно, учителем детей Зюбина. Все это может объяснить подход к данному сюжету. Что же касается форменной одежды, то ношение мундира было предписано и преподавателям Барнаульского горного училища.

Хотя лицо мужчины с палитрой на портрете имеет серьезные дефекты, мы находим в чертах его лица сходство с одним неатрибутированным портретом из фондов Русского музея. Это так называемый «Портрет молодого художника с палитрой и кистью в руках», датруемый 1820-ми годами и, очевидно, являющийся автопортретом (9). Молодой художник изображен перед холстом с начатым портретом девушки. Композиционно «Портрет молодого художника» имеет общие моменты с построением парных групп в «Семейном портрете Зюбиных – Таскиных». Особенно это видно во взаимодействии взглядов, «игре глаз». Возможно, перед нами автопортрет М.И. Мягкова петербургского периода. Известно, что вскоре после отъезда М.И. Мягкова в Сибирь профессор А.П. Варнек представил совету Академии художеств портретные работы Мягкова, за которые он был признан «назначенным», т. е. кандидатом в академики (10). Не исключено, что мы имеем дело с одной из этих работ, до сих пор неизвестных, которую отделяет от «Семейного портрета» 10-15 лет. Разумеется, предлагаемая гипотеза требует дальнейшего обоснования.

Нами предпринята попытка обосновать сходство указанных персона-

жей, опираясь на методiku «словесного портрета», принятого в криминалистике (11). К сожалению, далеко не все параметры описания внешности смогли быть использованы. Это объясняется, во первых тем, что анализ проводился по репродукциям, размеры и качество которых вынуждают к ограничениям. Во-вторых, персонажи изображены в разных ракурсах. Лицо человека, изображенного на «Портрете молодого художника», более развернуто к зрителю, угол осевой линии лица к оси картинной плоскости составляет около 100 градусов. Лицо интересующего нас персонажа «Семейного портрета» несколько менее развернуто, и зритель видит, преимущественно, правую часть лица, а угол к оси картинной плоскости составляет около 70 градусов. Тем не менее, удалось провести сравнение по 34 показателям, примерно из 75 возможных для лица человека. На обоих портретах совпадают: 1) форма лица – треугольная; 2) вертикальная профилировка лица – преобладает носовая часть; 3) горизонтальный профиль лица – хорошо выражен; 4) черты лица – крупные; 5) форма лба – плоская; 6) форма бровей – дугообразные; 7) положение бровей – косовнутреннее; 8) взаиморасположение бровей – среднее; 9) расположение бровей – совпадающее с краем глазной орбиты; 10) длина бровей – длиннее глазных щелей; 11) контур глаз – миндалевидный; 12) степень раскрытия глаз – средняя; 13) наклон оси глаз – горизонтальный; 14) складка верхнего века – внешнебоковая; 15) развитие подглазничных мешков – слабое; 16) размеры скул – средние; 17) высота носа – большая; 18) особенности носа – тонкий, пропорциональный; 19) глубина переносы – средняя; 20) длина носа – большая; 21) форма основания носа – опущенное; 22) форма кончика носа – заостренный; 23) положение крыльев носа – приподнятое; 24) контур рта – волнистый; 25) положение углов рта – опущенное; 26) ширина каймы губ – средняя; 27) контур каймы верхней губы – извилистый; 28) положение нижней губы – выпуклое; 29) подбородок – выступающий; 30) контур подбородка – треугольный.

Различаются: 1) полнота щек, являющаяся возрастной, и поэтому несущественной, особенностью; 2) видимая высота лба, вследствие различия причесок, что также несущественно. Различны, так же, складки крыльев носа (3) – малозаметная на «Портрете молодого художника» и глубокая – на «Семейном портрете». Мы полагаем и это различие малосущественным, т. к. эта особенность человеческого лица выглядит по-разному в зависимости от ракурса, освещения и возраста.

Наиболее существенным представляется контур спинки носа (4): у персонажа «Семейного портрета» заметна небольшая горбинка, у персонажа «Портрета молодого художника» ее не видно. Это может быть объяснено тем, что лицо на последнем портрете ближе к положению «анфас», маскирующему

контур спинки носа, а на первом – ближе к профильному, подчеркивающему его. Не исключено и влияние дефекта полотна «Семейного портрета».

Таким образом, анализ изображений методами «словесного портрета» подтверждает портретное сходство интересующих нас персонажей «Портрета молодого художника» и «Семейного портрета Злобиных и Таскиных», превышающее среднестатистический уровень. Однако от утверждения тождественности изображенных лиц пока необходимо воздержаться.

М.И. Мягков, очевидно, получал заказы на портреты достаточно часто. В.П. Токарев указывает, что в Сибири им написано 168 портретов, в т. ч. «немало» групповых, с числом лиц от 4 до 13. Об источниках этих данных автор умалчивает, но они не представляются нам невероятными.

В творчестве М.И. Мягкова видно влияние городского репрезентативного портрета, стоящего где-то между парадным и «оупеческим» портретом, а также венецианской школы. Это наиболее заметно, как раз, в семейном портрете Злобиных и Таскиных. В некоторых других его работах чувствуется, напротив, легкий романтический налет. Но во всех своих работах М.И. Мягков предстает, прежде всего, реалистом. Мы склонны называть его подход к творчеству «естественным реализмом». В М.И. Мягкове мы видим одного из предшественников русской реалистической живописи второй половины XIX века. Но именно предшественник, поскольку психологическое проникновение в образ портретируемого, столь сильное, например, у передвижников, Мягкову мало свойственно, по крайней мере в достоверно известных нам работах.

М.И. Мягков – одна из тех фигур, в которых проявилась сложная художественная жизнь России первой половины XIX века. Выученик классицистической академической школы, он, в своей художественной практике, далеко отошел от ее установок и идеалов, делая шаг в будущее, но сам, конечно, этого не сознавая.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бенуа А.Н. История русской живописи в XIX веке. Издание второе. М., 1998. С. 150.
2. Токарев В.П. Алтайские живописные дела мастера // Сибирские огни. 1972. №11. С. 156-162; Токарев В. П. Изобразительное искусство Сибири XIX в.: Автореф. дис. к. иск. Л., 1973. С. 9; Михайлова К.В., Смирнов Г.В. Живопись XVIII – начала XX века из фондов Государственного Русского музея. Л., 1978. С. 87, 91, илл. 72, 130; Степанская Т. М. Архитектура и искусство // Очерки истории Алтайского края. Барнаул, 1987. С. 103; Степанская Т.М. Творческое наследие академика исторической и портретной живописи М.И. Мягкова // Охрана и изучение культурного

наследия Алтай: Тезисы конференции. Барнаул, 1993. Ч. II. С. 279-280; Токарев В.П. Художники Сибири: XIX век. Учебное пособие. Новосибирск, 1993. С. 37-42, 105, 113; Степанская Т.М. Искусство // История Алтай. Барнаул, 1995. С. 464-471; Степанская Т.М. Мягков // Энциклопедия Алтайского края. В 2-х тт. Барнаул, 1996. Т. 2. С. 236; Вистингаузен В.К. Историко-культурное значение творчества М.И. Мягкова // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Материалы научно-практ. конф. Вып. 8. Барнаул, 1997. С. 241-243; Степанская Т.М. Служили Отечеству на Алтае. Барнаул, 1998. С. 82-87; Вистингаузен В.К. Сибирский период жизни и творчества М.И. Мягкова // Гудневские чтения. Барнаул, 1998. С. 174-183.

3. М.И. Мягков. «Сцена из жизни сибирских дикарей». 1829-1832 гг. Холст, масло. Государственный Русский музей. ЖЗ560(72). Репродукции опубликованы: Михайлова, Смирнов, 1978, илл. 72, Токарев, 1993, фото 20; М.И. Мягков. Портрет Ф.А. Геблера. Ок. 1840 г. Холст, масло; Алтайский Государственный краеведческий музей. ОФ.13780. Репродукции опубликованы: «Белуха», 1967-1968, с.7; Ficker, 1967-68. Алтайский сборник, вып. 17, Барнаул, 1993; М.И. Мягков. Портрет Л.А. Соколовского. Парный последующему. Ок. 1838-41 гг. Холст. Масло. Государственный Казахский художественный музей / Алматы/. Инв. №780ж. Фоторепродукция портрета имеется в Государственном музее Алтайского края, 1956 №6049; М.И. Мягков. Портрет Е.А. Соколовской. Парный предыдущему. Ок. 1838-41 гг. Холст, масло. Государственный Казахский художественный музей / Алматы/. Инв. №781ж. Фоторепродукция портрета имеется в Государственном музее Алтайского края, 1956. № 6049.
4. М.И. Мягков. Семейный портрет Злобиных и Таскиных. 1838 г. Утрачен. Фоторепродукция (негатив) находится в Алтайском государственном краеведческом музее, ИФ. 658.
5. ЦХАФ АК. ФР-232. Оп.1. Д.4. Л.48.
6. ЦХАФ АК. ФД.163. Оп.1. Д.18. Л.22, 30.
7. Там же, л. 30.
8. Там же, л. 22.
9. Неизвестный автор. Портрет молодого художника с палитрой и кистью в руках. 1820-е гг. Холст, масло. Государственный Русский музей. Ж4786. Поступил в 1916 г. от Г. Н. Куприянова.
10. Михайлова К.В., Смирнов Г.В. Указ. соч., С. 87, 91, илл. 72, 130; Токарев В.П. Художники Сибири... С. 37-42, 105, 113; Степанская Т.М. Служили Отечеству... С. 82-87.
11. Криминалистическое описание внешности человека / Под ред. В.А. Светкова. М., 1998.

Рис. 1. М.И. Мятков. Семейный портрет Злобиных и Таскиных. 1838. ГМАК

Рис. 2. М.И. Мятков. Семейный портрет Злобиных и Таскиных. 1838. Фрагмент

Рис. 3. Неизвестный автор. Портрет молодого студента с палетрой и кистью в руках. 1820-е. ГРМ

О сельских храмах Алтая (вторая половина XIX – нач. XX в.)

В конце XX в. в научной и научно-популярной литературе наблюдается повышенный интерес к культуре российской провинции, в которой значительное место принадлежит культовому зодчеству (С.Л. Заварихин, В.В. Княжев... 1995; С.С. Шмидт... 1992, др.). Храмам Сибири и Алтая посвящены исследования многих авторов конца XX в. (А.Д. Сергеев, Н.Е. Бударин, А.Г. Быкова, М.Р. Маняхина, А.А. Жиров, В.Г. Рыженко, А.Д. Колесников, В.В. Лебедев, К.Н. Метельницкий, А.Н. Гуменюк и другие). В то же время сельские храмы остаются важной и наименее изученной частью историко-культурного наследия Алтая. Актуальность изучения сельской культовой архитектуры обостряется и тем, что современные архитекторы и художники решают задачу, каким быть храму сегодня. Однозначного ответа нет, но совершенно очевидно, что нельзя зачеркнуть все приобретенное русской сельской культурой в течение столетий. В творчестве современных алтайских архитекторов, (П.И. Анисифоров, А.Ф. Дернин и др.) наметилась тенденция следовать образцам древних храмов Новгорода, Суздаля, Владимира при проектировании церковных зданий для селений Алтайского края, при этом как бы игнорируется местный исторический опыт. Справедливо ли это?

Автор данной статьи побывала в Тальменском, Чарышском, Родниковом, Залесовском, Усть-Пристанском и других районах Алтайского края. Материалы, собранные в этих поездках, легли в основу статьи.

Если в XVIII и первой половине XIX вв. уровень административного вмешательства в строительство в Сибири был очень высок (указы и инструкции Сената, циркуляры министерства внутренних дел и т.п. предписывали, из какого материала и какие строить жилые и общественные здания, каким быть заборам и воротам усадеб), то после демократических реформ Александра II регламентация строительства несколько смягчилась, но к культовым зданиям это относилось в слабой мере.

Строительство православных храмов по образцу было традиционным явлением, оно обусловлено устойчивостью основных понятий христианской религии. На рубеже XIX – XX веков в культовом зодчестве преобладали проекты архитектора К.Тона, соответствовавшие русско-византийскому стилю.

Это направление в культовом зодчестве характеризовалось более официальным содержанием, меньшей демократичностью, меньшей связью с

ландшафтом, меньшей ансамблевостью и было более ориентировано на каменное культовое зодчество. Примером тоновской культовой архитектуры на Алтае является Введенская церковь в Павловске, возведенная из кирпича во второй половине XIX в. (не сохранилась).

В 1899 г. был издан альбом образцовых проектов, по которым в Сибири началось активное возведение культовых зданий. Составителями альбомов явились архитекторы, выступавшие за воплощение в архитектурной практике «национальной идеи». Именно культовое зодчество предоставляло большие возможности для трактовки «национального стиля». Исходным материалом для создания проектов православных церквей в этот период служили, в основном, памятники Московской и Ярославской школы XVII в. Это породило так называемый «русский» стиль. В его духе столичные архитекторы, среди которых ведущее место занимал А.Н.Горностаев, разработали образцовые проекты (1). Признаками «русского» стиля являются живописные очертания шатра-колокольни и луковницы церковных глав, кокошники под барабаном купола и шатром колокольни, арочные окна с delicатными колонками. На Алтае этот стиль представлен церковью Иконы Казанской Божьей Матери в селе Коробейниково Усть-Пристанского района, построенной из кирпича в 1903 г. и ныне действующей.

Здание церкви в с. Коробейниково, красиво расположенное на просторной площади, отличается выразительным силуэтом. В нем сочетаются классическая симметричная композиция в целом с живописными очертаниями шатра и «луковницы», с тонкой прорисовкой деталей, заимствованных из архитектуры XVII в. К таким деталям принадлежат кокошники под барабаном купола и шатром колокольни, арочные окна, обрамленные узкими колонками.

Коробейниковская церковь была построена на средства прихожан, предпринимателей, купцов. Функции архитектурского надзора выполнял А.А.Борзенков. В 1885 г. он создал в Бийске иконостасную мастерскую. Именно его называют автором и исполнителем резного иконостаса в селе Коробейниково. Логично предположить, что А.А.Борзенков и его ученики расписали интерьер церкви. При этом они могли руководствоваться «Лицевым иконостасным подлинником», составленным профессором Санкт-Петербургской Духовной Академии Николаем Васильевичем Покровским и изданным в 1899 г.

Судьба здания коробейниковской церкви полна трагических событий. В 1930-х годах она была закрыта, разграблена, использовалась под склад химических удобрений, в ней содержали сельскохозяйственную технику. Но и в искалеченном состоянии коробейниковский храм оставался архитектурной доминантой в окружающей среде, выразительным ориентиром

местности, издали просматривающимся путниками, всеми кто приближался к селу.

Ландшафт является важным фактором в пространственном решении села, рельеф местности оказывает значительное влияние на формирование сельской панорамы. И никакое иное здание так органично не связано с природой, как здание храма. Это убедительно демонстрирует церковь в селе Коробейниково.

В архитектурно-пространственных композиционных решениях сел Алтая различных типов (линейно-протяженных на сложном рельефе, компактных на сложном рельефе, линейно-протяженных на спокойном рельефе, компактных на спокойном рельефе) устойчивым компонентом выступают вертикальные доминанты культовых сооружений. Вертикальные доминанты играют особую роль в рисунке силуэта сельской панорамы. Храмы характеризуются связью с природой, гармонией архитектурных форм, а соотношения вертикалей колоколен и рядовой застройки образуют выразительные композиционные паузы, воспринимаемые при визуальном обзоре села.

Современная архитектура сибирских сел привела к резкому ухудшению визуальной среды, распространению агрессивных визуальных полей, связанных с монотонностью сельской застройки в окружающем пространстве (2). Уничтожение сельских церковных зданий нанесло большой урон духовной и материальной крестьянской культуре. Почти в каждом селе имела церковь, которая являлась как бы материальным воплощением духовной общности прихожан. На основании декрета Советского правительства от 15 мая 1932 г. о «безбожной» политике в городах и селах Алтая были закрыты почти все церкви. В 1938 г. в России осталось 5% от числа храмов, действовавших в 1920-е годы. Лиценные главы и колоколен церковные здания использовались под хозяйственные нужды, склады, школы. Такая судьба объединяет большую часть храмов Алтая.

На рубеже XIX – XX столетия в Михайловском районе были построены три деревянных храма. В 1899 г. в селе Михайловском Барнаульского уезда был возведен храм, посвященный Святому Архистратигу Божию Михаилу. В его приход входили жители деревень Бастан, Николаевка, Неводная, Солной заселок. В 1901 г. в селе Ракиты построили небольшую церковь Св.Пророка Божия Илии. В 1903 г. в селе Полуямское возвели церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Ее приходу принадлежали деревни Ацагун и Назаровка (3).

В их основу были положены образцовые проекты, взятые, возможно, из альбома 1899 г. Храмы представляли собой трехчастную планировочную структуру. На продольной оси пространства, ориентированной с за-

пада на восток, были последовательно навязаны крыльцо, притвор, трапезная, собственно церковь и алтарь (апсида). Основной композиционный элемент – собственно церковь – в объеме представлял собой четверик. Объем трапезной, как правило, был ниже объема церкви. Интерьеры храмов были динамичными и сложными, так как они последовательно развивались от небольшого притвора, через невысокую, но просторную трапезную, до светлого, высокого украшенного росписью и иконами подкупольного пространства самой церкви. Большую роль в силуэте церквей играли шатровые колокольни, главы и главки церквей, луковичные или шлемовидные. Место под постройку церкви избиралось общественным сельским сходом. Оно было красивым, возвышенным, удобным и безопасным от огня и воды. На старинной фотографии села Ракиты представлен комплекс церковной усадьбы, расположенный на просторной площади. Церковная усадьба окружена деревянной одноэтажной крестьянской застройкой, является ориентиром в окружающей местности.

Изучение старинной фотографии церкви села Ракиты, сохраненной местным жителем В. Ф. Ворошиловым, позволяет определить стилистические особенности утраченных деревянных храмов Михайловского района начала XX в. Многоярусная колокольня, увенчанная шатром, у основания которого имеются ступенчатые крыльца, разнообразные оконные проемы тяготеют к нарядному «русскому» стилю. Но в утяжеленном объеме двухъярусной собственно церкви, мощном барабане купола, в крупных основаниях плавок присутствуют признаки «русско-византийского» стиля. Таким образом, в образцовый проект, легший в основу церковного здания, строителями были привнесены некоторые местные корректировки, породившие сочетание в культовой постройке признаков «русского» и «русско-византийского» стилей. Альбомы образцовых проектов были сосредоточены в Томской духовной Консистории при Томском строительном отделении. В годы строительства церквей в Михайловском районе обязанности епархиального архитектора и губернского инженера в названных учреждениях выполнял С. В. Хомич. Он курировал строительство церквей в алтайских селах Панкрушихинском, Томешевском, Коробейниково. Не исключено, что он утверждал проекты и сметы строительства церквей в селах Михайловское, Ракиты и Полуямское.

Храмы 1901 г. в селе Ракиты, 1903 г. – в селе Полуямское, очевидно, были построены по образцу храма в селе Михайловское. В этом убеждает изучение старинных фотографий, запечатлевших первоначальный облик церковных зданий.

Скромный образец деревянной приходской церкви сохранился в селе Лушниково Тальменского района Алтайского края. Храм во имя Святого

Николая-Чудотворца прихожане построили в начале XX в. За основу был взят образцовый проект «деревянной церкви для постройки в селениях Томской и Тобольской губерний на 300 человек» (4). Объемно-планировочное решение храма типичное для Сибири: простой прямоугольный алтарь переходит в основной объем храма с двумя выходами на одной оси, далее следуют небольшая трапезная и притвор. Над храмом возвышается восьмерик, увенчанный восьмигранным шатром, главка была луковичной. Колокольня была двухъярусная с невысоким шатром и небольшой главкой, имелось парадное крыльцо с папертью. Типовой проект предполагает скромный декор в виде зубчатого свеса, рамочные наличники с пиццами в верхней части. Декор лушниковской церкви также непритязателен. Вытянутые прямоугольные оконные проемы заключены в наличники с высокой лобанью, завершающейся карнизом-сандриком, подоконная доска снизу отмечена волнообразной резьбой. Треугольные фронтоны крылец имеют «волнистые» причелины. Каждая грань барабана декорирована крупными геометрическими фигурами – восьмигранник между двумя прямоугольниками. Объем церковного здания обогатил развитый карниз, дающий глубокую подкарнизную тень. Срубленная «в лапу» гармоничных пропорций церковь расположена на возвышенном месте при въезде в село Лушниково с западной стороны. Когда-то здесь размещалась целая церковная усадьба. Отсюда открывается красивая панорама села. Горизонтальный ритм сосновых бревен диаметром 25-26 см необшитого сруба спокоен и органичен окружающей среде.

Первоначальный интерьер церкви не сохранился. Основание шатра представляет собой сложную систему деревянных конструкций, центральный элемент которого проходит сквозь вершину шатра и служил, очевидно, основанием для креста. Кровли остальных объемов здания стропильные двускатные. Потолочные перекрытия настелены по мощным балкам. Изначально в интерьере церковь была нештукатурена. После разрушения колокольни, изъятия церковных ценностей на основании правительственного указа от 1922 г. здание лушниковской церкви длительное время использовалось под сельский клуб. Над притвором была устроена кинобудка, в алтарной части – сцена. По свидетельству старожилов, некоторое время в церкви хранили сельхозтехнику, в связи с чем в алтарной стене пробили огромный прямоугольный проем. К южному фасаду трапезной сделали пристройку, в которой в настоящее время находится столярная мастерская и лесовитка, церковь является складом для хранения строительных материалов. Разрушена часть кровли шатра, частично обвалилось потолочное перекрытие в северном приделе, сняты полы. Данный памятник сибирского культового деревянного зодчества нуждается в постановке на государственный учет под за-

штату закона об охране памятников истории и культуры, как и многие подобные ему. Такие сельские церкви заслуживают восстановления их первоначального облика. Они являются архитектурными доминантами в окружающей среде, выразительными ориентирами местности, отвечают духовным потребностям жителей. Дерево – органичный строительный материал для сельских храмов.

Деревянный храм во имя Святого Архистратига Божия Михаила в селе Белом Троицкого района был построен в 1889 г. на возвышенном месте в центре села. В усадьбу церкви входила сторожка, за церковной оградой находился дом священника, вблизи церкви располагалось кладбище священнослужителей. План и архитектурный объем церковного здания напоминает церковь Николая Чудотворца в селе Лушино Тальменского района. Индивидуальный облик церкви придавала обшивка стен «елочкой», а также активное звучание цвета: стены были окрашены в красный цвет, шатер и кровля – в зеленый, углы объема, карнизы, фронтоны были выделены белым цветом. Оконные проемы были оформлены белыми арочными наличниками с небольшими ушками. Подкарнизная пропильная резьба, покрытая «золотой» краской, была наложена на темно-зеленую деревянную основу; резал карниз житель села Михаил Глушков. Здание церкви не сохранилось, но старожилы помнят его.

У церкви села Лушино есть близкие аналоги не только на Алтае (церковь в селе Выпозово Тальменского района, церковь в селе Чарышское Чарышского района), но и в других регионах Сибири (Екатерининская церковь в селе Князевке Тарского района Омской области, церковь в селе Самохвалово Муромцевского района Омской области). Это еще раз убеждает в характерности подобных культовых построек для Алтая в начале XX в. Если храм – это мера гармонизации жизненной среды человека, то сельская деревянная церковь очень полно соответствует этому тезису.

Отметим, что на строительство церквей на Алтае повлияла железная дорога, так как на станциях возводились храмы на средства из фонда Александра III. Примером может служить церковь в Рубцовске.

В 1913 г. через село Рубцовка был проложен «отрезок железнодорожного полотна на участке Барнаул – Семипалатинск...» (5). К этому времени уже в 1912 г. была возведена церковь Св. Михаила. Храм срублен из дерева «в лапу» (в 1970-е годы обшит тесом), строился по образцовому проекту. В 30-е годы церковь Св. Михаила была закрыта, использовалась под склад строительных материалов, как зернохранилище, а во время Великой Отечественной войны здесь разместили эвакуированных. В 1946 г. церковь стала вновь действующей: в 1947 – подняли колокол, в 1951 – восстановлен иконостас при участии местного жителя резника по дереву В. Селезне-

ва. До сих пор храм Св. Михаила доминирует в окружающей застройке. Рубцовский храм принадлежит к очень немногочисленным на Алтае сохранившимся памятникам деревянного культового зодчества начала XX в.

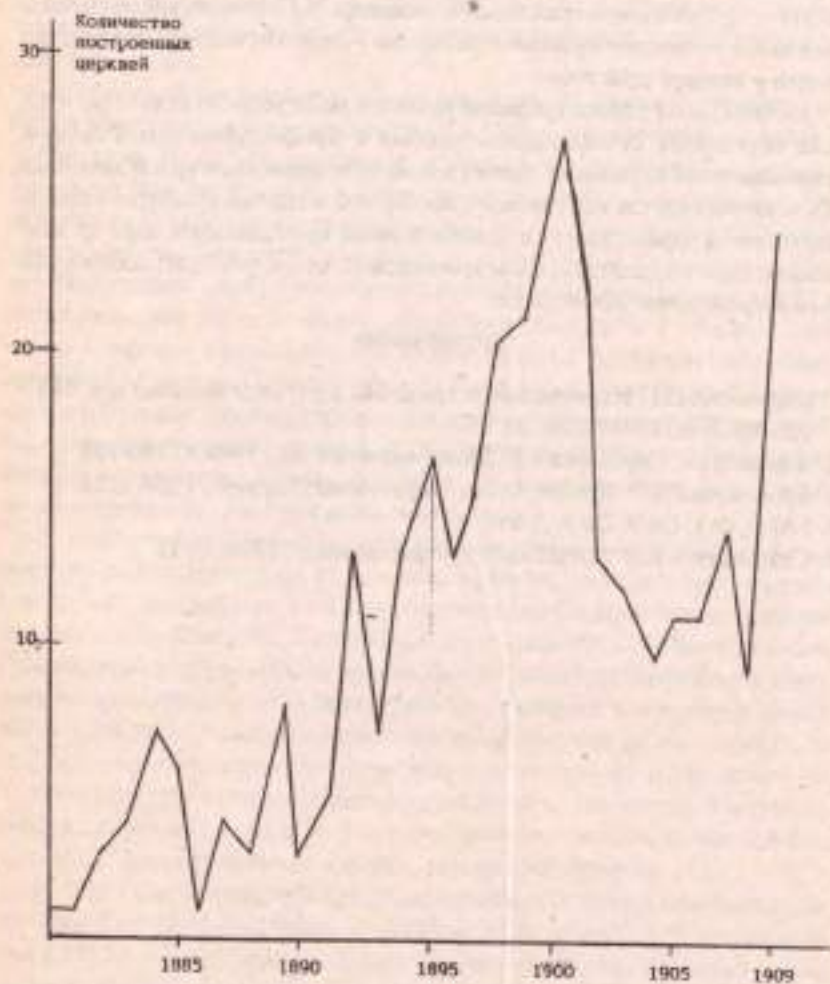
Информация о сельских храмах Алтая рассеяна в краеведческой литературе, в публикациях о гражданском инженер-И. Носовиче, внесшем большой вклад в сельское культовое зодчество Алтая. Но исследователи стоят только у истоков этой темы.

Почти полная утрата традиций русского религиозного искусства в XX веке образовала духовно-нравственный и профессиональный вакуум. Изучение судеб церковных зданий в контексте социокультурной динамики XX в. актуально, так как связано с проблемой экологии культуры в целом, изучению истории сельских храмов должно принадлежать одно из важнейших мест в художественном краеведении Алтая, что будет способствовать возрождению духовности.

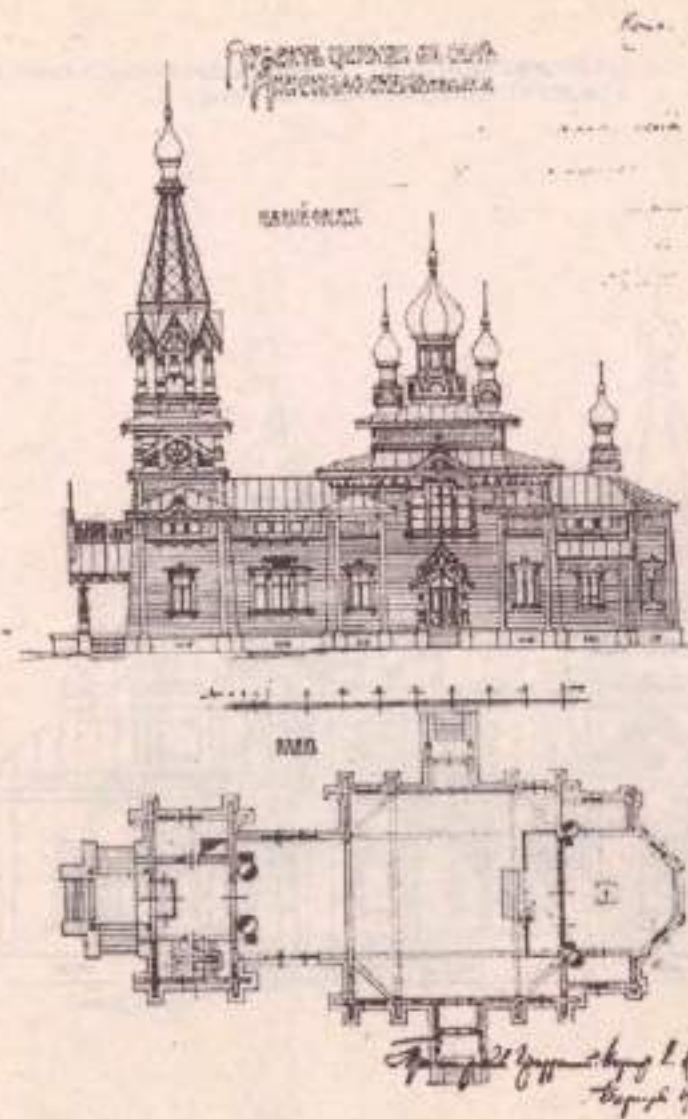
ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лисовский В.Г. Национальные традиции в русской архитектуре XIX – нач. XX в. Л., 1988. С. 20, 22, 25.
2. Филин В.А., Сортичкова Е.Г. Видео-экология. М., 1993. С. 106-108.
3. Кривонос Я.Е. Храмы Алтая: Справочник. Барнаул, 1997. С. 28.
4. ГАТО. Ф. 1. Оп. 3. Св. 3. Д. 66.
5. Севостьянов К.Р. Алтайские плугари. Барнаул, 1994. С. 12.

ДИНАМИКА СТРОИТЕЛЬСТВА СЕЛЬСКИХ ХРАМОВ НА АЛТАЕ*

* При составлении схемы использовались статистические данные справочника «Храмы Алтая» (Баргуз, 1997).

* И.Ф. Носович. Проект церкви в селе Анисимовском Тальменского района. 1906. ЦХАФ АК.

ПЛОЩАДЬ В СЕЛЕ МИХАЙЛОВСКО МИХАЙЛОВСКОГО РАЙОНА. РИСУНОК С ФОТО НАЧАЛА XX ВЕКА.
ЗДАНИЕ ЦЕРКВИ РАЗРУШЕНО В СЕРЕДИНЕ 20-х ГОДОВ

238

ИССЛЕДОВАТЕЛИ
АЛТАЯ

Французская экспедиция 1861-1862 гг. на Алтай

Академические экспедиции в Сибирь XVIII в., положившие основание ее научного изучения, показали Европе каким большим потенциалом обладает этот огромный и еще мало изученный регион. Слова М.В. Ломоносова о том, что «российское могущество будет прирастать Сибирью» понимали и иностранные ученые, которые с начала XIX в. стали проявлять к Сибири особый интерес. Незведанная страна с ее загадочной историей привлекала внимание и иностранных путешественников. Одним из объектов исследования иностранных ученых и путешественников в Сибири стал Алтайский горный округ.

Первой экспедицией на Алтай, целью которой было изучение древних курганов, была французская экспедиция, организованная в 1861 г. на частные средства сына парижского банкира, публициста, барона Густава Луи д'Эйхталь (1804-1860-е). После окончания экономического колледжа он занимался вопросами экономики, но увлекся идеями социалиста-утописта Сен-Симона и примкнул к школе его последователей, которую возглавлял Б.П. Анфантен. После разгрома этой организации в 1831 г., пожертвовав часть своего состояния на распространение сенсимонистских идей, барон д'Эйхталь уехал в Грецию. По возвращении во Францию он стал одним из основателей Этнологического общества и был избран членом центральной комиссии Географического общества. Он был автором работ «Письмо о черной и белой расах» (совместно с И. Урбеном, 1839), «Критическое и сравнительное исследование трех первых Евангелий» (1863) и др. В 1861 г. Парижское общество акклиматизации предложило д'Эйхталю осуществить научную экспедицию в Сибирь и на Амур вместе с доктором Менье (1). Доктор Густав Луи Марий Менье (1827-1862) должен был осуществлять во время экспедиции археологические и геологические исследования. По пути в Россию к ним присоединился третий член экспедиции прусский артиллерийский офицер Оскар Нейман, которого барон взял с собой в качестве переводчика.

В Петербурге, заручившись рекомендательным письмом товарища министра иностранных дел графа Толстого, а также получив согласие председателя Кабинета Его Императорского Величества П.К. Мейендорфа, который передал им письмо от 18 февраля 1861 г. на имя начальника Алтайских заводов А.Е. Фрезе с просьбой об оказании содействия

«в совершении предпринятого ими с ученой целью путешествия по Сибири и между прочим по Алтайскому округу, который они желают осмотреть прежде других мест» (2). 8 июля 1861 г. экспедиция прибыла в Барнаул.

В Барнауле доктор Менье познакомился с горным чиновником, местным краеведом и коллекционером С.И.Гуляевым (1805-1888). В доме С.И. Гуляева Менье осмотрел коллекции и, вероятно, обсудил с ним дальнейший маршрут экспедиции по Алтаю. Экспедиция вскоре отправилась через Змеиногорск к Тигирецкому руднику, где Менье обследовал семь пещер по реке Инь. При раскопках он нашел много костей животных и наконечников стрел. Он обнаружил также скелет мамонта, испорченный местными крестьянами, добывавшими там глину. Затем он обследовал пещеры близ деревни Чагыра, после чего ездил в Бийский округ (3).

14 сентября 1861 г. экспедиция вернулась в Барнаул, и доктор Менье произвел раскопки четырех курганов недалеко от города близ деревни Гоньба. В этих раскопках приняли участие С.И.Гуляев и доктор философии В.В.Радлов (1837-1918), впоследствии известный ученый-тюрколог, археолог и этнограф. С 1859 по 1871 г. В.В.Радлов служил учителем немецкого языка в Барнаульском окружном училище. В летнее время с 1860 г. он путешествовал по Алтаю, изучая быт, язык и фольклор тюркских народов Южной Сибири.

В каждом из курганов Менье обнаружил по несколько человеческих скелетов, а при них были найдены медные вещи, полированные сердечники с отверстием, куски железа, костяные наконечники стрел, куски березовой коры, деревянные чаши и бараньи кости. Как отмечал С.И.Гуляев, рост покойников был очень мал, достигая всего 1 м 56 см. Записки С.И.Гуляева о раскопках Менье под Барнаулом были использованы в 1889 г. при составлении археологической карты Томской губернии (4).

В.В.Радлов тоже сделал описание этих раскопок и послал их в Петербург председателю Императорской археологической комиссии графу С.Б.Строганову (5), который заинтересовался этими находками и поручил В.В.Радлову от имени комиссии и за ее счет производить раскопки сибирских курганов с 1862 по 1866 г.

Доктор Менье и барон д'Эйхталь составили отчет о своих раскопках на Алтае для Парижской Академии наук, но обстоятельства изменились, и отчет их был опубликован в Париже лишь в 1874 г. (6).

Там же осенью 1861 г. барон д'Эйхталь, узнав о начале гражданс-

кой войны в Америке, покинул Барнаул и отправился за океан. Там он записался волонтером, принимал участие в военных действиях на стороне северян и погиб в конце гражданской войны.

После отъезда барона работу экспедиции должен был продолжать доктор Менье. Узнав о том, что В.В.Радлов по поручению графа С.Г.Строганова в 1862 г. планирует проводить обследование древних курганов в Киргизской степи, Менье решает не ездить в Восточную Сибирь и на Амур, а проводить раскопки вместе с В.В.Радловым. Чтобы получить разрешение на поездку, Менье обратился к главному начальнику Алтайских заводов и Томскому гражданскому губернатору А.Д.Озерскому, который, в свою очередь, 15 января 1862 г. обратился к генерал-губернатору Западной Сибири А.О.Дюгамелю с просьбой разрешить поездку в Киргизскую степь для раскопок В.В.Радлова и доктору Менье с О.Нейманом. Ответ А.О.Дюгамеля был суров. Менье запрещалось ехать туда из-за изменений прежнего маршрута и состава экспедиции, а В.В.Радлову поездка разрешалась, но запрещалось вскрывать древние курганы (8). Позднее В.В.Радлову удалось добиться разрешения на раскопки при поддержке графа С.Г.Строганова, которому он написал о решении А.О.Дюгамеля (9). Менье пытался добиться разрешения на поездку, но возвращаясь из Томска в Барнаул заболел и 12 марта 1862 г. скончался. Его похоронили в Барнауле на Нагорном кладбище, которое в середине 1930-х гг. было снесено.

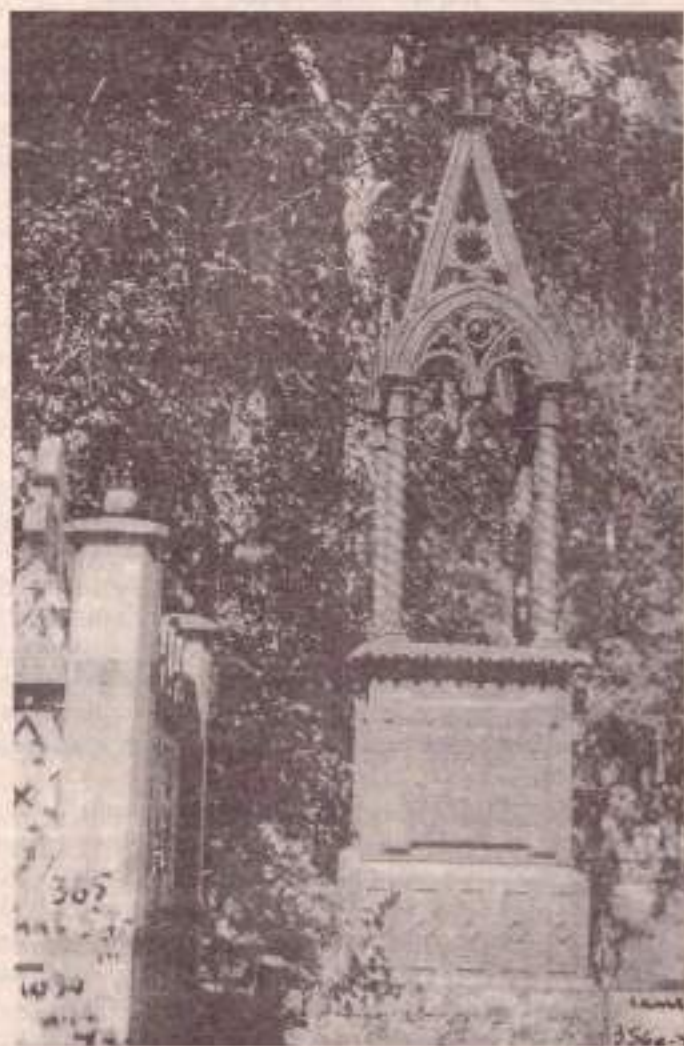
А.Д.Озерский доложил в Кабинет Его Императорского Величества, что французская экспедиция на Алтай расстроилась, так как барон д'Эйхталь уехал в Америку, а доктор Менье скончался в Барнауле. Он сообщил также, что О.Нейман собирается ехать в Париж, где живет отец барона, чтобы представить ему отчет о расходах экспедиции, и просил уведомить об этом французское посольство в Петербурге (10).

Так окончилась французская экспедиция 1861-1862 гг., положившая начало научным раскопкам древних курганов на Алтае. Современные археологи отнесли находки Менье в курганах под Барнаулом к строкчинской культуре VIII-X вв. н.э. (11).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Vaperean G. Dictionnaire universel des contemporains. 4e ed. Paris, 1870. P.612.
2. РГИА. Ф.468. Оп.19. Д.813. Л.2.
3. Словцов И. Я. Степан Иванович Гуляев. Биографический очерк. Омск, 1891.

4. Архив Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург). Ф.4. Оп.1. Д.184. Л.3 об.
5. Там же. Ф.1. Оп.1. Д.4. 1862 г. Л.3-6.
6. Note sur les tumuli des anciens habitants de la Sibirie par mm. le docteur Meunier et LouisVEichthal // Revue d'Anthropologie. Paris. 1874. T.3. P.266-278. Выдержки из этого отчета опубликованы в Известиях ИРГО. СПб., 1874. №5. С.195-198.
7. РГИА. Ф.468. Оп.19. Д.813. Л.3 об.; Шумиловский Л. Из недавнего сибирского прошлого (Судьба одной ученой экспедиции) // Жизнь Алтая (Барнаул). 1913, 30 ноября.
8. Шумиловский Л. Указ.соч.
9. Архив ИИМК РАН. Ф.1. Оп.1. Д.4. 1862 г. Л.12-19.
10. РГИА. Ф.468. Оп.19. Д.813. Л.3-7.
11. Памятники истории и культуры Барнаула. Барнаул, 1983. С.28.

*Памятник на могиле Густаво Менье на Назарном кладбище в Барнауле.
Фото П. Казанского. Середина 20-х гг. XX в. Из фондов АГКМ*

Бийская палеолитическая стоянка (по архивным материалам С.М. Сергеева)

Изучение материалов, хранящихся в архивах музеев, позволяет порой восстановить место расположения и особенности ныне утраченных памятников. Одним из таких памятников, достаточно хорошо известном в литературе, является Бийская стоянка, обнаруженная С.М. Сергеевым и А.П. Марковым на западной окраине г. Бийска в августе 1931 г. (1, 2, 3, 4, 5, 6).

В архиве Бийского краеведческого музея хранятся полевые документы с описанием раскопок на стоянке и черновики подготовленной С.М. Сергеевым статьи, опубликованной в 1939 г. (4, 7, 8). При сравнении публикации и указанных документов становится ясно, что иллюстративные материалы в статью не вошли. Возможная причина заключается в непрофессиональных рисунках каменных изделий. Кроме этого отмечаются несоответствия указанной вскрытой площади (около 10 кв.м) и имеющегося плана раскопа (рис. 2). План составленный С.М. Сергеевым и А.П. Марковым не имеет ориентации и масштаба. Указана только длина сторон раскопа, которая при реконструкции не совпадает. Совершенно очевидно, что в месте обнаружения культурного слоя исследователями была заложена траншея, расширенная в обе стороны в месте скопления материала и зафиксированного очага. Получившаяся вскрытая площадь, согласно описанию, составляет не 10, а 15 кв.м. Для полноты изложения сведений о Бийской стоянке приведем описание работ.

«В августе 1931 г. в Бийский музей поступили сведения о находке в 12 км к юго-западу от Бийска на центральном рабочем кооперативе (ЦРК) при рытье силосных ям древних захоронений (андоновских). Сотрудники музея С.М. Сергеев и А.П. Марков осмотрели условия находки погребений. Пригородное хозяйство расположено у подножья высокой террасы на одном из мысов высотой пять метров. Недалеко от ЦРК расположено оз. Кругленькое. При обследовании старых «картофельных» ям были обнаружены на глубине 1,24 м в слое лёссовидного суглинка остатки кострища и несколько каменных орудий. Был заложен шурф площадью 10 кв.м. Стратиграфические условия залегания культурных остатков таковы:

1. Гумус — 15-20 см

2. Песок наносной — 80 см

3. Лёссовидный суглинок — ниже 1 м.

Культурный слой залегал в лёссовидном суглинке на глубине 1 м 24 см. Зафиксированы остатки кострища диаметром около 1 м, которое выделялось по обожжённому суглинку и слою пепла до 16 см. Рядом с пеплицем обнаружены 2 скребла, мелкие концевые скребки и овальное орудие. Все орудия изготовлены на массивных пластинах и отщепах и имеют одностороннюю ретушь. Материал — кварцит и кремнистые породы. Осколков кремния (есть со следами обработки) собрано около сотни. Орудия и осколки покрыты известковым налётом» (7).

В материалах архива БКМ содержится также схема расположения памятника (рис. 1), позволяющая охарактеризовать обследованную местность. Стоянка расположена на мысе образованном левым бортом крупного древнего лога, врезанного в «бийскую» 50-метровую террасу. Высота мыса около 5 метров, размеры 35x55 м. Мыс выдается в заболоченную обскую пойму. По-видимому, в настоящее время эта местность занята промышленными предприятиями и значительно видоизменена, так как обнаружить место бывшего ЦРК пока не удалось.

Коллекция каменных изделий Бийской стоянки, хранящаяся в БКМ, насчитывает 55 предметов (таблица 1).

Некоторые изделия имеют следы термического воздействия (рис. 3-1,2). Основную часть орудий небольшой коллекции с Бийской стоянки составляют скориженные инструменты: продольное дорсальное скребло с овальным рабочим краем (рис. 3-1), скребки на отщепах (рис. 3-5,6,8,9), в том числе концевой на пластинчатом сколе (рис. 3-7). Оформление рабочих кромок скребков совершенно с помощью крупной регулярной ретуши, их расположение относительно продольной оси заготовки различно. Обращает на себя внимание непластинчатый характер индустрии. Призматическая техника расщепления представлена только двумя отщепами с продольным ограничением дорсала (на одном оформлен концевой скребок) (рис. 3-3,7) и боковым резцом на снятии фронта скалывания нуклеуса (рис. 3-11). Облик изделий Бийской стоянки соответствует группе памятников финальнопалеолитического времени так называемого «нижнебийского типа» (9,10,11). Культурные слои этих памятников (Нижнеенисейская стоянка, Фрунзе, Бокальский, стоянки у с. Одинцовка) связаны с покровной лёссовидной супесью и залегают на глубине до 0,5-0,6 м. Кажущаяся большая глубина материалов Бийской стоянки получилась за счет эолового надува (слой 2 по С.М. Сергееву), образовавшегося из-за разрушения края берега. Подобные на-

дувы, напоминающие дюны, характерное образование для побережья низовой Бии и верховий Оби. Иногда их мощность достигает 2-3 м, хотя надувы образовались в последние 100-200 лет.

Таблица 1.

Типологический реестр составных элементов индустрии Бийской стоянки

№ п/п	Наименование типа изделия	Кол-во	Рас.	№ илл.
1	Отщепы мелкие	10		
2	средние	5	3	2
3	крупные	4		
4	Отщепы первичные мелкие	3		
5	средние	2		
6	Осколки галек	2		
7	Осколки мелкие	7		
8	средние	7		
9	крупные	2		
10	Галечный скол крупный	1		
11	Реберчатый скол	1		
12	Пластинчатый ошеп	1	3	3
13	Скребло дорсальное	1	3	1
14	Скребки	5	3	5-9
15	Резцы боковые	2	3	10-11
16	Серединный	1	3	12
17	Бифас мелкий	1	3	4
		55		

Таким образом изучение архивных материалов БКМ позволило достаточно подробно не только охарактеризовать памятник, известный ранее по небольшой заметке 1939 г., но и определить его особенности, месторасположение и место в схеме палеолитических памятников Алтая.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Береговая И.А. Палеолитические местонахождения СССР // МИА, 1960. № 81. С. 316.
2. Дашин Б.И. История исследования алтайского палеолита // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 6.

3. Ларичев В.Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Новосибирск, 1969. Ч. 1. С. 16-17.
4. Сергеев С.М. Подпалеолитическая стоянка в окрестностях г. Бийска Алтайского края // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Новая серия. 1939. Т. 47. Отд. геолог., Т. XVII (6). С. 90-91.
5. Сосновский Г.П. Новые палеолитические местонахождения Южной Сибири // КСИИМК. 1940. № 7. С. 86-90.
6. Шульков М.В. История изучения палеолита Алтая // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 13.
7. Сергеев С.М. Материалы исследования стоянки у оз. Крутенького (ЦРК) // Архив Бийского краеведческого музея. ДО, Фонд 2, Дело 7, папка 1. 10 л.
8. Сергеев С.М., Марюв А.П. Черновые (полевые) материалы разведочных археологических раскопок на пригородном хозяйстве ЦРК. Август 1931 года // Архив Бийского краеведческого музея. Без инв. номера. 13 л.
9. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Город Бийск. Памятники археологии // Бийск, Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск, 1992. С. 17-32.
10. Кунгуров А.Л. Палеолит и мезолит Алтая. Барнаул, 1993. С. 25.
11. Кунгуров А.Л. Нижнеенисейская стоянка на р. Бия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VII годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1999. Новосибирск, 1999. С. 140-145.

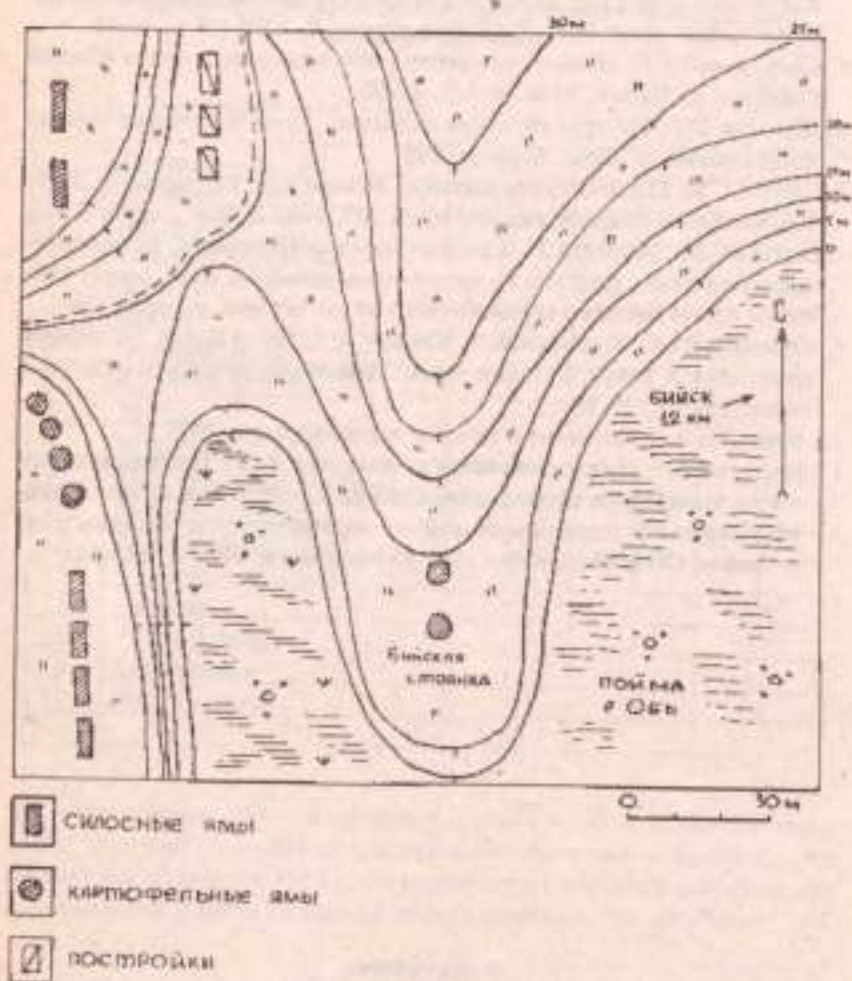

Рис. 1. Схема расположения Бнйской стоянки (по С.М. Сергееву)

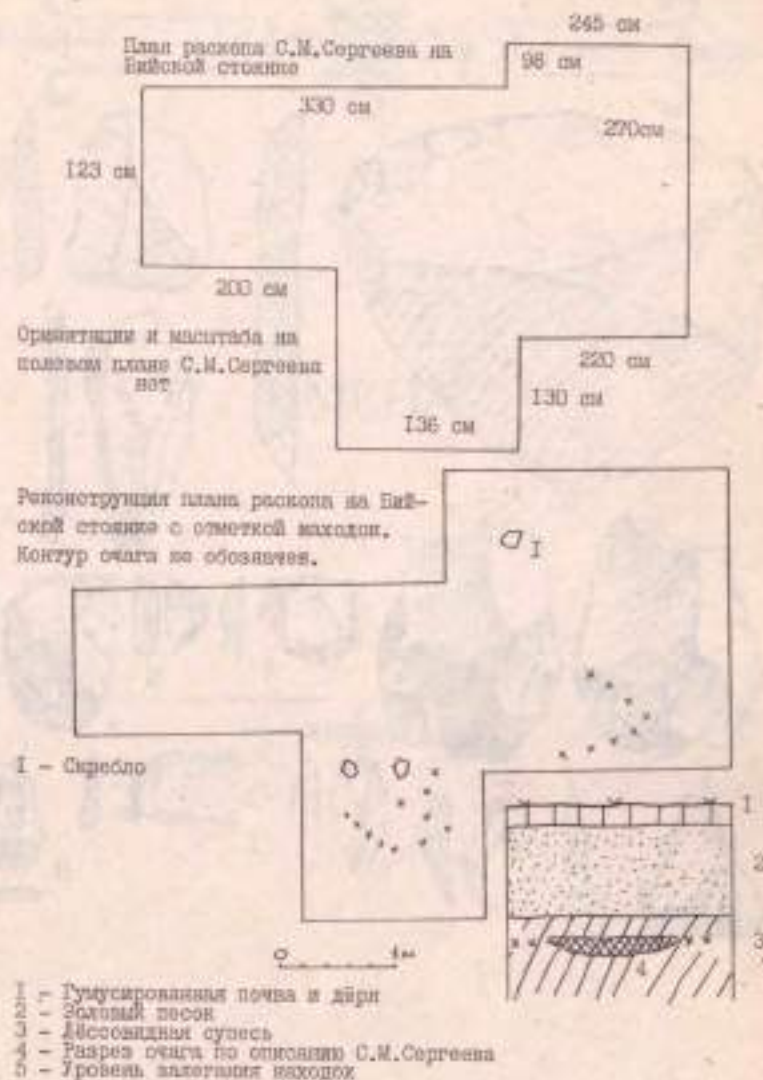

Рис. 2. План раскопа С.М. Сергеева и его примерная реконструкция

ИМЕНА

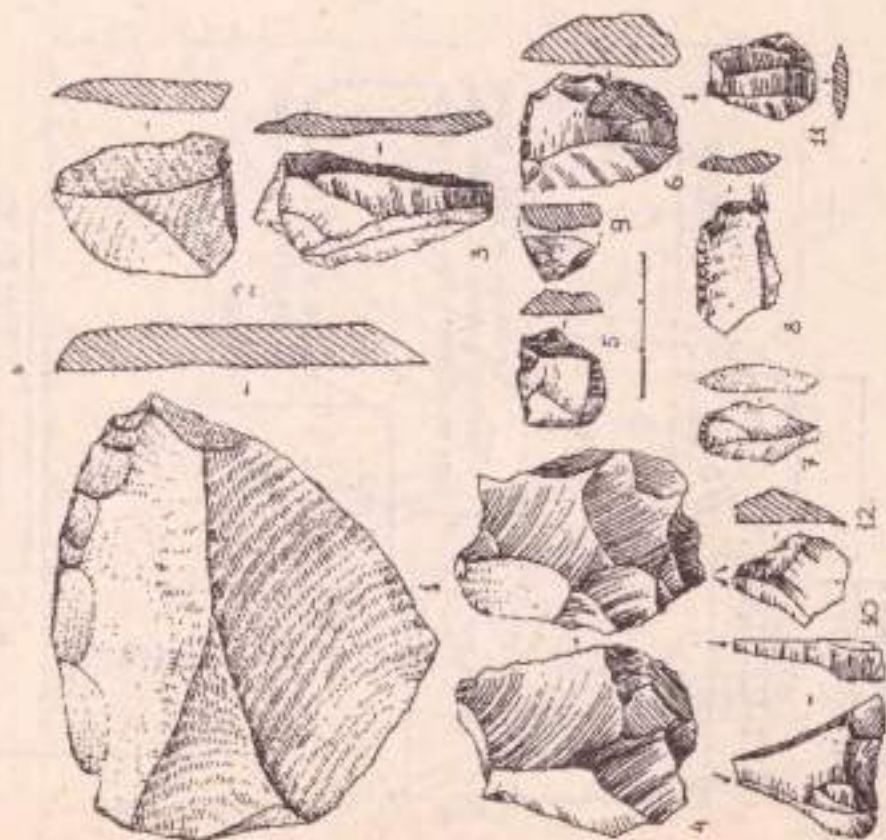

Рис. 3. Каменные орудия Битской стоянки

МАРИЯ ШВЕЦОВА. КОНТУР ЛИЧНОСТИ*

5

После приезда в Барнаул в июле 1888 г. С.П. и М.В. Швецовы не сразу приступили к новым статистическим работам. Поначалу, устроившись на месте, они завершили те исследования, которые были начаты ещё в Ялуторовске. Только весной 1889 г. Швецов официально посетил начальника Алтайского горного округа Н.И. Журин и «выпросил» разрешения для самостоятельных занятий в архиве округа. Журин, искренне желавший помочь Сергею Порфирьевичу в его изысканиях, нанял его за 20 руб. в месяц для «приведения в порядок» окружного архива, этим «достопамятным» в жизни Швецовых поступком начальник округа достиг и ещё двух целей: помог чете ссальным материально и несколько обезопасил себя от возможных доносов по поводу допуска к документам «неблагонадежного лица» (1).

В октябре 1891 г. по инициативе и ближайшем участии С.П. и М.В. Швецовых в Барнауле было создано научное общество, поставившее своей целью разностороннее изучение Алтайского горного округа – Общество любителей исследования Алтая (с апреля 1902 г. – Алтайский подотдел Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества) (2). И в делах этого Общества, оказавшего мощное воздействие на развитие регионального краеведения, Мария Васильевна стала далеко не последним человеком – хотя в составе членов Общества она и не числилась... Краеведческая деятельность Швецовых долгое время проходила в рамках этого «союза единомышленников». После появления Общества, завершив основные работы в архиве округа, С.П. Швецов развернул на Алтае ещё невиданные здесь статистические исследования. В 1891-1893 гг. он обследовал местное арендное хозяйство, в 1894 г. – хозяйство крестьян, коренного населения и переселенцев, в 1897-1901 гг. – населения горной части Алтайского округа и пр. Результаты этих масштабных работ регулярно публиковались (3).

Для автора нет ни малейшего сомнения в том, что М.В. Швецова, привыкшая близко к сердцу принимать дела и заботы мужа, ощущавшая острую потребность постоянно ему помогать (как это было в Тюкалинске и Ялуторовске) – внесла весомый вклад в эти «статистические труды». И тому есть некоторые косвенные архивные подтверждения (см. ниже).

* Описанию. Начало: Алтайский сборник. Вып. XVIII. Барнаул, 1997. С. 134-147.

Выявление же конкретной роли Марии Васильевны в научных работах С.П.Швецова требует длительного и кропотливого изучения архивных и печатных материалов...

Крупным событием в истории Алтайского горного округа последней четверти XIX в. явилась однодневная перепись населения г.Барнаула, осуществлённая в марте 1895 г. Обществом любителей исследования Алтая. Перепись проводилась по программе и под руководством С.П.Швецова вдохновившего на общую работу группу интеллигентов-подвижников и разработавшего собранный материал (4). М.В.Швецову мы не найдём в списках счётчиков, непосредственно ходивших по дворам. Ей выпало на долю подведение некоторых итогов переписи, с которыми, в числе других, выступил С.П. Швецов во втором томе «Алтайского сборника» (1898 г.). Сергей Порфирьевич так там и пишет: «<...> все подсчетные работы этого выпуска (а именно – в отношении собственно статистики населения г.Барнаула – А.К.) проведены безвозмездно М.В.Швецовой» (5). Впрочем, вполне вероятно, что вклад Марии Васильевны в «разработочную часть» переписи был гораздо шире. Вообще в памяти современников барнаульская перепись 1895 г. неразрывно связалась с именами обоих супругов Швецовых. Товарищ Сергея Порфирьевича по Обществу любителей исследования Алтая и непосредственный участник той переписи Н.Т.Шерстобоев писал на склоне лет: «В значительной степени ему (Швецову – А.К.) обязано проведение однодневной переписи населения Барнаула 1895 г., разработка которой была произведена Швецовым при участии (разрядка моя – А.К.) его первой жены Марии Васильевны» (6).

Интересные материалы, правда, немногочисленные, о работе М.В.Швецовой по переписи населения Барнаула содержатся в одном из дел фонда Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества (ЗСОРО), хранящегося в Центре хранения Архивного фонда Алтайского края. На этих «бумагах» надо остановиться особо. История подведения итогов этой переписи и их подготовка к обнародованию не лишена известного драматизма – во всяком случае, в глазах женщины, привыкшей к чёткости и определённости. Автору давно уже казалось странным, что результаты переписи, проведённой в марте 1895 г., были опубликованы лишь в 1898-м. Что же произошло? Нисколько не претендуя на исчерпывающий и выверенный ответ, попытаюсь хотя бы уменьшить «белое пятно» на основе выявленных документов.

В августе 1896 г. З.И.Ростовский послал М.В.Швецовой телеграмму, в которой, выступая от имени Совета Общества любителей исследования Алтая, предложил ей заняться «подведением итогов» мартовской переписи 1895 г., и в случае согласия обещал предоставление соответствующих

материалов, очевидно, речь шла лишь о части работы – о подсчётах «физических единиц» населения Барнаула без недвижимости. «Я, – пишет Швецова в Совет Общества 2 октября 1896 г., – немедленно же ответила телеграммой о своём согласии, но, к удивлению моему, не получила ни материалов, ни даже извещения о том, что они не высланы».

Не зная, чему приписать это молчание, я прошу Совет сообщить мне, почему меня даже не уведомили о том, что материалы не высланы и по какой причине. Вместе с тем я просила бы Совет также сообщить, рассчитывает ли он передать, хоть впоследствии эту работу мне, и если да, то когда именно» (7). Итак, передача материалов переписи уже задерживалась до октября. Казалось бы, получив такое послание «без сантиментов», руководство Общества должно было либо принять меры к предоставлению всех необходимых «бумаг», либо сообщить о причинах задержки или отказа. Однако миновало ещё два с лишним месяца, а «воз» оставался всё там же. Дело даже ещё более запуталось. «Считаю своим долгом, – пишет Швецова 7 декабря 1896 г., – уведомить Совет, что материалов по однодневной переписи населения г.Барнаула я до сих пор не получила, хотя накладная и деньги для уплаты за посылку получены мною от Шубенюк ещё 25 ноября».

В виду такого замедления в присылке материалов я не могу приступить к их подсчёту ранее начала января (1897 г. – А.К.)» (8). Хотя «сложности» с присылкой М.В.Швецовой материалов переписи впоследствии были преодолены, подсчётная работа, несомненно, проводилась ею уже в 1897 г.

Цитированные письма Марии Васильевны в Совет Общества любителей исследования Алтая содержат также важные косвенные сведения и о других её работах, что для исследователя, не располагающего точными фактами, весьма ценно. В письме от 2 октября 1896 г., запрашивая Совет Общества о проволоках с переписными материалами, Швецова подчёркивает: «Мне это необходимо знать в виду того, что впоследствии друг и е з а н я т и я (разрядка моя – А.К.) могут помешать мне взять подсчёт на себя, так как я уже не буду иметь свободного времени» (9). В письме же от 7 декабря 1896 г., гипотетически относя начало подсчётных работ на январь 1897 г., она мотивирует тем, что «в настоящее время я имеею другие обязательные занятия (разрядка моя – А.К.)» (10). Наконец, само за себя говорит письмо (вернее записка) М.В.Швецовой Совету Общества от 1 октября 1896 г. следующего содержания: «Во избежание возможных возникнуть недоразумений считаю своим долгом заявить, что в работе по проверке подсчёта переселенческих материалов мне помогал (разрядка моя – А.К.) Н.Н.Шубенюк, которым и выслана значительная часть этой работы» (11). Явно тут идёт речь о материалах, собранных С.П.Швецовым...

Обнаруженные документы свидетельствуют к тому же о давно примененных автором чертах личности Марии Васильевны: высокой требовательности к себе и другим, решительности, обостренном чувстве справедливости. Есть отголоски и какой-то властности, нервности, что этой женщине – в прошлом, как известно, яркой и бескомпромиссной революционерке – так и не удалось в себе преодолеть.

6

В ноябре 1896 г. С.П. и М.В. Швецовы переехали на жительство в Омск, однако тесных связей с Алтайским горным округом не прерывали. Именно в омский период Мария Васильевна проявила себя самостоятельным исследователем-этнографом – с Алтаем в качестве «полевой базы».

В 1897 г. М.В.Швецова стала членом ЗСОРО. 28 октября того же года на заседании Распорядительного Отдела она сделала сообщение «Об алтайских калмыках» по следующей программе: «Внешний вид калмыков, их исторические предания, религиозные верования, жилища, пища, одежда, административное устройство и юридические обычаи, занятия и степень культурности» (12). Материал был собран Марией Васильевной во время поездки по Южному Алтаю, в которой она сопровождала мужа.

Летом 1898 г. ЗСОРО командировал М.В.Швецову в экспедиционную поездку на Алтай (13). В июне-ноябре того года она проводила напряженную этнографическую работу в Алейской, Александровской, Владимирской и Риддерской волостях Змеиногорского округа. Материал собирался ею и в Боровской волости Барнаульского округа. Собранная Марией Васильевной коллекция тканей составила 155 образцов, выявленных у т.н. «поляков» – русских старообрядцев, эмигрировавших в Польшу и высланных оттуда Екатериной II на Алтай. Здесь имеется и несколько образцов, собранных у горнозаводского населения Риддерского края. Однако эти ткани, как и «польские», являются крестьянской работой, расклад коллекции по видам тканого материала таков: 10 холстов, 2 крашенины, 22 полотна, 105 пестрядей, 1 армячина, 7 тканей рельефного мелкоузорчатого ткачества и 8 тканей многоремизного ткачества. Это собрание тканей поступило в музей ЗСОРО (Омск) и среди дореволюционных этнографических сборов музея было наиболее значительным (14). 10 ноября 1898 г. М.В.Швецова сделала доклад «Из поездки в Риддерский край», а 15 и 22 ноября того же года в Голубевском зале музея ЗСОРО была устроена выставка собранных ею предметов. 13 декабря 1898 г. Мария Васильевна выступила на заседании Распорядительного комитета ЗСОРО с сообщением. «История поселенцев поляков на Алтае» – на основании собранного ею архивного и этнографического материала. В 1900 г. С.П. и М.В. Швецовы совершили экспедицию в Кузнецк»⁴

Алтаю, обогатившую музей ЗСОРО предметами материальной культуры и культу шорцев (15). Наряду с экспедиционной и исследовательской деятельностью М.В.Швецова придавала большое значение просветительской работе, прежде всего – лекционной. Установлено, что в 1900 г. в помещении ЗСОРО ею проводились «научно-популярные чтения». 5 марта она выступила с лекцией «География и её место в ряду других наук», где осветила вопросы: «Интерес человека к земле, как его обиталищу. Древнейшие описания земли и карты. Труд Эратосфена. Развитие физической географии – Плиний и др. Воззрения Страбона и Сенеки. Возрождение интереса к географии под влиянием открытий Колумба, путешествий Америго Веспуччи, Васю де Гама и пр. Карты Кирхнера, Галлея, Циммермана, Риттера и др. Работы А. Гумбольдта. Возникновение географических обществ. Заключение» (16). 29 марта Мария Васильевна читала лекцию «О доисторическом человеке» с программой: «Введение. Главные геологические эпохи. Появление человека на земле; следы его существования в четвертичную эпоху. Краткий очерк человеческой культуры в доисторические времена – век каменный, бронзовый и железный. Связь различных степеней культуры между собою. Общие выводы» (17). В Государственном архиве Омской области сохранились типографские экземпляры афиш об указанных «чтениях», а также – рукопись афиши о «чтениях» 5 марта (не являющаяся, однако, автором М.В.Швецовой) (18). Примечательно, что научной общественностью Омска Мария Васильевна была отнесена к разряду лекторов (Н.В.Берлинский, Н.И.Смирнов, М.О.Шайкенич и И.М.Шамаев), привлекавших наибольшее количество слушателей. В юбилейном сборнике ЗСОРО, выпущенном в 1902 г. по случаю 25-летия Отдела отмечено: «<-> гг. Смирнов и Швецов читали свои лекции, а гг. Шайкенич, Берлинский, Шамаев рассказывали» (19). С.П. Швецов в своей известной работе «Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири» пишет: «В организации лекций ближайшее участие принимала М.В.Швецова, выступавшая и в качестве лектора не без успеха» (20). Сам факт активной лекционной деятельности женщины тех лет – явление само по себе замечательное. «Женщина-лектор, – подчеркивает Сергей Порфирьевич там же, – для Омска того времени, чиновничьего захлопнутого Омска – была большой новостью» (21).

Кроме лекций М.В.Швецова принимала активное участие в литературной и публицистической работе сибирских ссыльных. В частности – по свидетельству С.П.Швецова – она входила в состав коллективной редакции газеты «Степной Край». Редактором издания был генерал-майор И.Ф. Соколов, передавший все дело ведения газеты политическим ссыльным. Вместе с Марией Васильевной в состав редакции входили А.Н.Букейхан, Я.С.Севастьянов, О.Н.Фигнер, С.Н.Флоровский, Л.И.Чермак и

С.П.Швецов (22). Надо отметить, что большое количество материалов «Степного Края» не имеет авторской принадлежности или же подписано псевдонимами. Поэтому установление авторства М.В.Швецовой требует специального исследования.

Биографические сведения о М.В.Швецовой, выявленные автором, хронологически завершаются 1901 г. Известно, что именно в этом году Шведовы покинули Омск. Их отъезд явно отрицательно повлиял на деятельность ЗСОРГО. В своём очерке о полувековом пути Отдела В.Ф.Семёнов отмечает: «отъезд из Омска некоторых старых действительных членов как Шведовы <...>, почти полное замораживание научной деятельности – вот общая картина жизни отдела в 1901 году» (23). О том, когда именно Мария Васильевна покинула Омск, можно построить серьёзную версию. В Государственном архиве Томской области хранится донесение начальника Омского жандармского управления начальнику Томского губернского жандармского управления от 16 марта 1901 г. «Временно проживавший (с 27-го февраля сего года) в Омске, – сообщается там, – негласно поднадзорный Сергей Порфирьевич Шведов 14 марта выехал по направлению к Томску. Сообщая о вышеизложенном, присовокупляю, что Шведов, отпраив 8 марта жену свою в С.-Петербург (*разрядка моя – А.К.*) занимаемой квартиры скрылся, и только после усиленных поисков удалось узнать, что он проживает в комнатке на чердаке Музея Омского отдела Географического общества <...>» (24).

Согласно материалам, находящимся в распоряжении автора, и томский, и дальнейшие периоды жизни и деятельности С.П.Шведова прошли без Марии Васильевны, расстались ли супруги по каким-либо причинам добровольно или Мария Васильевна выехала в столицу по неотложным делам и вскоре умерла (её здоровье, действительно, оставляло желать лучшего) – сказать пока затруднительно. В Государственном архиве Томской области есть интересный документ, озаглавленный «Сведения о результатах наблюдения со стороны членов Корпуса Жандармов за состоявшим под негласным надзором полиции Сергеем Порфирьевичем Шведовым, квартирующим по Нечевской улице в доме Короханова № 54 за декабрь месяц 1902 г.» (составлен 2 января 1903 г.). «Сведения» состоит из семи пунктов, в шестом из которых («Перемена в семейном положении») записано: «Не было. Шведов женат, но жена при нём не живёт, где живёт не известно (*разрядка моя – А.К.*)» (25). Дальнейшие исследования, без сомнения, прольют дополнительный свет на последние годы нашей героини (26).

Завершая «повествование» о М.В.Швецовой хочется сказать следующее. Супруга С.П.Шведова – крупного статистика, этнографа, педагога и общественного деятеля – отнюдь не затерялась в «лучах славы» именито-

го мужа. При известной зависимости от научных и иных интересов близкого человека, она как личность – «величина самостоятельная». Об этом свидетельствует и её вес, авторитет в перипетиях русской «революционной лихорадки» 70-80-х гг. XIX в., и её давно признанные наукой этнографические исследования, и её удачные статистические записки, и её заметная, синисквавшая уважение общественная деятельность. Обладая высокими моральными качествами, сильным и независимым характером, завидной работоспособностью, исключительной ответственностью за порученное дело Мария Васильевна Шведова являет собой яркий образец передовой русской женщины последней четверти XIX в.

Автор признателен за содействие в работе над статьёй научному сотруднику кафедры археологии, этнографии и источниковедения Алтайского государственного университета Татьяне Владимировне Тищанной.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Работы М.В.Швецовой

1. Алтайские калмыки, с 12-ю рисунками // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. 1898. Кн. XXIII. С.1-34.
2. Из поездки в Риддерский край // Там же. 1898. Кн. XXV. С. 1-27.
3. «Поляки» Змеиногорского округа, с приложением песен и притчиной // Там же. 1899. Кн. XXVI. С. 1-92.
4. История поселения «поляков» на Алтае: Доклад // Отчёты о деятельности Западно-Сибирского отдела Императорского Географического общества за 1898-1901 гг. С.34.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. Алтайский Б. С.П.Шведов // Сибирский торгово-промышленный Календарь (1914-1915). С.549-550.
2. Об этой «общей роли» супругов Шведовых в организации Общества любителей исследования Алтая пишет сам С.П.Шведов – см.: Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири // Катерга и ссылка. 1928. № 11. С.93. Однако в подробно откомментированной им самим списке собственных научных работ (середина 1920-х гг.), формулируя свою роль в создании Общества, Сергей Порфирьевич о роли супруги умалчивает (ЦГА СПб: Ф.2998. Оп.1. Д.616. Л.20).
3. Перечислять «алтайские» печатные труды С.П.Шведова здесь нет нужды. Достаточно заглянуть в издание: Азидовский М.К. С.П.Шведов: [Материалы для биобиографического словаря сибирских краеведов] // Сибирская живая старина. Иркутск, 1929. Вып. VIII-IX.

4. Об этой своей роли в деле проведения барнаульской переписи 1895 г. сам С.П.Швецов говорит вполне определённо – см.: Город Барнаул по переписи 26 марта 1895 г. // Алтайский сборник. Т.II. Вып. 1. Барнаул, 1898. С.3; а также в упомянутом выше списке своих научных работ: ЦГА СПб. Ф.2998. Оп. 1. Д.616. Л.13.
5. Швецов С.П. Город Барнаул по переписи 26 марта 1895 г. // Алтайский сборник. Т.II. Вып.1. Барнаул, 1898. С.4.
6. Шерстобоев Н.Т. С.П.Швецов: [некролог]. Незаверенная машинистка. // Алтайский государственный краеведческий музей. ОФ. № 16117/2. Л.5.
7. ЦХАФ АК. Ф.81. Оп.1. Д.13. Л.32.
8. Там же. Л.43.
9. Там же. Л.32.
10. Там же. Л.43.
11. Там же. Л.31.
12. Юбилейный сборник Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. Омск, 1902.
13. Там же.
14. Томилов Н.А. Предисловие // Хозяйство русских в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея: Каталог. Томск, 1993. С.9.
15. Юбилейный сборник Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. Омск, 1902; ЦГА СПб. Ф.2998. Оп.1. Д.616. Л.21.
16. ГАОО. Ф.86. Оп.1. Д.103. Л.62.
17. Там же. Д.109. Л.29.
18. Там же. Д.103. Л.27.
19. Юбилейный сборник Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. Омск, 1902. С.179.
20. Швецов С.П. Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири // Каторга и ссылка. 1928. № 11. С.93.
21. Там же.
22. Там же. № 4. С.94.
23. Семёнов В.Ф. Очерк пятидесятилетней деятельности Западно-Сибирского отдела Государственного Русского географического общества. Омск, 1927. С.27.
24. ГАОО Ф.411. Оп.1. Д.38. Л.266.
25. Там же. Л. 300 об.
26. В частности, автор возлагает определённые надежды на материалы личного фонда С.П.Швецова (№ 1263), хранящегося в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки (Дом Плеханова) в Санкт-Петербурге.

К.Л. Вилькен. Страницы жизни

Сибирь издавна привлекала внимание крупных зарубежных фирм как огромная кладовая минерального сырья, пушнины. Сибирская продукция, такая как масло, хлеб, также пользовалась у них спросом. Кроме того, отставание промышленности данного региона делало его выгодным рынком сбыта. В связи с проведением Сибирской ж.д. в 90-х годах XIX в. стало возможным экспортировать сырье в зарубежные страны и импортировать из-за границы продукцию.

В 90-х годах XIX в. на Алтае появились представители общества для производства соды в России «Любимов, Сольваэ и К^о», налаживавшие контакты с местными потребителями, что существенно отразилось на местной содовой промышленности, которая, впрочем, была к этому времени представлена лишь одним предприятием – фабрикой Пранга, которой владела Юлия Августовна Пранг – жена умершего Матвея Богдановича. Из-за деятельности фирмы «Любимов, Сольваэ и К^о» завод Пранга в 1899 г. был продан данному обществу (1). Управляющим предприятием назначили Карла Львовича Вилькена (Рис. 1), деятельность которого в Барнауле заслуживает отдельного разговора о его личности.

Карл Львович родился в г. Москве, но дата его рождения нам не известна (2), где у родителей Вилькена (бельгийских подданных) имелась фетровая фабрика и магазин шляпных изделий (3). По национальности он являлся французом, хотя, как и его родители, находился в бельгийском подданстве.

Учась в Московской гимназии, он проникся идеями Чернышевского и Добролюбова, которые оказали большое влияние на его дальнейшую жизнь. После окончания гимназии Карл Львович продолжил свое образование, но неизвестно в каком учебном заведении. Скорее всего, Вилькен учился в каком-то технологическом институте, так по образованию он являлся инженером-технологом (4). Кроме того, Карл Львович знал несколько иностранных языков (5). Очевидно, что его родители, как мы помним, имели бельгийское подданство, были знакомы с бельгийским инженером Сольваэ, родоначальником фирмы «Любимов, Сольваэ и К^о», что и предопределило появление Вилькена в 1899 г. в Барнауле в качестве управляющего заводом по производству соды.

На предприятии он получал большую, по тем временам, сумму 300 рублей в месяц. Жил Вилькен, скорее всего, там же, так как при фабрике имелись особняки, в одном из которых жили прежние владельцы. В нача-

де XX в. он стал довольно известным человеком в городе. Например, на телеграмме Карлу Львовичу достаточно было написать: «Барнаул Вилькен», чтобы быть уверенным, что она дойдет до него (6). Карл Львович Вилькен являлся очень деятельным человеком при исполнении своих обязанностей. Например, с его появлением на содовом заводе производительность предприятия резко возросла, а, заметив, что добытое для фабрики сырье (гашуберова соль) под действием дождя растворяется, он добился постройки амбаров для ее хранения (7). Подобных примеров можно привести очень много.

Но в быту Вилькен был очень скромен. Никитин в этом отношении приводит очень интересный материал, в котором говорится о скупости Карла Львовича к себе. Когда у «него изнасились ботинки до такой степени», что их нельзя было уже починить, Никитин уговорил его купить приличную обувь, но после этого Вилькен, настаивавший на самой дешевой, долго «пенял» ему на стоимость ботинок (8).

Во время работы на предприятии Карл Львович женился на Федосии Матвеевне (рис. 2), о которой нам известно лишь то, что она была русской, домохозяйкой и родилась в городе Ирбит. В 1901 г. появилась на свет дочь Вилькена – Нина Карловна (рис. 2).

Карл Львович активно участвовал и в общественной жизни. С 1905 г. он являлся членом барнаульской социал-демократической организации. С 1908 г. участвовал в большевистской «кружковщине». Был учредителем потребительского общества «Труженники» (9), до 1909 г. известного под названием «Трудовой союз» (10), где являлся членом правления, казначеем и распорядителем этого общества. В «Труженниках» он получал 75 руб. в месяц, хотя первоначально Вилькен хотел работать бесплатно (11). Кроме того, он участвовал еще в целом ряде организаций, таких как потребительское общество «Свечка», основанном в 1907 г. (12), Первая Сибирская трудовая артель, строительная артель «Труд» и артель позолотчиков «Делатель». Три четверти своего жалования (заводского и как члена правления «Труженника») Карл Львович отдавал студентам, обучавшимся за его счет в Саратовском художественном училище, Томском технологическом институте, Цюрихском технологическом институте (13).

В 1911 г., в связи с закрытием содового завода, Вилькен получил возможность целиком посвятить себя общественной работе, при этом будучи оставлен в роли заведующего заводским имуществом (14). В случае необходимости он укрывал на содовой фабрике, теперь уже закрытой, нелегальных: Ивана Андреева – нелегального в действительности Бутузова и Ивана Тупкина – беглого из Нарымского края Ивана Присягина. В связи с данным видом деятельности, а также за нелегальные собрания и читальне

потребительского общества «Труженники» социал-демократических организаций 26 сентября 1912 г. Карл Львович был арестован (15). После ареста содержался в Барнаульской тюрьме. 28 марта 1913 г. Барнаульской окружной суд приговорил его к высылке за границу (16). Вскоре он был выслан за пределы России как революционер. После высылки Вилькен некоторое время жил в Швейцарии. 1/20 сентября 1913 г. Карл Львович переехал в Англию, где поселился в Лондоне по адресу 9 Oswin Street. В это время он очень сильно скучал по родине, примером чему может служить его поездка в 1913 г. в Шотландию на Конгресс ученых. Вилькен приехал на него лишь потому, что в нем участвовали четверо русских. Вернуться в Россию он смог лишь в 1921 г. Поселился Карл Львович в Москве, где в 1925 г. и умер (17).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ЦХАФ АК. Ф.4. Оп.1. Д.1502. Л.1.
2. АГКМ. ОФ. 17196/158-167. П. 28693.
3. Там же.
4. АГКМ. ОФ.17196/158-167. П.28690.
5. Никитин Н. Революционер // Алтайская правда. 1958. 31 авг.
6. ЦХАФ АК. Ф.4. Оп.1. Д.1502. Л.25.
7. Там же. Л. 39.
8. Никитин Н. Революционер // Алтайская правда. 1958. 31 авг.
9. АГКМ. ОФ. 17196/158-167. П.28695.
10. История Алтая в документах и материалах (юнец XVII – начало XX века). Барнаул, 1991. С.311.
11. Никитин Н. Указ. соч.
12. Козлов А.Д. Рабочие-революционеры Алтая. Барнаул, 1963. С.41.
13. Никитин Н. Указ. соч.
14. История Алтая в документах... С.312-313.
15. Там же. С. 312.
16. Козлов А.Д. Указ. соч. С.48.
17. АГКМ. ОФ. 17196/158. П. 28654, 28655, 28690.

Рис. 1. Вишкен К.Л. АКГМ.
ОФ.17196/172. Ф.7344

Рис. 2. Жена и дочь
Вишкена К.Л.

АКГМ. ОФ. 17196/172. Ф. 7344

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рассуждения краеведа А.Д. Сергеева

Сергеев А.Д. Слово об И.И. Ползунове. Историко-краеведческая харттология. Барнаул, 1999.

Да с половиной века не угасает интерес исследователей, ученых, литераторов к жизни и творчеству славного нашего земляка И.И. Ползунова. Капитальные труды академика В. Данилевского и алтайского краеведа Н. Савельева, роман П. Бородинки, поэма и пьеса М. Юдалевича, книга для детей В. Гришалева, несколько сборников статей с научных конференций и Ползуновских чтений, десятки статей в энциклопедиях, справочниках и прочих изданиях – солидный багаж ползунововедения.

И вот, оказывается, – далеко не все сказано, более того, по заключению А.Д. Сергеева, автора новой книги «Слово об И.И. Ползунове» – не сказано главное. Состоялась презентация книги в центральном книгохранилище Алтая – краевой библиотеке имени В. Шнишкова, где ее единодушно одобрили. А в кулуарах и другое можно было услышать: «Эк, замахнулся!», «Перемудрил с трансцендентной философией», «Вознес до космических высот».

Вспомнилось первое ползунововедческое произведение. Называлось оно «Рассуждение о проектированной шихтмейстером Ползуновым огнем действующей машине». Принадлежало петербургскому ученому И. Шлаттеру, автору учебных пособий по горному делу, которому был отдан на отзыв проект вновь изобретенного двигателя. Дело в том, что по жанру, по способу освоения и изложения массива знаний об изобретателе новый труд ближе всего именно к шлаттеровскому «рассуждению», первым отзывам о его творчестве царственных особ, которые поднимали значение Ползунова от узкого практицизма на высоты служения.

Труд Сергеева – это спор-книга, книга-диспут, попытка философского осмысления «феномена Ползунова» (формула автора).

Имел ли Сергеев основание «замахнуться» на новое слово об известном изобретателе? В те дни, когда проходила презентация названной книги, Алексею Дмитриевичу Сергееву, аксакалу алтайского краеведения, исполнилось семьдесят лет. Как-то так случилось, что на наших глазах его небольшие по объему книжки становились событиями. Их цитируют, они более других в библиотеках замусолены десятками рук. Случаются с ними и дела дивные. К примеру, когда в начале девяностых годов XX в. начало возрождаться алтайское каза-

чество, то единственным пособием по его истории оказалась книжка Сергея «Тайны Алтайских крепостей», изданная задолго до этого. Руководители казачьей организации размножали книгу на ксероксе и раздавали своим.

Сергеев – основатель отрасли краеведения, которой еще и названия нет, поэтому вынужден использовать для ее определения длинную и неуклюжую фразу: практическая работа по формированию исторического краеведческого сознания земляков. Он был у истоков массового детского туризма по краю, при том туризма не развлекательного, но связанного с изучением и познанием истории края. Он, работая на детской турстанции, водил ребят в поисковые экспедиции для определения местностей, где были крепости и форпосты знаменитой Кольвано-Воскресенской казачьей линии. Не так давно состоялось уникальное событие в алтайском краеведении: чтобы не пропали добытые им знания А.Д. Сергеев с молодыми краеведами объехали казачью линию и он «сдал» им крепости – указал места, где они находились.

Перейдя в пединститут он и тут принялся за расширение краеведческого раздела истории родины, что, в конце концов, привело к образованию лаборатории исторического краеведения, проект первого положения о которой он сочинил.

Он был среди инициаторов и членов первого правления краевого отделения Общества охраны памятников истории и культуры.

Недавно отметила свое десятилетие ассоциация краеведов, организатором и первым председателем которой был А.Д. Сергеев. И наконец, он неизменный шефорганизатор Ползуновских чтений в Алтайском крае, что проводятся через год. Состоялось уже семь чтений.

Именно размышления и углубленное изучение документов в ходе подготовки этих чтений, отточенные в выступлениях на них умозаключения и легли в основу тех ползунововедческих новаций, что мы обнаруживаем в представляемой книге.

Но интерес автора к творцу огнем действующей машины возник задолго до первых ползуновских чтений. На презентации работниками краевой библиотеки была продемонстрирована статья о Ползунове, опубликованная студентом пединститута Сергеевым пятьдесят (!) лет назад.

Возникает естественный вопрос: что добавляет новая книга к нашим знаниям и понятиям о Ползунове?

Книга названа квартологией потому, что состоит из четырех основных глав:

- Земная жизнь гения (Последовательное изложение).
- Кто виноват в смерти И.И. Ползунова и в гибели его дела (Со-беседы).
- «Ползуновское производство» (Историко-экономический экскурс).
- Феномен И.И. Ползунова (Околофилософские тропинки).

Правда есть еще две небольшие дополнительные главки-странички «Напутствие» в начале и «Утвердительный дифирамб Ползунову» в конце.

Читая новую книгу А.Д. Сергеева, которая является как бы подведением итогов под определенным периодом работы исследователей творчества Ползунова, вспоминаешь прежние периоды и хочется произнести дифирамб современным историкам. Через 150 лет после изобретения нашего земляка, архивариус управления Алтайского округа, в чьем распоряжении находился архив за все эти годы, отвечал по одному из запросов, что документов о Ползунове в архиве нет, те, что были – вывезены в столицу и не возвращены. Через 15 лет сотрудник Барнаульского окружного архивного бюро Г.Д. Нашин выявляет и составляет перечень из 73 рукописных материалов «относящихся к Ползунову». В 1936 г. по запросу из Ленинграда работники Барнаульского архива выявили и скопировали 105 таких документов. В пятидесятых годах XX в. научный сотрудник госархива Н.Я. Савельев составил картотеку из 430 ползуновских документов. И это все в том же архиве. Такая же картина и с биографией И. Ползунова. Еще в двадцатых годах XX в. о Ползунове писали как о «механике-самоучке». А он приехал в Барнаул после 12 лет учебы, которая представляла собой овладение не только знаниями, но и практическими навыками.

Когда писали свои произведения о нем В. Данилевский и Н. Савельев, мало что известно было о детстве изобретателя, его учебе. Теперь, благодаря, главным образом, трудам уральских исследователей и самого Сергеева, появилась возможность взглянуть в происхождение человеческой, нравственной и научной почвы, на которой произросла творческая личность мирового уровня. (Оказывается механический ученик Ползунов овладел таким объемом познание политического знания и умения, что способен был решать инженерные задачи: обустривать плотины, варить стекло, прокладывать новые пути, чертить высокопрофессиональные карты, строить пристани, водить флотилии вверх по течению рек, решать финансово-экономические задачи крупных производств и, наконец, изобрести автоматизированную фабрику по производству металла.

«Иван Ползунов прошел курс наук горно-металлургического цикла, фактически инженерного, по тому времени, объема и содержания. Высшего горного образования еще не было нигде, лишь в 1765 году была открыта первая в мире горная академия в Саксонии и в конце 18 столетия – Санктпетербургский горный кадетский корпус», – пишет А. Сергеев.

Основное нововведение А. Сергеева – отличная от других концепция изобретения И. Ползунова. По его мнению, Ползунов научно обосновал, изобрел и воплотил в практику не просто двигатель, а строительный комплекс по выплавке серебра, который Сергеев назвал «Ползуновское производство». Изобретениями были и многие составные части комплекса: двухцилиндровый двигатель, создающий непрерывность его действия, система передач, конструкция дутья – «беспрерывного течения воздуха» – в печи, горнов с особо устроенными фундаментами. Ползуновское производство позволило получать серебро без рек, пригодных для строительства плотин, с минимальными потерями, лучшего качества, с меньшими затратами.

Все, кто занимается творчеством И. Ползунова, кто рассказывает о нем в лекциях, на уроках хотелось бы порекомендовать почитать эту книгу. Как опытный ползуновед, следивший и следящий за всеми исследованиями и публикациями много лет, А. Сергеев «проходится» по важным проблемам историографии изобретателя и деталям его биографии, уточняя, отвергая, очищая от нагромождений, домыслов, умозаключений, связанных с недонзучностью, с вторжением дилетантов, политических и научных конъюнктурщиков. Он восстает против уничижительного отношения к понятиям «механический ученый», «титген-шрейбер», уточняет с документами в руках был ли Ползунов дворянином и «крепосником», восстает против закоренелых вымыслов о непризнанности таланта, гонимости автора «огнем действующей машины». Действительно, после того как руководство заводов потратило огромные средства на строительство невиданной никем не опробованной машины, когда сама императрица одобряет, поддерживает и награждает изобретателя и, более того, высказывает великолепную мысль о необходимости поддержать таких преданных делу и двигающих прогресс страны людей – после этого писать о непризнанности можно только «ничтоже сумняшеся».

А. Д. Сергеев убедительно показывает, что стереотип – «Ползунов – изобретатель паровой машины», обуживает его роль, умаляет, по суще-

ству, заслуги перед краем и страной. Иван Иванович был горным деятелем широкого плана, он внес вклад и в совершенствование плавки серебра и стекла, выжиги угля, водил караваны судов по Оби и Чарышу, управлял заготовкой леса и выжигом древесного угля, строил рудообогатительные сооружения, прокладывал улучшенные пути для перевозки руд, чертил карты и составлял проект переустройства Барнаульского завода, восстанавливал плотину и руководил доставкой в столицу золота с серебром.

Наиболее сложной для восприятия и, пожалуй, наиболее спорной, является четвертая часть сергеевской квартологии: «Феномен И.И. Ползунова. Околофилософские тропинки». Это первая попытка философского осмысления творчества изобретателя. Обоснование феноменальности Ползунова подкрепляется авторитетами К. Маркса и Ф. Энгельса, Ф. Гегеля и И. Канта, А. Лосева и С. Кьеркегора, Д. Андреева и С. Саровского. Не берусь излагать или анализировать сложные построения автора и считаю: лучшее, что можно сделать – довериться его рассуждениям, попытаться пройти «тропинками» его мысли, а значит понять феномен Ползунова.

Добро уже в том, что А. Сергеев переводит краеведение на новый уровень – от описательства исторических фактов к их углубленному осмыслению, к нравственно-философской характеристике, к выявлению причин и следствий, закономерностей и случайностей явления личности, изобретения во всемирно-историческом процессе.

А если что-то кому-то и покажется неубедительным, благо, что книга будит мысль, желание разобраться, глубже проникнуть в факты, ворошить архивные документы. Что, естественно, произошло и с автором этого отзыва о новой книге.

Вот, к примеру, рассуждая по поводу главы «Международное значение творчества И.И. Ползунова» в книге Н. Савельева, Сергеев утверждает: «никакого международного значения не было и не могло быть». Правда в том, что напрямую ползуновский вариант парового двигателя ни в России, ни в других странах не копировали. Но это не вся правда. Вернемся на мгновение к поднятому ранее Сергеевым вопросу: как случилось, что руководство заводов пошло на огромные затраты по сооружению машины Ползунова, невиданной по конструкции, не опробованной? Кажется, дело в том, что и А. Порошин и И. Христианин и другие горные специалисты хорошо знали, что огонь и пар можно заставить производить механическое действие. Теперь зададим себе другой воп-

рос: могли знать Европа и мир о принципе «Ползуновского производства»? Безусловно. Напомним, что в 1769 г. в Берлине опубликованы «Сибирские письма» М.Э. Лаксмана, в которых сообщалось не только об изобретении нашего земляка, но и говорилось о возможности «устраивать плавильные заводы на высоких горах, даже в шахтах», то есть утверждалась универсальность парового двигателя. А дальше, как говорят, «дело техники»: универсальный паровой двигатель пошел по миру.

Сам автор в четвертой части книги значение творчества Ползунова оценивает выше международного: идеи и производство поднимают «огни Ползунова до вершин Вселенского Разума». Он приходит даже к мысли о трансцендентности феномена Ползунова, то есть невозможности объяснить, познать до конца.

Расшифровать это умозаключение, как и многие другие в книге, не решился, рекомендую обратиться к первоисточнику.

В.С. Олейник

Из истории создания календарей знаменательных и памятных дат в Алтайском крае

Сложившуюся систему календарей знаменательных и памятных дат во многом определяли библиотеки, традиционно занимающиеся их подготовкой.

Календари в виде плакатов еще в 1941-1951 годах выпускала Российская национальная библиотека. Историческая библиотека в 1956 г. подготовила первый календарь всесоюзного значения.

В Западной Сибири первый календарь был подготовлен тремя областными библиотеками – Томской, Омской, Новосибирской – и издан в 1969 г.

В этом же году в Новосибирске состоялось региональное совещание библиотек Сибири и Дальнего Востока, где обсуждались вопросы создания источниковой базы и методики составления картотек дат как основы будущих календарей. От Алтайской краевой библиотеки на совещании присутствовала библиограф М.Л. Борцова, в дальнейшем посвятившая более 30 лет работы развитию краеведения на Алтае.

В библиотеке началась большая подготовительная работа по созданию

первого календаря. Были просмотрены основные краеведческие сборники, справочные издания; из них выписывались факты, сведения о персонах так или иначе связанных с Алтаем. Когда работа подходила к концу, в «Литературной газете» (28 янв. и 11 марта 1970 г.) появились два фельетона полностью дискредитирующие местные календари, где среди городов, занимающихся их изданием, упоминался и Барнаул (хотя календарь еще только готовился к выходу в свет). После фельетонов последовала реакция Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Вот цитата из письма председателя Комитета Н. Свиридова: «...обобщив практику издания календарей [комитет] дал указание местным издательствам прекратить их выпуск» (Лит. газ. 1970. 11 марта).

Библиотеке все-таки удалось выпустить календарь в свет – вышел он в виде библиографического указателя в 1971 г. и назывался «Страницы из истории Алтая». Даты и события приходились на 1970-1971 гг. Авторские статьи дополнялись библиографией, документальными источниками, списками иллюстраций и цитатами. Их готовили замечательные специалисты, подвижники своего дела: Т. Полухин, Н. Камбалов, Л. Леонова, А. Хрулева, И. Верещагина, Л. Остерга, П. Бородин, Р. Скворцова, Н. Антропов, И. Саблин. Первое издание состоялось во многом благодаря усилиям составителей, высококвалифицированных специалистов библиотеки: М. Борцовой, М. Вохрышевой, Е. Глаз, Л. Доброхотовой. Они же и являлись авторами нескольких статей.

Выпуск календарей в стране был прекращен, но работа в этом направлении велась: Скрупулезно, методично, выписывались, уточнялись события, факты, имена. Пополнялась картотека. Эта картотека ведется и по сей день – теперь в электронном виде и насчитывает около 3 тыс. записей. Для ее пополнения ежегодно сотрудники отдела краеведения просматривают около 60 тыс. источников – сборников, журналов, газет в том числе районных и многотиражных, справочников, энциклопедий, информационных изданий и т. д. Исследователи, краеведы находят все новые и новые сведения, уточняют старые – и вся эта информация находит отражение в электронной базе данных «Даты».

Итак, 1987 год. К этому времени возобновляется издание календарей в стране, в т.ч. в Сибири. Приближается 50-летие Алтайского края. Библиотека выступает инициатором подготовки календаря к знаменательному событию. Идею поддержал В.С. Петренко, возглавлявший в то время Государственный архив Алтайского края. Началась напряженная работа, и к марту 1987 г. издание было готово. Так, после 16-летнего перерыва вышел

в свет второй выпуск календаря. До 1994 г. календари готовили библиотеки и архивы. Составителями являлись М.Л. Борцова и молодая выпускница АГНИК В.П. Колбунова. От архива в разные годы эту работу хурировали В.С. Петренко и Я.Е. Кривоносов. В 1994 г. к работе над календарем подключилась Лаборатория исторического краеведения БГПУ – в редакционный совет вошел В.Б. Бородаев.

В 90-е годы много было сделано для качественного улучшения издания: появился иллюстративный материал, кроме основных статей в календарь стал включаться дополнительный перечень дат, многие материалы носят эксклюзивный характер.

К этому времени появилось много интересных сведений о г. Барнауле, календарь становится перенасыщенным (40-50 статей), и тогда было решено выделить материал о городе в самостоятельное издание. Эта идея принадлежит научному сотруднику Лаборатории исторического краеведения В.Б. Бородаеву. Администрация города поддержала ее, и с легкой руки мэра В.Н. Баварина «Барнаульский хронограф» стал «визитной карточкой города». Так появился первый календарь о городе с датами на 1996 год.

К 2000 году вышло 15 выпусков «Страниц истории Алтай» и 5 выпусков – «Барнаульского хронографа». Всего в календарях отражено 762 события из жизни города и края. Большая часть материалов посвящена персонам: исследователям, путешественникам, общественным деятелям, горным специалистам, писателям, художникам, актерам и т.д. Многие авторы сами являются персонами очерков – писатели П.А. Бородин, М.И. Юдаевич, врач В.М. Борисова-Хроменко, исследователи-краеведы Н.А. Камбаров, Л.М. Остергаг, В.Ф. Гришаев.

За все годы издания календарей 165 человек приняли участие в их создании: преподаватели вузов, исследователи, архивисты, работники музеев, краеведы. Много разнообразных фактических сведений, неожиданных и любопытных привносят авторы – сотрудники АГКМ, МИЛИКА, АГХМ. Материалы по истории медицины на Алтае готовит И.М. Дмитриенко; истории искусства – Т.М. Степанская, И.Н. Свободная; по истории освоения Алтая – А.Д. Уманский, заселения Алтая – Ю.С. Булыгин; горнозаводского дела – В.Б. Бородаев, А.В. Контев; истории купечества – В.А. Скубенский; истории немцев – Л.В. Малиновский; истории Алтая XX века – Я.Е. Кривоносов, Ю.С. Дьяченко. Постоянный автор и консультант календарей – В.Ф. Гришаев.

Составителями календарей являются опытные, высокопрофессиональ-

ные библиографы-краеведы Г.А. Каменева, Р.М. Саранулова, Н.В. Стрельцова, Л.В. Санкина.

Добрая традиция издания календарей продолжается и развивается в крае. В г. Заринске вышло 2 выпуска подобных изданий. В библиотеках края ведется работа по сбору фактических сведений о своем селе, городе, районе, многие библиотеки ведут интересные рубрики в местных газетах.

Календари знаменательных и памятных дат стали надежными источниками информации для читателей. Они популярны и необходимы в работе научным сотрудникам, ученым, преподавателям школ и вузов, студентам, школьникам. География распространения календарей тоже обширна: библиотеки края и городов Сибирского Соглашения, национальные информационные центры страны, зарубежные страны (Германия, США, Япония, Франция, Китай и др.).

А.В. Контев

Эта книга предназначена на века

(Рецензия на библиографический словарь
«Исследователи Алтайского края, XVIII – начало XX века»)

Последнее десятилетие развития алтайского краеведения в XX веке ознаменовано выходом в свет целой серии книг по истории изучения края – это работы М.А. Демина, В.Ф. Гришаева, М.Ф. Розена, А.Д. Сергеева. В Энциклопедиях Алтайского края (Т.2, 1996) и Барнаула (2000) значительное число статей посвящено тем, кто внес вклад в историю исследования региона. Серьезной библиографической базой по данной теме являются «Страницы истории Алтая» и «Барнаульский хронограф», в которых, помимо исторических справок, дается полная библиография по конкретным персоналиям и экспедициям. Таким образом, издание словаря «Исследователи Алтайского края» является закономерным этапом многолетней совместной работы ученых и краеведов под руководством Алтайской краевой библиотеки.

Необходимость издания подобного обобщающего труда назрела

давно. Алтай издавна привлекал внимание ученых и исследователей. Являясь окраиной России, наш регион представляет интерес не только для местных исследователей, но и для всех, кто интересуется историей Центральной Азии. Специфика территории, на которой в настоящее время размещается Алтайский край, связана с развитием здесь на протяжении 150 лет горно-металлургического производства. Поэтому именно горные специалисты в большинстве своем являлись исследователями края. Указанные особенности отражает и рецензируемое издание.

Словарь включает сведения о 400 исследователях края, начиная с XVIII века. Хочется отметить важную особенность данного издания – авторы и составители не ограничились персоналиями уже известных в научном мире ученых, таких как Г.Ф. Миллер, П.С. Паллас, А. Гумбольдт и др. В книге читатели смогут найти сведения и о простых рудоскателях, горных специалистах, чей вклад в познание края имеет для нас не меньшее значение, чем работы великих ученых. Уникальность представленного издания состоит в том, что здесь не только обобщены сведения трех прошедших веков, но и впервые вводятся в научный оборот более ста персоналий!

Каждая словарная статья содержит биографические сведения: годы жизни, с указанием места рождения и смерти (если известно), должность и характер деятельности, вклад в изучение края. Важно отметить, что главным при выборе информации, включенной в статью, являлась именно деятельность по исследованию территории края, это придает изданию уникальную региональную специфику. Интересен и по-своему уникален библиографический раздел словарных статей. Каждая биографическая справка снабжена перечнем источников, которые сгруппированы по трем разделам: 1) работы исследователя (если таковые известны); 2) литература о его жизни и исследовательской деятельности, в том числе газетные статьи; 3) документальные источники, включающие неопубликованные сочинения исследователя и архивные материалы о нем.

Наличие списка архивных источников является чрезвычайно важной заслугой составителей издания и его научного руководителя А.Д. Сергеева. Можно с уверенностью сказать, что подобного издания, где бы помимо полной библиографии прилагался аннотированный указатель источников, ни в одном регионе Сибири не создано (1). Круг архивных документов достаточно широк, он охватывает фонды 25 ар-

хивохранилищ страны, как региональных (в первую очередь ЦХАФ АК), так и центральных (ИФА РАН, РГИА и др.). Безусловно, перечень, помещенный в словарь, не исчерпывает всех источников по персоналиям. Нам известно, что научный редактор издания, Алексей Дмитриевич Сергеев, располагает огромным объемом архивных сведений. Например, материалов по Г.И. Спасскому, И. Леубе, А. Гумбольдту, по рассказам самого А.Д. Сергеева, ему хватило бы, чтобы написать отдельные книги об этих ученых.

Сама структура и содержание рецензируемой книги являются показателем тенденции, которая наметилась в алтайском краеведении в последнее десятилетие – тесное сотрудничество краевой библиотеки, краевого архивного управления, краевого краеведческого музея и ученых-историков. Механизм такого сотрудничества отработан и дал великолепные результаты при подготовке таких известных изданий, как «Страницы истории Алтая», энциклопедии, да и «Алтайский сборник» представляет собой плод совместных усилий этих ведущих научно-исследовательских подразделений региона.

Высокий научный уровень изданию придает не только полнота биобиблиографических статей. Словарь снабжен научно-справочным аппаратом – географическим указателем, именованным указателем исследователей по научным направлениям и специализации, списком основных сокращений. Только перечисление рубрик указателя исследователей дает представление о тематическом охвате словаря: рудознатоцы, географы, геологи и горные специалисты, естествоиспытатели, историки и этнографы, топографы, общественные деятели и писатели. Это является показателем социальной значимости издания. Собранные здесь сведения будут полезны не только ученым и краеведам, но и учителям, школьникам и студентам. Каждая из словарных статей вполне может быть развернута в отдельную курсовую, дипломную работу, или даже диссертацию. Историки, изучающие вклад немецких специалистов в экономику и культуру региона, найдут в книге огромный материал для научного анализа, по нашим подсчетам из 400 персоналий более 80 являются немцами по происхождению.

Перечисленные особенности издания дают нам право назвать словарь фундаментальным исследованием, такого в крае еще не проводилось. Вместе с тем хотелось бы высказать ряд замечаний относительно формы и содержания издания.

На наш взгляд, столь обобщающее исследование требует более полной вступительной статьи, из которой читатель мог бы узнать основные этапы и специфику истории изучения региона, тем более, что содержание словаря дает базу для такого анализа. Может быть, стоило дать и более развернутую характеристику источников, на основе которых проводилось исследование, указать сложности, с которыми столкнулись редакторы.

В целом раздел «От составителей» написан четко и дает представление о характере издания, читатель узнает о его особенностях и методике работы с книгой. Однако территориальный критерий отбора информации остался для нас не совсем ясен. Составители отмечают, что «представленные в Словаре сведения ограничиваются территориальными рамками исторического Колывано-Воскресенского (позднее Алтайского) горного округа, но предпочтение отдается исследователям территории Алтайского края в географических границах до 1992 года» (стр.3). Здесь возникают вопросы:

1) Само выражение «территориальные рамки исторического округа» вызывает недоумение – границы горного ведомства на протяжении XVIII-XIX вв. постоянно изменялись. В таком случае необходимо было указать границы какого периода взяты за основу. Тем более что на форзаце книги дается цветная карта, где на современной топооснове указаны границы Алтайского округа рубежа XIX-XX веков (к самой карте некорректно составлена подпись: «Карта территории ... округа в государственно-административных границах 1991 г.» – получается, что на ней даны границы округа на 1991 г.).

2) Непонятно также по каким критериям отдавалось «предпочтение» изучению Алтайского края.

На наш взгляд, территориальный принцип, избранный составителями, является наиболее оптимальным критерием при отборе информации. Редакторы внесли в словник только тех ученых, которые посещали край или жили и работали на его территории. Это позволило четко провести грань при отборе материала. Например, читатель не найдет здесь сведений о Вильгельме Геннине, авторе одной из первых работ о крае (1735 г.), поскольку данный исследователь никогда не посещал юг Западной Сибири. Приходится признать, что редакторы столкнулись с трудностями при определении словника по указанному принципу. Например, при освещении истории изучения края невозможно обойти вниманием известного рудознатца Гераси-

ма Зырянова (первооткрывателя Зыряновского рудника – основного месторождения серебряных руд округа в XIX в.), несмотря на то, что он работал в северном Казахстане, за пределами современного края.

Вышеуказанные замечания не являются упреком в сторону составителей, поскольку любой критерий (как территориальный, так и хронологический) нуждается в рациональном применении, исходя из интересов читателя.

Безусловно, издание, обобщающее тысячи источников и сотни персоналий, не могло обойтись без досадных недочетов. Специалисты узкого профиля, очевидно, смогут обнаружить конкретные ошибки и неточности. Например, на странице 100 указан Кельемский – участник комиссии бригадира А. Безра 1744-1745 гг. В данном случае речь идет о князе Иване Пельемском, комиссаре комиссии А. Безра, который летом 1745 г. открыл месторождение серебро-свинцовых руд, названное «Комиссарским» (2). Эта ошибка перекочевала в Словарь из списка рудных месторождений, составленного В.Н. Мамонтовым в 1908 г. Конечно же, составители не имели возможности перепроверить все сведения и источники, использованные в биобиблиографическом издании. Это необходимо сделать нам, исследователям, которые будут пользоваться данным изданием. Есть в словаре и более досадные пропуски: среди персоналий есть «Аносов, второй», но нет «первого» – Петра Петровича, начальника заводов. Указано, что лекарь Я. Кизинг принимал участие в экспедиции Петрулина, но нет статьи о самом руководителе экспедиции.

Указанные недочеты не снижают общего впечатления о книге. Сами составители в предисловии отмечают, что рассматривают издание словаря «лишь как начальный этап в работе над созданием биографического свода исследователей Алтая» (стр.4). Когда есть столь надежный фундамент, последующие поколения исследователей получают возможность продолжить работу, дополняя и корректируя сведения данного издания. А то, что эта книга предназначена не на десятилетия, а на века сомнения не вызывает. И чрезвычайно важно, что полиграфическое исполнение издания соответствует высокому предназначению книги.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. На Урале попытку объединить литературные и архивные сведения впервые сделал в 1950-е гг. известный исследователь А.Г. Козлов, см. его: Козлов А.Г. Творцы науки и техники на Урале: Краткий биографический указатель. Свердловск, 1954; Козлов А.Г. Творцы науки и техники на Урале. XVII – начало XVIII века: Биографический справочник. Свердловск, 1981.
2. ЦХАФ АК. Ф.1. Оп.1. Д.7. Л.391.

В КРАЕВЕДЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Краеведение Алтайского края на рубеже веков: итоги, проблемы, перспективы

(Доклад на третьей научной сессии краеведческой ассоциации «Перспективы развития краеведения Алтайского края в XXI столетии». 26 января 2000 г.)

Краеведческое движение, по-видимому, зародилось в глубокой древности, так как с глубокой древности люди проявляли любовь и интерес к своей малой и большой Родине. В России оно оформилось в XIX веке и на протяжении своей истории испытывало взлеты и падения. Как известно первый мощный взрыв краеведческого движения на Алтае приходился на последнее десятилетие XIX и первое десятилетие XX века и связан с именами Голубева, Швецова, Верещагина и других. Для этого периода было характерно соединение и одновременное развитие разных научных направлений краеведения: природного, исторического, художественного и т.д. Второй взрыв пришелся на 20-е послереволюционные годы и связан был с событиями, «которые потрясли мир» и требовали осмысления вятка российской истории, как на общероссийском, так и на региональном уровне. В отличие от предыдущих лет активное участие в краеведческом движении на этом этапе принимала школа и школьные коллективы. Некоторое оживление краеведческого движения выпало на послевоенные 50-60-е годы. Для него особенно было характерно развитие общественного движения: летописание, деятельность сельских краеведов, устно-исторические исследования на темы колхозного строительства и Великой Отечественной войны. Очередным взрывом в развитии краеведческого движения можно назвать последнее десятилетие XX столетия, когда слились вместе и научное краеведение, и общественное, и школьное, и государственное, что проявилось в создании и введении в школы регионального компонента. Толчком к оживлению современного краеведческого движения послужило очередное потрясение России, требующее его осмысления.

Особенностью развития краеведения в эти последние годы стало бурное развитие разных направлений научного краеведения: исторического, экологического, этнографического, художественного и т.д. Расширилась тематика исследований. Кардинальные изменения произошли в школьном и вузовском краеведении, по-прежнему высокими темпами развивается общественное краеведение при поддержке краеведческих исследований и изданий, как местными администрациями, так и коммерческими структурами. В этом сила современного краеведения. Вместе с тем возникают и возникают новые проблемы.

Отличием современного краеведческого движения стали глубоко на-

учные подходы, при повышенном внимании и обращении ученых к краеведению, в отличие от предыдущих лет пренебрежения краеведческой теорией и практикой. Намечалось объединение ученых с сотрудниками государственных и общественных музеев Алтайского края, культурно-просветительскими коллективами. Их сотрудничество вылилось в разработку и реализацию совместных научно-исследовательских программ, фестивалей и т.д. Воссоздан печатный орган краеведческой ассоциации — «Алтайский сборник». Примеров много, хотелось бы остановиться на некоторых.

1. Примером сотрудничества явились проведенный детско-юношеским фольклорным центром «Песнохорки» под руководством Ольги Алексеевны Абрамовой 8-10 января 1999 года первый фольклорный фестиваль «Рождественские каникулы», в рамках которого прошла региональная научная конференция с привлечением ученых БГПУ, АГУ, АГИК, НГПУ, института этнологии СО РАН.

2. В 1988 году В.А. Скубицкий закончил свое выступление сессии Краеведческой ассоциации тезисом о необходимости развития маловостребованного в крае направления краеведения — этнографического. Сейчас мы можем говорить о кардинальных изменениях в этом направлении. Примером плодотворной работы стало проведение по инициативе БГПУ регулярных конференций по этнографии Алтая. Была найдена интересная форма работы вуза и наших ведущих музеев, когда конференция и издание осуществляются вузом, а музеи готовят к конференции временные выставки по традиционной культуре и быту населения Алтайского края. В 1996 году в связи с этим была подготовлена выставка ГХМАК «Живая старина», имевшая огромный успех, в 1998 году выставка АГКМ по новым этнографическим поступлениям в музей, в 2000 году ГХМАК готовит уникальную выставку из коллекций одежды, костюмов фондохранилища, еще не выставившихся в экспозициях. А главным результатом явилось объединение всех сил, занимающихся этнографией на разных уровнях, и постоянное расширение круга привлеченных участников, начиная с сельского учителя, музейного работника, местного краеведа (как, например, П.Ф. Рыженко), заканчивая Институтом этнологии СО РАН г. Новосибирска, Омским отделением СО РАН, университетами и музеями всех ведущих вузов Западной и Восточной Сибири. Первая конференция и первый сборник вышел в скромном виде в 1994 году, издание 1998 года отличалось кардинально.

3. Огромных результатов, благодаря содружеству научно-исследовательских и культурно-просветительских учреждений краеведческого профиля и постоянному общению в рамках краеведческой ассоциации добились в выполнении такой программы, как «Города и села Алтайского края: исто-

рико-культурное наследие». Достаточно вспомнить первый скромный опыт Павловского района (1993 год), когда впервые была апробирована форма полевых исследований района краеведческой экспедицией БГПУ и предложено администрации района подготовить и провести районную историко-краеведческую конференцию школьников, учителей, государственных служащих, местных краеведов, просто жителей района с привлечением ученых Барнаула, т.е. соединить школьное, вузовское, общественное краеведение с привлечением государственных чиновников, издать материалы по истории Павловского района.

Эта форма нашла не только продолжение, но и получила новый импульс с присоединением к выполнению данной программы таких членов Краеведческой ассоциации, как краевая библиотека, краевой архив и управление по архивным делам краевой администрации, научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Комитета по культуре и туризму краевой администрации. Такая форма является уникальной возможностью активизации краеведческого движения в районах края и оказания ему методической и научной помощи со стороны ученых Барнаула. Не стоит забывать о важной финансовой поддержке конференций и изданий районными администрациями. Благодаря союзу ЛИК БГПУ и НПЦ «Наследие» с одной стороны и районных администраций с другой, были проведены районные конференции и изданы сборники по Тальменскому, Алтайскому, Усть-Пристанскому районам. Благодаря союзу архива, Комитета по архивным делам, АГУ и районных администраций изданы материалы по Михайловскому, Шелаболихинскому районам, г.Змеиногорску, на выходе сборники по Павловскому, Завьяловскому и Панкрушихинскому районам.

Но, несмотря на достигнутые результаты, остается чувство неудовлетворенности в том плане, что после проведения конференций и издания сборника эта связь Краеведческой ассоциации рвется или остается формальной. И здесь будущему составу координационного совета есть над чем подумать и поискать пути привлечения к работе краеведческой ассоциации. Одним из выходов является опыт А.Б. Шамшина, который не ограничился одноразовой формой работы с районами, а выработал долгосрочное сотрудничество с Михайловским районом, где был открыт сельский лицей. Но возможны и другие формы. На наш взгляд, проведение подобных конференций должно заканчиваться созданием своей районной краеведческой ассоциации, которая может стать коллективным членом краеведческой ассоциации и выбрать координатора, который будет введен в Координационный состав Краеведческой ассоциации и служить связующим звеном между краевым и районным обществом. В таком случае кра-

сведческая ассоциация больше бы и соответствовала статусу краевой, так как по представительности настоящей сессии ее можно скорее назвать барнаульской, хотя предприняты попытки расширить состав участников. А исправить положение, на наш взгляд, может оформление юридического статуса Алтайской краеведческой ассоциации, со своим счетом, минимальным капиталом необходимым для решения таких финансовых проблем, как письменная информированность сельских и районных членов Координационного Совета (конверты, бумага, ксерокопии решений), высылка литературы, вызов и организация проживания иногородних участников сессий или заседаний Координационного совета. Примеров приобретения общественными объединениями юридического статуса много. Например, Ассоциация «Открытый музей» (штаб-квартира в Красноярске), созданная в 1995 году и объединяющая музеи, галереи, учебные, проектные и иные учреждения, а также частных лиц, профессионально работающих в музейной сфере. На корпоративных началах они издают периодические издания, имеют незначительные вступительный и годовые членские взносы. Что касается краеведческой ассоциации, то назрела также необходимость создать символы, узнаваемые штампы, книжки и т.п. краеведческой ассоциации.

Это бы способствовало и развитию такого направления как установление творческих связей с подобными краеведческими объединениями соседних областей, обмен опытом, литературой. Во всех соседних регионах издаются краеведческие сборники. Например, в Курганской области альманах «Земля Курганская. Прошлое и настоящее», где публикуются исследования от истории отдельных сел, до обобщающих трудов, переиздаются старые нужные издания. Или «Земля Иркутская». В этом плане можно поучиться у фольклористов, которые давно контактируют – проводят совместные фестивали.

В связи с вышесказанным хотелось бы обратить ваше внимание на следующий момент – включение материалов работы краеведческой ассоциации в систему Интернет с целью не только выхода на общесибирский, общероссийский, но и мировой уровень. Назрела необходимость создать сайт Алтайской краевой краеведческой ассоциации, на который помещать информацию о сессиях, электронные материалы выступлений, докладов, предложений, отчетов, списков издаваемой литературы, сводный план работы членов ассоциации с информацией времени, места, условий проведения научных конференций и координаторов организации конференции.

Важной проблемой остается установление творческих связей и внутри Алтайского региона между различными направлениями краеведческого

движения. Необходимо возродить традиции широкого сотрудничества и союза краеведов, как комплексной организации: историческое, естественное, экологическое, литературное и т.п. Такие попытки предприняты в издательской и массово-пропагандистской работе (издание порайонных материалов по этнографии). Но на наш взгляд, назрела необходимость укрепления организационной структуры краеведческой ассоциации. В стороне от деятельности краеведческой ассоциации находится Технический университет, Музей истории литературы, искусства и культуры, АГИИК, АКППРО и т.д. Непонятно почему отошли от работы краеведческой ассоциации краеведы-естественники, которые ведут огромную краеведческую работу.

Говоря о подъеме краеведческого движения, необходимо отметить, что в числе его локомотивов, объединяющих разные краеведческие силы, находится краевая библиотека, с работой которой связана деятельность всех членов краеведческой ассоциации. После создания краеведческой ассоциации, начиная с первой научной сессии и кончая заседаниями рабочей группы, библиотека внимательно прислушивалась к просьбам и советам краеведов, и благодаря деятельности ее сотрудников, была выполнена мечта краеведов и был создан зал краеведческой литературы (такое пожелание было высказано на первой сессии ассоциации). Библиотека стала местом презентации краеведческих книг, учебников, проведения научных конференций, сама являлась участницей выездных конференций. Ежегодно библиотека продолжает выпуск издания по истории Алтая. По предложению же краеведческой ассоциации сотрудниками библиотеки создается информационный каталог краеведов Алтая, издаются библиографические указатели (выпущены библиографии работ В.Ф. Гришаева, Н.Я. Савельева, А.Д. Сергеева и др.). При библиотеке создан Клуб любителей старины, тоже пожелание Краевой краеведческой ассоциации. Все не перечислить. В этом заслуга всего коллектива, но особенно директора Л.Г. Койновой, зав. отделом краеведения В.С. Олейник и ее сотрудниц, зав. Отделом редкой книги В.П. Кладовой и ее сотрудниц. Хотелось бы, чтобы библиотека выполнила еще четыре пожелания членов краеведческой ассоциации:

1. Возбудила вопрос перед краевой администрацией о невыполнении типографиями края закона об обязательных экземплярах отправки книг в саму библиотеку и Книжную палату (г. Москва). Винить авторов или редакторов в пренебрежении интересами библиотеки, наверное, не следует, поскольку именно авторы заинтересованы и в популяризации своих изданий и в представлении их в центральных российских книжных хранилищах. Но они на современном этапе бывают поставлены в столь жесткие финансовые рамки, что даже не всегда в достаточном количестве получа-

ют авторские экземпляры. Необходимо заставить типографию выполнить законы государства.

2. Хотелось бы, чтобы Краевая библиотека при содействии краеведческой ассоциации вышла на совет ректоров с предложением обязательной высылки экземпляров авторефератов диссертаций в ее фонд, можно обратиться и в соседние региональные советы по защите диссертаций с включением адреса библиотеки в список библиотек с обязательной рассылкой авторефератов (Кемерово, Томск, Новосибирск, Омск и т.д.) Не плохо было бы, чтобы сами диссертанты не забывали не только о краевой библиотеке, но и открытой для читателя библиотеке Краевого архива, хотя бы в благодарности за его услуги в предоставлении документов.

3. Осталось «голубой мечтой» и создание доступного для читателя архива краеведческой ассоциации, который должен быть сосредоточен в специальном фонде Центра хранения архивного фонда Алтайского края. Сейчас он хранится в разных местах: в фонде культуры, в краевой библиотеке, в АГУ, БГПУ, у бывших председателей краеведческой ассоциации, в том числе и у меня. Среди них есть и уникальные материалы. Например, у А.В. Добриковой есть рукописные материалы ныне покойного Василия Николаевича Кислицина и т.д. Может быть архив, как член Координационного совета возьмет на себя труд по приведению в порядок архива ассоциации и тем самым увековечит ее работу.

4. По-прежнему остро стоит вопрос о создании единого центра продажи издаваемой сейчас краеведческой литературы. Поскольку существующий лоток в «Пенитах» и книжная лавка в АКИПКРО не стали местом продажи всех краеведческих изданий от методических до научных, от исторических до географических (да и накрутки 20% делают эту литературу в них недоступной). Вместе с тем, сейчас огромное количество изданий остается известными только в границах собственных вузов, музеев и т.п.

Школьное краеведение.

В сфере школьного краеведения произошли кардинальные изменения. Достигнуты огромные успехи в организации поисковой и научно-исследовательской работы школьников. На сегодняшний день существуют и пользуются большой популярностью научные конференции, проводимые совместно краевой и городской администрациями с вузами Барнаула – АГУ и БГПУ: Краевая историческая олимпиада, Краевая историко-краеведческая конференция школьников на базе лицея БГПУ (КИККИШ), Городская историко-краеведческая конференция, Секция истории, археологии, этнографии программы «Шаг в будущее». Но в последнее время в проведении конференций возник целый ряд проблем, которые необходимо решить. В частности недоразумения, связанные с дублированием ряда

конференций, речь идет о графике работы школы «Шаг в будущее», которая не учитывая сложившийся опыт школьных конференций, надстроила свой график, приурочив не только его, но и тематику докладов-победителей к требованиям Москвы, о чем, по-видимому, будет говорить куратор краеведческого школьного движения, председатель экспертного жюри А.В. Контев.

Успехи школьного краеведения в значительной степени были достигнуты тем, что к школьному краеведению лицом повернулась высшая школа. При историческом факультете БГПУ была открыта Лаборатория исторического краеведения, почти ровесница краеведческой ассоциации, которая в декабре этого года будет отмечать свое десятилетие. Ее главным назначением стало оказание методической помощи школам, работа с учителями и школьниками. Огромную лепту внес государственный университет (АГУ). Благодаря работе А.Б. Шамшина возникла заочная школа краеведения, с прошлого года на базе сельской Михайловской школы им же был создан лицей от АГУ, Александр Борисович руководит большим числом научных работ школьников, создал исторический класс при школе №40. Научным сотрудником АГУ П.И. Шульгой и сотрудником ЛИК БГПУ С.М. Ситниковым ведется большая работа по привлечению учащихся, как к исследовательской археологической работе, так и к охране памятников истории и культуры. Таким образом, особенностью современного момента является то, что высшая школа стала инициатором организации школьного краеведения. Поэтому именно высшая школа должна заговорить и о проблемах возникших в последние годы.

Так, в исследовательской работе школьников замечен некоторый перекос, который возник в последние годы и который показала тематика научных докладов на школьных конференциях. В частности, большое количество докладов стало посвящаться по таким проблемам, как история церкви, история предпринимательства и коммерции и т.д. Понятно, что одним из побуждений являлось и чувство исторической справедливости, и необходимое заполнение белых пятен истории и т.п. Но это привело в то же время к возникновению «завальных» тем, на которые не только не обращают внимание, но или боятся или даже стесняются прикоснуться. Например, история армии, история войн, начиная от империалистической и кончая чеченской, история революций или гражданской войны. Особенно непопулярна история советского периода. В определенной степени задачей ученых является помощь в изучении XX столетия, поднять его на новый методический и методологический уровень, предложить новые подходы, новые методы, в том числе и применить к истории населения и населенных пунктов Алтай зарубежный опыт новых направлений и методов исследования: устной ис-

тории (Oral history), исторической и социальной психологии и т. д. К таким, например, обделенным темам относится изучение крестьянства, в том числе в колхозный период. Отказавшись от изучения колхозного строительства, краеведы отказались от истории крестьянства в XX веке, обратившись только к традиционной крестьянской культуре, тогда как в мировой практике изучение крестьянства является одним из ведущих направлений и так называется *peasantry* или *rural*.

В качестве тревожного примера хотелось донести до краеведческой общественности и государственных учреждений положение с археологическими лагерями школьников, которые появились на Алтае в начале 90-х годов под руководством ученых АГУ и БГПУ. Новая организационная форма, рассчитанная на широкий охват школ и подростков в сельских районах края, была создана по инициативе П.И. Шульги в 1992 году под эгидой ЛИК БГПУ. При активном содействии НПЦ «Наследие» с 1993 года в долине рек Сентелек Чарышского района был организован археологический лагерь школьников по спасению аварийных памятников и их музеефикации. В тот год лагерь принял четыре отряда из трех сельских районов и г. Барнаула в количестве 50 человек. К 1995 году, когда к движению присоединились КСИУТур и АГУ, в Сентелекском лагере работало более 200 учащихся. В созданном в том же году археологическом лагере на территории Локтевского района по инициативе С.М. Ситникова (БГПУ) работало 50 человек. При этом из Барнаула в его работе участвовали школьники экологического лицея, а из Горняка ребята детского дома №1. В 1999 году С.М. Ситников открыл археологический лагерь в Хабаровском районе, в котором работали ребята самого района и г. Славгорода. Таким образом, сложилась система работы со школами и администрациями, охватывающая 10 районов края и город Барнаул. Учеными была разработана программа археологического туризма, сформировалась идея создания центра, организующего и курирующего деятельность археологических групп. К сожалению, с 1996 года лагеря практически лишились краевой поддержки, на уровне районов сохранились несколько отрядов благодаря энтузиазму их руководителей и вузовских создателей (Славгород, Поспелиха, Чарыш). Например, под вопросом стоит существование лагеря в Локтевском районе. В прошлом году, по словам его руководителя С.М. Ситникова, удалось провести полевой сезон благодаря поддержке КСИУТур (выделили деньги на питание), родителям школьников Экологического лицея. Изменилась и позиция находящегося на территории района детского дома с уходом директора Клишина Михаила Петровича, новый директор, даже после обращения к главе местной администрации, идет неохотно. Обидно за ребят, желание которых неизмеримо велико. Хотя есть и противополо-

жные примеры. На энтузиазме С.М. Ситникова и благодаря администрации г. Славгорода и председателя комитета по образованию Хабаровского района Юрия Николаевича Змеевского состоялся полевой сезон школьного лагеря. Для изменения положения в лучшую сторону необходима заинтересованная поддержка ученых, учителей-энтузиастов со стороны краевых органов народного образования. В противном случае это, не имеющее аналогов в России, движение если не угаснет (слишком велико желание его участников), то и не сможет подняться на высокий уровень.

Благодаря именно высшей школе и при финансовой поддержке комитета по образованию удалось частично решить проблему региональных программ, учебников и учебных пособий. Если в начале 90-х годов кроме учебника Алексея Андреевича Худякова «История Алтайского края» школа ничего не имела, то теперь выпущен ряд пособий для разных школьных возрастов, разной проблематике по историческому краеведению (авторские учебники Александра Борисовича Шамшина, Ольги Фридриховны и Артура Леонидовича Кунгуровых, Михаила Александровича Демина, Вадима Борисовича Бородаева и др., учебник по истории культуры, учебно-методический комплект по фольклористике В.Е. Фомина и О.С. Щербачевой с аудиокассетами украинских и русских песен), художественному краеведению (книга для чтения Т.М. Степанской), природного краеведения (учебник «География Алтайского края») и другие. Реализуя потребности образовательных и культурных учреждений, были открыты краеведческие специальности: на историческом факультете БГПУ введена специальность учитель истории и исторического краеведения, на факультете АГИИК было два выпуска организаторов музейно-краеведческой работы, выпускники работают в краевых и сельских музеях, с 1995 г. специальность историк-музеевед, с 1999 года педагог-музеевед, на платных условиях набирается туристско-экспедиционная группа, с 1995 года открыта новая специальность на музыкальном факультете Педагогического колледжа «Учитель музыки и педагог по народной культуре», в Алтайском краевом колледже культуры при поддержке Комитета по культуре и туризму администрации Алтайского края с 1996 года открыта специальность «фольклор, этнография» с квалификацией «руководитель фольклорного коллектива, педагог организатор фольклорной работы», в этом году будет первый выпуск специализации «народные ремесла», на географическом факультете АГУ готовятся специалисты по туризму, с этого года открывается специализация на историческом факультете АГУ «архивоведение». Всеми высшими и среднеспециальными заведениями проводится экспедиционная работа, открываются комнаты или музеи, проводятся конференции. Однако последнее время стали поднимать вопрос не только об издании учебной, на-

учной литературы, но и выявилась потребность в популярной краеведческой литературе для всех возрастов, от дошкольного, младшего школьного и до зрелого возраста. В данном случае, видимо, необходимо подумать о развитии такого направления деятельности краеведческой ассоциации, как издание популярной литературы.

Пожалуй, одним из наиболее тревожных участков краеведческого движения на сегодняшний день является сфера охраны памятников истории и культуры. Фактически развалились все общественные структуры, которые проводили огромную работу (ВООПИиК). С созданием НПЦ «Наследие» появился шанс поднять охраняемые работы на новую высоту. Надо отдать должное молодому коллективу в организации больших работ с районами и т.д. Но, по-видимому, можно предположить, что идея создания государственных служб с федеральным финансированием работ по выявлению, учету и охране памятников фактически провалилась с прекращением финансирования охраняемых работ из Минкультуры и передачи арендных доходов в общины краевой бюджет. Если до 1996 года в ходе картографирования было описано 1700 памятников в 45 районах края (а всего по количеству археологических памятников (около 3 тыс.) Алтайский край является одной из насыщенных территорий России), то теперь работы по картографированию прекратились, начались пробуксовки проведения спасательных работ аварийных археологических памятников. Так, уникальный многослойный памятник (от культур верхнего палеолита до средневековья) на берегу Гилевского водохранилища спасают ученые и студенты БГПУ, при отказе не только в общем финансировании, но даже выделении 1 тыс. руб. для фотовидеоматериалов. Единственным путем для археологов является спасение памятников в зоне строительных работ с привлечением к юридической ответственности и финансированию раскопок. Поэтому наибольших успехов НПЦ «Наследие» в тех трудных условиях, в которых оно оказалось, достигло только в контроле крупных строительных работ, большую работу проводит по разъяснению, пропаганде охраняемых мероприятий, проведении инспекционных поездок, а также в контроле над уже поставленными на учет памятниками архитектуры, и почти прекратило работу по выявлению новых памятников и постановке их на учет, особенно в алтайской деревне, где нет коммерческих структур, которым можно было бы сдать в аренду памятники истории и культуры. Одним из путей их спасения, на наш взгляд, являлась начатая, но оборвавшаяся с 1998 года работа по выявлению памятников крестьянской, торгово-промышленной архитектуры в сельской местности. В НПЦ «Наследие» лежат каталоги по крестьянской архитектуре ряда районов (Усть-Калманского, Тальменского, Усть-Пристанского) без надежды их издания. Существуют проблемы и в городе: почему отошла в прошлое практика создания об-

щественных комиссий по тем или иным проблемам, например, давно и болезненно зависла проблема Барнаульского сереброплавильного комплекса, Нагорного кладбища (чего только стоит беззащитность бронзового бюста Н.М. Ядринцева, да простят нам потомки это кощунство и безалаберность!!!), прискорбное зрелище представляет богадельня. По-видимому, надо НПЦ «Наследие» искать новые формы работы по спасению историко-культурного наследия Алтайского края, а краевой администрации обратить на это внимание.

В заключении хотелось бы от лица старого состава рабочей группы и лице О.В. Падаловой, В.С. Олейник и моего имени поблагодарить всех, кто оказал нам помощь в работе, в организации работы сессии, в подготовке ее материалов и высказать восхищение объемом и качеством работы всех членов ассоциации, так как осветить состояние и все проблемы краеведческого движения в одном докладе невозможно, они будут дополнены моими коллегами. И конечно пожелать будущему составу рабочей группы сил и упорства, чтобы решить те проблемы, о которых еще будет говориться на сегодняшней сессии.

СПИСОК ЧЛЕНОВ КООРДИНАЦИОННОГО СОВЕТА Алтайской краевой краеведческой ассоциации, избранных на заседании третьей научной сессии (26 января 2000 г.)

- Абрамова Ольга Алексеевна** – директор Центра детского и юношеского творчества «Песнохорки»
- Бородаев Вадим Борисович** – научный сотрудник Лаборатории исторического краеведения Барнаульского государственного педагогического университета
- Буянов Николай Арсентьевич** – директор Краевого центра детского и юношеского туризма
- Витовтова Галина Ивановна** – к.и.н., доцент Алтайского государственного института искусства и культуры
- Галкина Инна Константиновна** – директор по научной работе Государственного художественного музея Алтайского края
- Герасимова Надежда Александровна** – доцент кафедры хореографии Алтайского института искусства и культуры
- Гришаев Василий Федорович** – краевед

- Деринг Александр Федорович** – руководитель архитектурной мастерской
- Дмитриева Лидия Михайловна** – доцент кафедры общего исторического языкознания Алтайского государственного университета
- Добрикова Анна Васильевна** – зам. председателя Алтайского отделения Российского Фонда Культуры
- Дударева Ольга Николаевна** – начальник отдела информации и публикации документов Управления архивного дела администрации Алтайского края; зам. председателя Координационного совета ассоциации
- Контев Аркадий Васильевич** – к.и.н., доцент кафедры отечественной истории БГПУ, председатель Координационного совета ассоциации
- Кривонос Яков Егорович** – архивист Управления архивного дела администрации Алтайского края
- Кубрина Галина Александровна** – зав. историческим отделом Научно-производственного центра «Наследие»
- Кузнецов Михаил Михайлович** – представитель Сибирского казачьего войска
- Кунгурова Ольга Фридриховна** – научный сотрудник Лаборатории исторического краеведения БГПУ
- Лекомцев Валерий Петрович** – начальник отдела общего и среднего специального и педагогического образования комитета по образованию администрации Алтайского края
- Неупокоева Лилия Александровна** – методист Алтайского краевого центра информационно-технической работы, координатор программы «Шаг в будущее» (секции археологии, этнографии и истории)
- Олейник Вера Сергеевна** – зав. отделом краеведения АКУНБ им. В.Я. Шиншкова, секретарь Координационного совета ассоциации
- Падялкина Ольга Викторовна** – директор Алтайского государственного краеведческого музея
- Попова Любовь Николаевна** – научный сотрудник Центра детского и юношеского творчества «Песнохорки»
- Рагон Наталья Ивановна** – начальник Управления архивного дела администрации Алтайского края
- Ревякин Виктор Семенович** – д.геогр.н., директор Института горного природопользования
- Сергеев Алексей Дмитриевич** – к.и.н., краевед

- Скубневский Валерий Анатольевич** – д.и.н., зав. кафедрой отечественной истории АГУ
- Старцев Александр Владимирович** – к.и.н., доцент АГУ
- Степанская Тамара Михайловна** – д.иск., зав. кафедрой искусствоведения и мировой культуры АГУ
- Терехина Татьяна Александровна** – д.б.н., зав. кафедрой ботаники АГУ
- Тырышкин Владимир Николаевич** – зам. председателя комитета по образованию администрации Алтайского края
- Фарафонова Людмила Валентиновна** – зам. директора по библиотечной работе АКУНБ им. В.Я. Шиншкова
- Фомин Вадим Евгеньевич** – аспирант кафедры философии БГПУ
- Харламов Сергей Викентьевич** – к.геогр.н., зам. председателя комитета по культуре и туризму краевой администрации
- Шамшин Александр Борисович** – к.и.н., зав. лабораторией археологии АГУ
- Шульга Петр Иванович** – к.и.н., зам. зав. Лабораторией археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН и НИИ гуманитарных исследований при АГУ, старший научный сотрудник ИПЦ «Наследие»
- Щеглова Татьяна Кирилловна** – к.и.н., зав. сектором устной истории и этнографии Лаборатории исторического краеведения БГПУ

БУЛЫГИН ЮРИЙ СЕРГЕЕВИЧ
(1931 – 2000)

Алтайская краевая краеведческая ассоциация с глубоким прискорбием сообщает, что 11 июня 2000 г. скончался известный историк и краевед, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета Юрий Сергеевич Булыгин.

Юрий Сергеевич родился в 1931 г. в Бийске, окончил историко-филологический факультет Томского университета в 1955 г. После этого работал на Алтае: инспектор Шызуновского роно, инструктор крайкома ВЛКСМ, преподаватель общественных дисциплин в вузах Барнаула (АПИ, АГМИ, АСХИ), а с 1973 г. и до последних дней жизни трудился в АГУ.

Здесь он смог соединить научные интересы и преподавательскую деятельность, ибо он интересовался и занимался в научном плане периодом феодализма и именно на историческом факультете АГУ стал читать курсы по отечественной истории и истории Сибири. Ю.С.Булыгин был в числе тех, кто стоял у истоков нового университета, был первым деканом историко-филологического и экономического факультета, из которого со временем выросло несколько самостоятельных факультетов.

Ю.С.Булыгин известен как крупнейшим специалистом по истории заселения Верхнего Приобья русскими, возникновения и истории населенных пунктов, истории крестьянства Западной Сибири и других проблем. Его перу принадлежит свыше 100 научных работ, в их числе книги «Первые крестьяне на Алтае» (Барнаул, 1974), «Приписная деревня Алтая в XVIII веке» (в 2 частях. Барнаул, 1997), в составе авторских коллективов – «Крестьянство Сибири в эпоху феодализма» (Новосибирск, 1982), «Очерки истории Алтайского края» (Барнаул, 1987). 38 статей он написал для двух-

томной «Энциклопедии Алтайского края» и около 50 для энциклопедии «Барнаул».

Ю.С.Булыгин постоянно печатался и в «Алтайских сборниках» – печатном органе краеведов Алтая. Им были опубликованы статьи: «Первые русские поселения на Алтае» (Вып. 14), «Освоение русскими крестьянами бассейна реки Большая Лосиха» (Вып. 16), «О роли разных групп населения в присоединении и освоении Алтая» (Вып. 18). АКУНБ и исторический факультет АГУ планируют в 2001 г. издать полную биографию трудов Ю.С. Булыгина, а ЦХАФ АК создать личный фонд ученого.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АГИИК	– Алтайский государственный институт искусств и культуры
АГКМ	– Алтайский государственный краеведческий музей
АГМИ	– Алтайский государственный медицинский институт
АГТУ	– Алтайский государственный технический университет
АГУ	– Алтайский государственный университет
АКУНБ	– Алтайская краевая универсальная научная библиотека
АКЦИТР	– Алтайский краевой центр информационно-технической работы
АПИ	– Алтайский политехнический институт
АСХИ	– Алтайский сельскохозяйственный институт
БГПУ	– Барнаульский государственный педагогический университет
БКМ	– Бийский краеведческий музей
ГАО	– Государственный архив Новосибирской области
ГАОО	– Государственный архив Омской области
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГАТО	– Государственный архив Томской области
ГХМАК	– Государственный художественный музей Алтайского края
КЦДИОТ	– Краевой центр детского и юношеского туризма
ПСЗРИ	– Полное собрание законов Российской империи
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГАЗ	– Российский государственный архив экономики
РГИА	– Российский государственный исторический архив
СО РАН	– Сибирское отделение Российской Академии наук
ЦГА РК	– Центральный государственный архив Республики Казахстан
ЦГА СПб.	– Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦСУ	– Центральное статистическое управление
ЦХАФ АК	– Центр хранения архивного фонда Алтайского края

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

<u>Булыгин Ю.С.</u>	– к.и.н., доцент кафедры отечественной истории АГУ
Вистингаузен В.К.	– ученый секретарь Тальменского краеведческого музея
Глазунов Д.А.	– аспирант кафедры отечественной истории АГУ
Гончаров Ю.М.	– к.и.н., доцент кафедры отечественной истории АГУ
Григоричев К.В.	– аспирант лаборатории исторического краеведения БГПУ
Гришаев В.Ф.	– краевед
Дмитриева Л.М.	– к.ф.н., доцент кафедры общего исторического языкознания АГУ
Колесников А.А.	– главный археограф Отдела информации и публикации документов Управления архивного дела администрации Алтайского края
Конев А.В.	– к.и.н., доцент кафедры отечественной истории БГПУ
Кривоносов Я.Е.	– архивист Управления архивного дела администрации Алтайского края
Кунгуров А.Л.	– к.и.н., ведущий научный сотрудник лаборатории археологии АГУ
Лен К.В.	– к.и.н., преподаватель Барнаульского юридического института МВД РФ
Литвинова О.А.	– аспирант кафедры истории отечества и политологии АлтГТУ им. И.И. Ползунова
Мещеряков Н.А.	– студент исторического факультета АГУ
Никулина И.Н.	– к.и.н., доцент кафедры истории отечества и политологии АлтГТУ им. И.И. Ползунова
Олейник В.С.	– зав. отделом краеведения АКУНБ им. В.Я. Шнишкова
Падалкина О.В.	– директор АГКМ
Пережогин А.А.	– аспирант кафедры отечественной истории АГУ
Рафиев Л.С.	– к.и.н., г. Москва
Сергеев А.Д.	– к.и.н., краевед
Скубневский В.А.	– д.и.н., профессор, зав. кафедрой отечественной истории АГУ
Степанская Т.М.	– д.иск., зав. кафедрой искусствоведения и мировой культуры АГУ
Тяпкин М.О.	– аспирант кафедры отечественной истории АГУ
Храмков А.А.	– к.и.н., профессор кафедры новейшей отечественной истории АГУ
Шайдулов В.Н.	– аспирант кафедры отечественной истории АГУ
Щеглова Т.К.	– к.и.н., доцент кафедры отечественной истории БГПУ

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ	3
Будягин Ю.С. Пути-дороги Алтая в XVIII веке	5
Пережогин А.А. История горной полиции Кольваново-Воскресенских заводов в XVIII веке	24
Глазунов Д.А., Тихини М.О. Защита кабинетских лесов Алтайского округа от самовольных порубок в административно-судебном порядке в конце XIX – начале XX вв.	30
Никулина И.Н. Польские ссылки 80-90-х гг. XIX в. на Алтае	44
Шайдунов В.Н. Первая мировая война и судьбы российских немцев	48
Гришаев В.Ф. «Вот выдам себя за кулацкого главаря...» (К истории Добытнинского восстания)	63
Григоричев К.В. Население Алтайского края в 1945-1989 гг.: численность и размещение	76
II. ИЗ ИСТОРИИ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ	91
Дмитриева Л.М. Динамика урбонимической системы Барнаула	93
Лев К.В. Деятельность общественных управлений городов Алтайского округа по развитию благоустройства и санитарно-эпидемиологическому контролю в 70-90-е гг. XIX в.	108
Скубневский В.А. Первые частные электростанции Барнаула	116
Гончаров Ю.М. Население г. Кольвани во второй половине XIX – начале XX в.	129
Храмков А.А. Село Ирбизино Чернокурьянской волости Барнаульского уезда в 1917 году (По материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.)	144
III. ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ	161
Мартынов С. Санитарно-медицинская часть на Алтае	163
Воспоминания о Василии Константиновиче Штильке	196
IV. КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ	207
Литвинова О.А. Актерская антреприза в Алтайской губернии и Западной Сибири в 1920-е годы	209

Вистингаузен В.К. Неизвестный групповой портрет работы М.И. Мягкова	220
Степанская Т.М. О сельских храмах Алтая (итория половина XIX – нач. XX в.)	227
V. ИССЛЕДОВАТЕЛИ АЛТАЯ	239
Рафиевко Л.С. Французская экспедиция 1861-1862 гг. на Алтай	241
Кунгуров А.Л. Бийская палеолитическая стоянка (по архивным материалам С.М. Сергеева)	246
VI. ИМЕНА	253
Колесников А.А. Мария Швецова. Контур личности	255
Мещеряков Н.А. Кл. Вилькен. Страницы жизни	263
VII. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	267
Кривоносов Я.Е. Рассуждения краеведа А.Д. Сергеева (о книге: Сергеев А.Д. Слово об И.И. Ползунове: Историко-краеведческая картология. Барнаул, 1999)	269
Олейник В.С. Из истории создания календарей знаменательных и памятных дат в Алтайском крае	274
Контев А.В. Эта книга предназначена на века (Рецензия на биобиблиографический словарь «Исследователи Алтайского края, XVIII-начало XX века»)	277
VIII. В КРАЕВЕДЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ	283
Щеглова Т.К. Краеведение Алтайского края на рубеже веков: итоги, проблемы, перспективы (Доклад на третьей научной сессии краеведческой ассоциации «Перспективы развития краеведения Алтайского края в XXI столетии». 26 января 2000 г.)	285
Список членов Координационного совета Алтайской краевой краеведческой ассоциации	295
Будягина Ю.С. (1931-2000 гг.)	298
Список принятых сокращений	300
Сведения об авторах	301

I. СГ
Буть
Пере
Вост
Глаз
окру
поря
Нис
Шай
Гри
(К и
Гри
числ

II. И
Дми
Лен
Алт
эпи
Ску
Гон
нач
Хра
Бар
сел

III. I
Мар
Вос
IV. I
Лит
и За

АЛТАЙСКИЙ СБОРНИК
Выпуск XX

Оригинал-макет – Н.Лютых

Сдано в набор 13.10.2000 г. Подписано в печать 05.02.2001 г.
Формат 60x84/16. Гарнитура Таймс. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,67.
Тираж 850. Заказ 1989.

ОАО «Алтайский полиграфический комбинат» —
656023, Барнаул, Г.Титова, 3.

